

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

РОССИЯ XVII ВЕКА
В РИСУНКАХ И ОПИСАНИЯХ
ГОЛЛАНДСКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
НИКОЛААСА ВИТСЕНА

А.Н.Кирпичников

РОССИЯ XVII ВЕКА

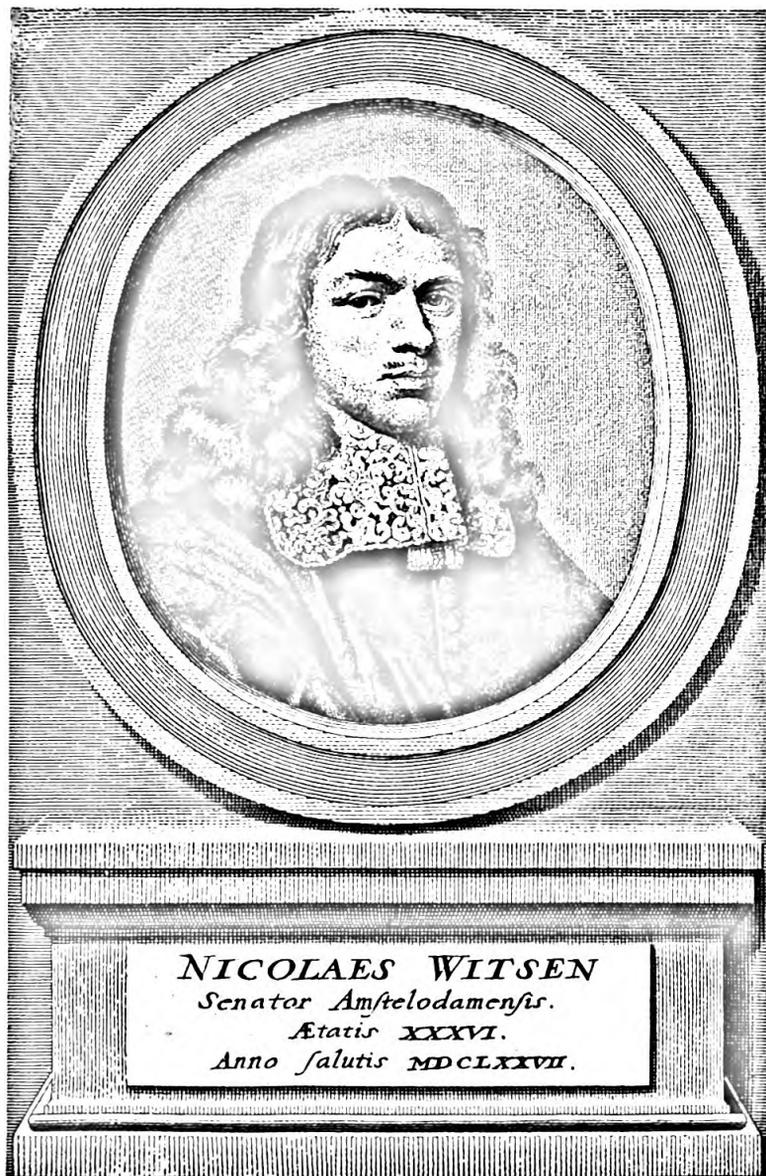

Рис. 1. Николаас Витсен,
сенатор амстердамский
Гравюра 1677 г.

А. Н. Куртичников

Россия XVII века
в рисунках и описаниях
голландского
путешественника
НИКОЛААСА ВИТСЕНА

Издание осуществлено при
финансовом содействии:

Ministerum of Education. University
of Amsterdam, Institute for Russian
and Eastern European Studies;

Комитета по культуре и туризму
администрации Псковской области.

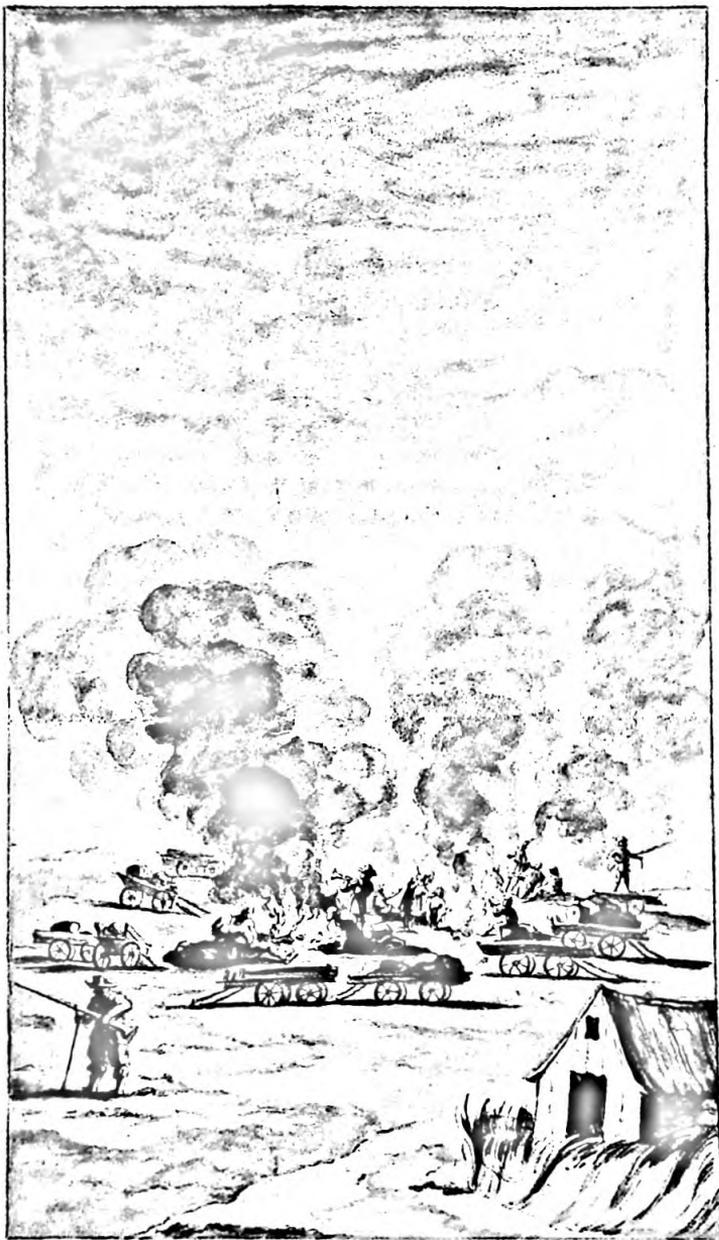
Книга доктора исторических наук профессора А. Н. Кирпичникова написана на основании впервые публикуемых рисунков русских городов: Печор, Пскова, Новгорода, Торжка, Твери, Москвы, а также некоторых монастырей и мест, выполненных в 1664–1665 гг. голландским ученым и путешественником Николаасом Витсеном во время его поездки в Россию в составе голландского посольства. Это посольство не оставило бы по себе значительной памяти, если бы не увлекательный, полный непосредственных впечатлений дневник 23-летнего Николааса и его путевые зарисовки. Путешествие в Россию произвело на Витсена неизгладимое впечатление и во многом определило последующую деятельность этого незаурядного человека.

А. Н. Кирпичников. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена — Санкт-Петербург, АО «Славия», 1995

А. Н. Киртичников, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Нью-Йоркской академии наук. В 1953 г. окончил Исторический факультет Ленинградского университета. Заведующий отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук. Автор около 400 научных и популярных работ, в том числе 14 монографий, всех посвященных истории, археологии, культуре, архитектуре Древней Руси и сопредельных стран. Один из создателей современного исторического оружеведения, им заново обрисовано развитие средневековой фортификации, градостроительства, ремесла, торговли, международных контактов, в особенности, славяно-финских и славяно-скандинавских. В течение многих лет проводит археологические раскопки в северо-западных русских городах.

В данной книге впервые публикуются рисунки и свидетельства о России XVII века голландца Н. Витсена, что равноценно открытию и возвращению, казалось, навсегда исчезнувшего пласта отечественного культурного наследия. Сделанные Витсеном рисунки русских городов были обнаружены в Отделе картографии Австрийской национальной библиотеки в Вене, которая и предоставила автору право публикации. Написанное образным ярким языком произведение А. Н. Киртичникова является ценным вкладом в изучение русской национальной культуры и архитектуры, а также международных культурных связей России и Западной Европы.

Winter nacht Lager werden thun.

НИКОЛААС ВИТСЕН БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

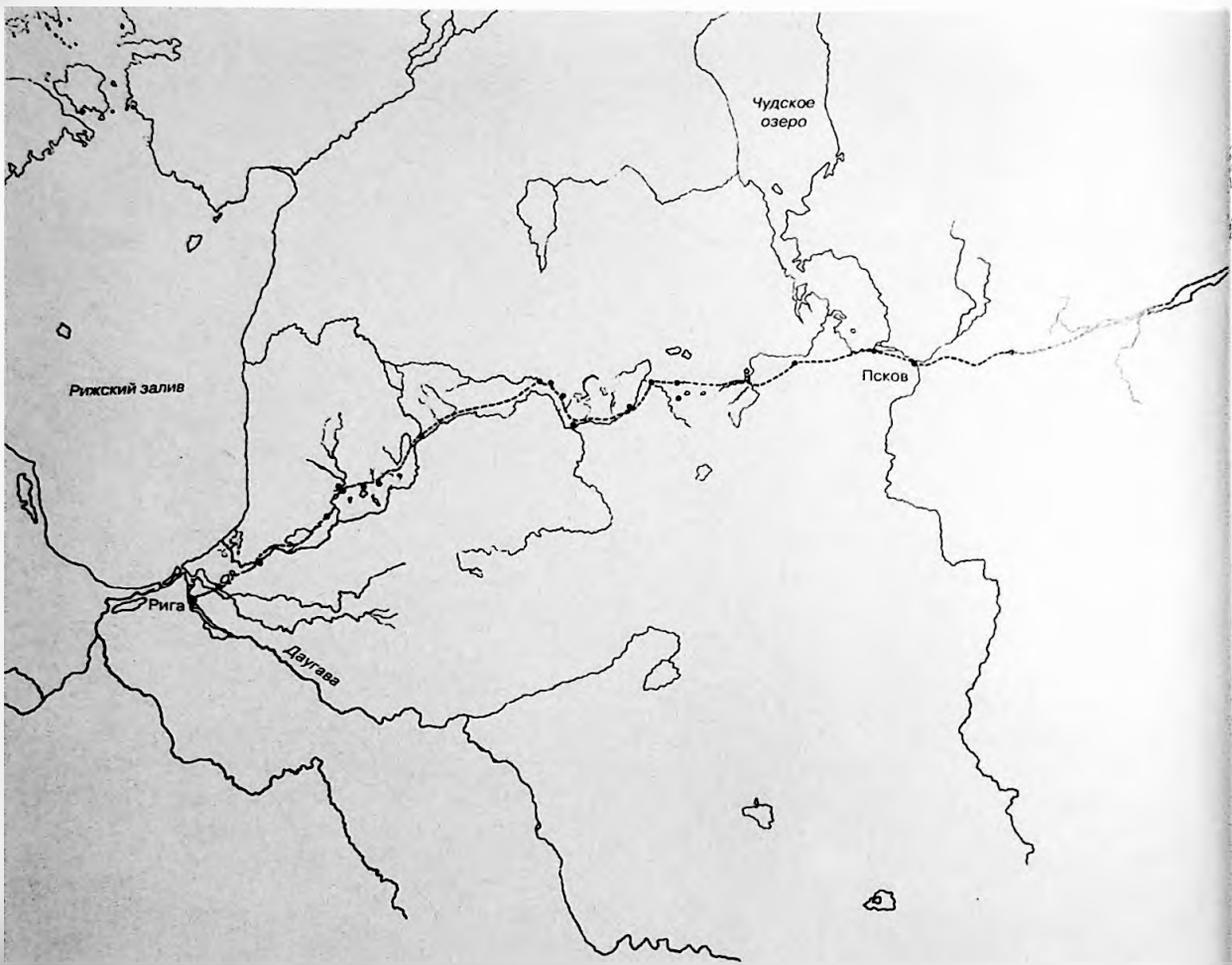
I

Николаас Витсен (1641–1717) происходил из состоятельного купеческого рода. Его представители издавна участвовали в торговле с Россией. Отец Николааса — Корнелис, отойдя от коммерческих дел, стал юристом и дипломатом. По его стопам пошел и сын. В Амстердаме изучал философию, математику, астрономию, гравирование, греческий и латинский языки, пробовал свои силы в поэзии, интересовался восточными странами. Образование молодой Витсен получил в Лейденском университете, после окончания которого и представления диссертации ему был присужден диплом доктора права. Учебу полагалось завершить путешествием, и Николаас был направлен в Москву в свите голландского посла Якоба Бореля¹.

18 сентября 1664 г. посольство покинуло Голландию и 14 октября морем достигло Риги. Далее, через Вольмар, голландцы прибыли к замку Нейгаузен, а 8 декабря пересекли русскую границу. Путешественники затем миновали Печоры, Псков, Новгород, Торжок, Тверь и 20 января 1665 г. въехали в Москву. В августе того же года посольство вернулось на родину.

Миссия Бореля была организована в то время, когда голландцы отеснили с русского рынка своих давних конкурентов — англичан. То был период бурного экономического развития Голландии. «Богатство наших Нидерландов, — говорилось в одном документе 1589 г., — основывается на торговле и мореплавании, если мы не будем заниматься ими, то нам не только не хватит средств вести войну, но и весь наш народ оскудеет, и могут возникнуть беспорядки»². Столетие спустя голландские купцы стали проявлять все больший интерес к России. Через нее

Рис. 2. Ночной зимний лагерь голландцев у замка Нейгаузен у русской границы. Нолбрь. 1664 г. Рисунок Н. Витсена (?)

Рис. 3. Маршрут путешествия голландского посольства по Московии

они надеялись вести торговлю с Персией и Китаем. Русские же со своей стороны нуждались в мастерах для строительства собственного флота, а также в опытных мореходах и привозимых ими дешевых товарах.

Сотрудничество двух стран оказалось взаимовыгодным. Посольство Бореля было призвано способствовать дальнейшему упрочению связей с Московией.

Голландцы добивались снижения пошлины на свои товары и признания нового титула Генеральных штатов Нидерландов — «Высокомогущественные». Борель жаловался в Москве на убытки нидерландских купцов вследствие введения в столице медных денег, просил о восстановлении в пределах Москвы переведенных в пригородную слободу реформатских церквей³, добивался улучшения процедуры торговли, высказывал обиды на притеснения соотечественников. Ощутимых практических результатов поездка голландцев не принесла. Была полностью удовлетворена лишь одна просьба гостей — прекращен ввоз в Англию русского дегтя, использовавшегося там при строительстве кораблей.

Посольство Бореля не оставило бы по себе сколько-нибудь значительных воспоминаний, если бы не присутствие в его составе двадцатитрехлетнего Н. Витсена, которого, впрочем, не слишком интересовали конкретные цели самой дипломатической миссии. Лучшим историческим документом посольства 1664–1665 гг. оказался не сухой отчет его главы, а живой и увлекательный, полный непосредственных впечатлений дневник Витсена и его путевые зарисовки. Записки «дворянина по положению» (как о себе сообщал их автор), рискнувшего на дальнейшее странствие «для удовлетворения своего любопытства», разнообразны и насыщены фактами. Путешественника интересовало все: люди и нравы, обычаи и религия, культура и постройки, военное дело и посольские церемонии, облик городов и деревень, дороги и транспорт, утварь и одежда жителей... По непосредственности, наблюдательности и откровенности дневник Витсена может быть отнесен к наиболее достоверным и познавательным сочинениям иностранцев о России XVII века.

Будучи в Москве, Витсен проявил завидную активность и любознательность. Он познакомился со многими государственными деятелями, в том числе с переводчиком посольского приказа, будущим сподвижником Петра I, А. А. Виниусом, патриархом Никоном. Видел ненцев (самоедов), татар, калмыков, персов, греков, изучал письма калмыков и тунгусов. Москва предстала перед молодым голландцем местом смешения культур европейских и азиатских народов. С увлечением он начал собирать материалы для карты Татарии, под которой разумел

пространство всей северной Азии. «Там (в России. — А. К.), — писал он в своей краткой биографии, — я впервые получил сведения о положении Московии и отдельных стран»⁴.

Путешествие в Россию произвело на Витсена неизгладимое впечатление и во многом предопределило всю последующую деятельность этого незаурядного человека.

В дальнейшем Витсен — бургомистр города Амстердама (на эту должность он избирался 13 раз), дипломат, инженер, один из управляющих Ост-Индской торговой компании (рис. 4). Он упорно и настойчиво собирал сведения о народах и землях России, но в стране, овладевшей его помыслами, побывать Витсену больше не довелось.

Свою деятельность Витсен сосредоточил на добывании и сборе разнообразной, в первую очередь географической, информации. Здесь он проявил почти агентурную цепкость — опрашивал людей, писал письма, обменивался посылками, поручал что-то узнать, собирал «дорожные записки», описания областей и народов, карты и даже их типографские печатные доски. Витсен коллекционировал сибирские археологические редкости, анализировал полученные из России минералы. От придворного живописца царя Алексея Михайловича С. А. Лопуцкого он получил карту Новой Земли и острова Вайгач, «некий господин, проживавший в Архангельске», сообщил ему «описание самоедов Новой Земли», из Соликамска писали о путях через Сибирь, из Тобольска — «относительно русского христианства в Китае». Он пользовался сочинениями Юрия Крижанича, которые были тогда недоступны иностранцам, располагал документами о Сибири, опубликованными в России лишь в середине XIX века⁵. Благодаря своим корреспондентам (имена которых, как правило, не оглашались) в Москве, Астрахани и других русских, как впрочем, и китайских, турецких, египетских городах, Витсен собрал громадный архив о странах Старого Света, который позволил ему создавать географические произведения, ценнейшие по документированности и обилию источников. Опубликовав ряд полученных разными путями русских документов, он тем самым навсегда сберег их для отечественной истории.

Витсен впервые составил и издал подробную научную карту Татари — Северной Азии — и показал (что было тогда не известно в Европе) русские владения в Азии⁶. За этот труд автор карты в 1691 г. удостоился благодарности русского правительства.

В Англии вновь созданный чертеж расценили как «открытие нового мира», а президент Лондонского королевского научного общества Р. Саутвел в связи с этим писал, что легче бы было составить «географическое описание дна моря»⁷.

*Рис. 4. Портрет
Николааса Витсена.
Гравюра П. Шенка. 1701 г.
Собрание
Государственного
Эрмитажа*

Витсен написал прижизненно опубликованный в 1692 и 1705 гг. в Амстердаме (второе издание насчитывает почти 1000 страниц типографского текста) труд «Северная и Восточная Татария». Это — настоящая географическая энциклопедия по Азиатской России и сопредельным странам⁸. Целью работы, по словам ее автора, было восполнить «недостаток достоверных сообщений». «Никогда бы я, — писал Витсен в предисловии к «Северной и Восточной Татарии», — не посмел взяться за этот труд, если бы в юности не совершил путешествие неподалеку от многих районов, описанных в этом сочинении, и не ознакомился там с их

положением, как по рассказам свидетелей, так и по... сообщениям, при-
сланным мне еще и из других мест.. из самой Татарии, Московии, Аст-
рахани, Сибири, Персии, Грузии, Турции и других мест»⁹. Вплоть до
конца XVIII века упомянутая работа Витсена представлялась непре-
взойденной и в 1785 г. была посмертно переиздана в Амстердаме в тре-
тий раз.

В творчестве Витсена отразилось стремление его страны познать
новые земли. Своими трудами, картами, рисунками (он умел чертить и
рисовать) Витсен пытался расширить пределы изведенного мира, раз-
узнать о малоизвестных странах Азии и Дальнего Востока. Его, по-
видимому, вдохновляла мысль (хотя открыто он об этом не писал) о
дальней кругосветной торговле — сухопутной и морской (через Север-
ный Ледовитый океан) — западноевропейских стран с Московией и
далее с Китаем, Индией и Персией. Сын своего века, Витсен сочетал в
своей деятельности практицизм купца, романтизм мечтателя-одиночки,
одержимость искателя новых земель. При этом он выразил обгонявшие
свое время, гуманистические, объединявшие народы Запада и Востока,
идеи мирового общения и взаимного познания людей разных стран. Во
имя этого голландский ученый умудрился в своих книгах и картах
сколько возможно верно и точно провести читателя там, где сам он ни-
когда не бывал — по тысячеверстным дорогам Старого Света.

Деятельность Витсена озарена высоким, несвойственным для гол-
ландских буржуа, бескорыстием ученого. Приведем характерные для
поступков Витсена следующие строки его письма от 1 августа 1712 г.
к своему другу Г. Куперу: «В связи с (Ост)Индией вы спрашиваете
об ученой любознательности! Нет, господин, только денег, а не науки
ищут там наши люди, что весьма печально»¹⁰. Власть денег Витсен
считал несовместимой с великими географическими открытиями, и уже
поэтому он был выше на голову многих своих влиятельных современ-
ников.

Эрудиция, осведомленность, разнообразие интересов, жажда поиска,
неутомимость Витсена поражали уже его современников. Кроме науч-
ных занятий и собирательства документов, раритетов, предметов, свя-
занных с кораблестроением, Витсен в разное время надзирал за форти-
фикациями, заботился о флоте и об устройстве маяков, занимался
измерением глубин моря и составлением карты фарватера у побережья
Юлландии, руководил строительством шлюзов, контролировал финан-
сы, побуждал к разведению кофе на Яве. Картами голландского уче-
ного широко пользовались его современники — мореходы Европы. Они
стали настолько популярными, что появились печатные подража-
тельные реплики.

К советам Витсена неоднократно прибегал Петр I, встречавшийся с ним в Буландии и обменивавшийся с ним письмами и посылками¹¹. Поддержка русского двора способствовала работе Витсена по усовершенствованию карты Татарии. До последних дней жизни он вносил в нее уточнения и исправления, подготавливая ее новое издание.

На прижизненных изданиях и на надгробии Витсена красовалось изречение его любимого поэта Овидия: «Трудом все побеждается». Девиз этот, думается, точно и проникновенно характеризует одного из замечательных людей «золотого века» голландской истории.

II

Под влиянием поездки 1664–1665 гг. Витсен стал приверженцем Русской державы. Описанные подробности этого путешествия стали, однако, известны с большим опозданием. Первоначально свои дорожные записки их автор, по-видимому, не предназначал для немедленной печати.

Будучи в 1666–1667 гг. в Париже, Витсен познакомился с французским ученым и издателем М. Тивено, а в конце 1668 или 1669 г. послал ему копию своих записок. Они состояли из трех собственноручно подписанных и правленных произведений: 1) «Ежедневные события во время моего московского путешествия, начавшегося 17 сентября 1664 г.»¹²; 2) «Заметки о некоторых случаях во время моего путешествия в Московию». 1665 г.¹³; 3) «Особые записи относительно религии москвитов». Направленные в Париж копии исполнены не менее чем семью копиистами небрежно, с ошибками в словах, пропусками, искаженными названиями. Впрочем, не скрывал этого и сам автор записок. Подзаголовок второй рукописи гласит: «Достойные воспоминания о русских, их образе жизни, составлены, как они мной записывались во время путешествия, составлены небрежно и беспорядочно»¹⁴.

Посылая все свои рукописи, Витсен, возможно, надеялся на их будущее издание на французском языке. Однако, то ли издателю показался обыденным стиль дневникового описания, то ли впечатления от далекой страны выглядели слишком протокольно и могли не завлечь читателя — как бы то ни было, но издание не состоялось. Равным образом не были обнародованы и изготовленные Витсеном во время поездки рисунки лифляндских и русских городов и местечек. Между тем, текущие дела отвлекли Витсена от его «московских записок». В 1666–1667 гг. он путешествовал по Франции и Италии, а затем занялся написанием книги, опубликованной в Амстердаме в 1671 г. (переиздана в 1690 г.), «Древнее и современное судостроение и судождение»¹⁵.

Если бы не встреча с Тивено, рассказы в беседах с ним о далекой Московии и присланные в Париж рукописи, мы, наверно, мало бы что знали о поездке Витсена в Русское государство. По прихоти случая не подлинники, а именно посланные Тивено манускрипты-копии только и сохранились донныне. Они были обнаружены в Национальной библиотеке в Париже в 1886 г. Дань изучению этих документов отдали несколько поколений голландских и русских исследователей¹⁶. Однако лишь в 1966–1967 гг. в Гааге специалисты по русской истории Теодор Лохер и Пит де Бук осуществили столь долгожданное первое научное издание рукописей Витсена. «Путешествие в Московию» заняло два первых тома, вторая и третья парижские рукописи в выборочном виде помещены в третьем. При этом опубликованы комментарии. Таким образом, дневник Витсена увидел свет только почти через 300 лет после его написания.

В 1981 г. появился (ныне депонированный) полный русский перевод упомянутого выше произведения, подготовленный В. Г. Трисман в сотрудничестве с Р. И. Максимовой. В настоящей работе читателю предлагаются разделы о Пскове, других русских городах и местах, в переводе В. Г. Трисман, уточненном И. М. Михайловой.

Дневник Н. Витсена — желанное дополнение к материалам по позднесредневековой русской истории, он заслуживает полного научного издания в русском переводе. Депонированный перевод со староголландского, выполненный В. Г. Трисман, существенно облегчает работу, ограничивая ее рядом неизбежных поправок и уточнений.

Публикация в России «Путешествия в Московию» тем более необходима, что ее можно сопроводить неизвестными ранее рисунками автора дневника. Витсен в своей краткой автобиографии писал, что во время путешествия в Россию «он сам все нарисовал собственноручно, в том числе города Москву, Новгород, Псков и многие другие примечательные здания»¹⁷. Прямые ссылки на эти рисунки имеются и в дорожных записях голландского ученого. Проследить судьбу этих рисунков удалось лишь недавно. Конспективно изложим результаты этого поиска.

Подписанные Витсеном (*N. Witsen delineavit*) гравюры с изображением видов русских городов были приложены к опубликованной издателем Питером Ван дер Аа в 1719 г. на французском языке известной книге А. Олеария «Описание путешествия в Московию»¹⁸.

Эти же гравюры еще раз фигурировали в одном из томов престижной серии «Всемирная галерея», выпущенных тем же Питером Ван дер Аа¹⁹. Гравюры, подписанные Витсеном, указывали, что им, видимо, предшествовали его рисунки, позднее переведенные в гравюры. Это предположение ныне полностью подтвердилось — сохранились и

отысканы беловые рисунки Витсена, послужившие, по-видимому, образцами при изготовлении упомянутых выше гравюр. Речь идет об 11 рисунках, тщательно нарисованных и насыщенных деталями явно уже домашнего, а не поспешного дорожного исполнения²⁰.

Каким-то образом эти произведения оказались у амстердамского аристократа Л. Ван дер Хема (1621–1678), составлявшего всемирный географический атлас. 50 томов этого, в значительной части рукописного, атласа²¹ после смерти их владельца попали в коллекцию принца Евгения Савойского, а в 1737 г. — в придворную библиотеку в Вене. Ныне атлас Ван дер Хема хранится в Австрийской Национальной библиотеке в Вене²². По просьбе автора этих строк упомянутая библиотека любезно прислала все 11 негативов с рисунков Витсена и предоставила право их издания. В сопроводительных письмах заведующий отделом картографии библиотеки д-р И. Вайхингер сообщил, что интересующие произведения содержались в 24 томе атласа Ван дер Хема, посвященного России XVII в., и что они могут быть лишь предположительно приписаны Витсену, ибо на них нет его подписи²³. Авторская атрибуция этих рисунков нами устанавливается теперь вполне достоверно на основании данных краткой автобиографии Витсена и подписанных им гравюр из книги Олария²⁴. Немаловажно и прямое упоминание самого автора в его «Путешествии в Московию» о том, что он рисовал Псково-Печерский и некий монастырь у Пскова, здания Торжка, Москву. Рисунок последней отыскать не удалось, но известна подписанная Витсеном гравюра с ее изображением. Рисунки, почему-то не упомянутые в дневнике, непременно связываются с теми местами, что находились на дороге посольства Бореля. Более того, записи о путешествии помогли опознать все неподписанные изображения.

Шесть (из одиннадцати) рисунков выполнены акварелью, они (в порядке расположения в атласе Ван дер Хема) изображают Тверь, «деревянный мужской монастырь в Торжке», «башню в Торжке», «каменную башню во Пскове», «деревню и усадьбу дворянина у Новгорода», без подписи (Псково-Печерский монастырь). Рисунки заключены в красно-желтую рамку, а надписи на некоторых из них расположены на специальных картушах²⁵. Большинство изображений передает зимнее время года — растительность на них почти отсутствует. Не трудился ли над отделкой этой серии по приезде домой сам автор «Путешествия в Московию»? Пять следующих рисунков выполнены тушью с размывкой. Мы видим «Торжок», «Ночной зимний лагерь» посольства у замка Нейгаузен у русской границы (рис. 2), «Новгород», два изображения без подписей. Как оказалось, это Клопский Троицкий и Снеготорский монастыри²⁶. Характерной особенностью являются растения, тщательно

*Рис. 5. Николаас Витсен
в 1665 г. (?). Возможно,
автопортрет из «Книги
А. А. Винюса».
БАН, рукописный отдел*

выписанные на переднем плане этих листов. Они типичны для голландской графики второй половины XVII века и выдают руку профессионала, который мог участвовать в доработке рисунков. Витсен знал некоторых своих соотечественников-художников, например, Яна Ливенса, которые могли помочь ему в усовершенствовании рисунков, в частности, заполнить их пустой передней план.

Таким образом, «русская коллекция» голландских рисунков — это не эскизные наброски виденного, а крупноформатные произведения, полностью законченные с помощью одного-двух мастеров. Материал, по-видимому, готовился к изданию, но оригиналы так и не увидели свет. Отыскавшиеся чистовые рисунки, несомненно выполненные по натурным зарисовкам Витсена, вместе с дневником образуют единый историко-литературный и художественный комплекс.

Графические произведения автора «Путешествия в Московию» в большинстве отличаются высокими художественными достоинствами. Главный их интерес, однако, заключается в другом — их необычайной информативности. Независимо от манеры их исполнения, все они — натурные, обычно довольно точные зарисовки виденного. Условия путешествия, однако, не всегда позволяли Витсену уделить избранным объектам необходимое время и внимание. Пришлось торопиться,

мешала суровая зимняя обстановка, а рисовать порой приходилось украдкой, чтобы не заподозрили в чрезмерном любопытстве или, что было бы еще хуже, в соглядатайстве, то есть шпионских намерениях. Вследствие этого некоторые детали на рисунках получились схематичными. Не исключено, что условность проявлялась при чистовой отделке листов, ведь она происходила не по свежим впечатлениям, а спустя какое-то время, уже на родине. Не отрицая схематизма в передаче некоторых подробностей рисунков, беремся утверждать, что эти изображения передают подлинный вид русских городов, селений и монастырей, расположенных в Северо-Западной и Центральной России. В тех случаях, когда удастся проверить нарисованное, мы убеждаемся в его достоверности. Все вместе рисунки Витсена могут быть приравнены к открытию нового источника по русскому градостроительству и архитектуре XVII века. Перед нами как бы широкое светлое окно в исчезнувший, но некогда реально существовавший мир.

Нельзя не сказать еще об одной находке. Известно о трех изображениях самого Николааса Витсена. Первое, неизвестного автора, запечатлело нашего героя в 1677 г. в возрасте 36 лет, другое нарисовано живописцем Михаэлем фон Мюсхером. Третье гравировано П. Шенком в 1701 г. (рис. 4). Еще один неизвестный ранее портрет Витсена опознается в рукописном альбоме 1690 г. А. А. Виниуса, включающем различные, в большинстве голландские, рисунки²⁷. В этой книге имеются и произведения Н. Витсена, помеченные его инициалами, некоторые из них датированы 1658–1659 гг. (удивительного в этом ничего нет — Витсен был знаком и переписывался с А. А. Виниусом). В упомянутом альбоме мое внимание привлек карандашный портрет на серой бумаге (рис. 5). При сравнении этого листа с гравюрой 1677 г. бросается в глаза явное сходство обоих портретов. Те же широколобое лицо, прямой нос, брови взлет, небольшие усики. Отличие лишь в том, что в альбоме Виниуса Витсен выглядит моложе, чем на гравюре, запечатлевшей его в 1677 г. амстердамским сенатором. Не относится ли вновь обнаруженный портрет к периоду пребывания 23-летнего голландца в Москве? Наследие, связанное с автором «Путешествия в Московию», как видим, еще не исчерпано. Переходим здесь к дневниковым записям Витсена, посвященным его путешествию. Для перевода избраны те места дневника, которые сообщают об облике и постройках и других подробностях русских городов, монастырей и некоторых сельских мест, зарисованных любознательным голландцем.

¹ При написании биографического очерка о Н. Витсене использована следующая основная литература: *Gebhard J. F. Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz Witsen. 1641–1717. T. 1–2, Utrecht, 1881–1882; Oosthoek's geïllustreerde Encyclopaedie. Derde druk. Deel XII, Utrecht, 1939, p. 740; Keuning J. Nicolaas Witsen as a Cartographer // Image Mundi. XI, Stockholm, 1954, p. 95–110; Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. 1664–1665 // Journal en Aentekeningen. Uitgegeven door Th. J. G. Locher en P. de Buck. Deel I, S-Gra-venhage, 1966–1967, p. XIX–LXXV; Тьжнов И. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVII века // Сибирский сборник. СПб, 1887, с. 59–68; Полевой Б. П. О картах северной Азии Н. К. Витсена // Известия АН СССР. Серия географическая. 1973. № 2, с. 124–133; Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник. Перевод со староголландского В. Г. Трисман. Л., 1981, ИНИОН, деп. 9338. Консультациям о деятельности Витсена я обязан канд. исторических наук Б. П. Полевому. Признателен также Л. А. Данилиной, предоставившей в распоряжение материалы архива ее матери В. Г. Трисман.*

² Корст В. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 год // Сборник русского исторического общества. Т. 116. СПб, 1902, с. 71.

³ Свобода для иностранцев — Кокуй — была создана в 1654 г.

⁴ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М.—Л., 1960, с. 53.

⁵ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1936 г.

⁶ «Новая географическая карта Северной и Восточной части Азии и Европы, простирающаяся от Нюлой Земли до Китая. После тщательного исследования в продолжение более 20 лет была нарисована, описана и изучена Николаасом Витсеном в 1687 г». Данная карта, в действительности, была опубликована в 1690 г. (Полевой Б. П. О картах..., с. 126).

⁷ *Gebhard J. F. Het leven*, p. 250.

⁸ *Witsen N. Nojrd en Oost Tartarye*. Amsterdam 1705. Черновой перевод (со староголландского) сочинения Витсена выполнен В. Г. Трисман (архив НИИ МАЭ РАН, ф. К—У, оп. 1, № 138–140).

⁹ *Witsen N. Noord en Oost*.

¹⁰ *Gebhard J. F. Het leven*, t. 2, p. 340.

¹¹ Левинсон-Лессинг В. Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977, с. 10.

¹² Дневник дополнен особым рассказом о посещении Витсеном в Новом Иерусалиме патриарха Никона.

¹³ На рукописи имеется приписка Витсена о том, что «в знак взаимной дружбы я подарил эти мои наблюдения ... известному господину М. Тивено 7 декабря 1668 г». Эта запись датирует время изготовления копий и их пересылки в Париж концом 1668–1669 гг.

¹⁴ *Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. Deel I*, p. LVI.

¹⁵ *Witsen N. Aeloude en hedendaegsche scheepsbouw en bestier*. Amsterdam, 1671.

¹⁶ Впервые на русском языке отрывок из «Путешествия в Московию» опубликован: Ловягин А. М. Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона // Исторический вестник. Т. 77. СПб, 1899, № 9, с. 874–879.

¹⁷ *Gebhard J. F. Het leven*, t. 1, p. 42.

¹⁸ *Adam Olearius. Voyages tres curieux ex tres renommez, faits en Moscovie, Tartarie et Persé. A Leide, chez Pierre Vander Aa. 1719, t. 1–2*. Неизвестно, участвовал ли сам Витсен в гравировании своих рисунков. Переиздано в Амстердаме в 1727 г. Благодарю Е. А. Савельеву за указание редких изданий Ван дер Аа в БАН.

¹⁹ *La Galerie agreable du Monde*. [Т.44], Leide [1724], N°. 27, 28, 42.

²⁰ *Mende U.* Westeuropäische Bildzeugnisse zu Rußland und Polen bis 1700. Bamberg, 1968. S. 103

²¹ Основу атласа, насчитывающего 2116 таблиц, составляли печатные листы одиннадцатитомного атласа Blaeu. Их дополнили многочисленные гравюры, рисунки, планы, карты.

²² Atlas Blaeu-Van der Hem. Bd. 24 («*Russia quae est Europae lib. IV*»), Taf. 8, 18–21, 25–30. Впервые сведения о рисунках Витсена, хранящихся в Австрийской Национальной библиотеке в Вене опубликованы: *Wieder F. C.* Monumenta Cartographica. Vol. 5. S-Gravenhage, 1933, p. 160–161. Они повторены: *Keuning J.* Nicolaas Witsen..., p. 96; *Nicolaas Witsen.* Moscovische Reyse. Deel I, p. LXX. Полный список венских рисунков, приписываемых Витсену, см.: *Mende U.* Westeuropäische, Anmerkungen, S. 33–34, Nr. 277

²³ Сердечно благодарю дирекцию Австрийской Национальной библиотеки, и особенно д-ра И. Вайхингера, за любезную присылку негативов и их каталожных данных. По заключению д-ра Вайхингера, том, посвященный России, составлялся примерно в 1665–1678 гг.

²⁴ В «русском» томе Ван дер Хема, однако, имеется один лист, подписанный Н. Витсеном — это карта Каспийского моря, которую он срисовал в Москве в 1665 г. Полагают, что это не оригинал, а копия, правда, сделанная очень профессионально.

²⁵ Atlas Blaeu-Van der Hem. Bd. 24, S. 8, 19–21, 25–26

²⁶ Там же, p. 18, 27–30

²⁷ Рук. отдел БАН, хр. 17.17.19, v 7301, разм. 153 x 140 мм; *Доброклонский М. В.* «Книга Виниуса». Памятник русского собирательства XVII–XVIII вв // Известия АН СССР 1929. Отд. гуманитарн. наук, с. 215, сл. (указанием этой рукописной «Книги» обязан Е. А. Савельевой).

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА НИКОЛААСА ВИТСЕНА «ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКОВИЮ»

ПЕЧОРЫ, ПСКОВ

[8 декабря 1664 г.]¹. В назначенное время мы выехали из Нивенхойзе (Нейгаузена) в Печоры, это в России. Пристав встретил нас на расстоянии в половину ружейного выстрела от Теплового камня, а не у замка, как было договорено. Об этом он предупредил заранее. В Нивенхойзе был произведен пушечный выстрел, комендант (замка) и его дочь проводили нас, на четверть мили² не доходя до камня. При встрече Микита³ ничего не сказал послу, кроме «добро пожаловать»⁴, не сходя с лошади, поблагодарил его за вчерашний прием (в замке) и добавил, что ему долго пришлось ждать его (посла) на морозе. Рота человек в сто⁵ стояла в готовности у границы в момент нашего прибытия. Солдаты браво размахивали двумя знаменами, на которых были знаки в виде креста⁶ и розы. Они маршировали по трое в ряд, вооруженные легкими ружьями, секирами или алебардами⁷. С ними было еще 20–30 всадников. Посол стоял по правую руку от русского на почетном месте. Как только комендант (замка) нас оставил, Микита снял парадную одежду и надел обычную. Мы все сошли с коней и сели в — сани каждый в свои — которых было не менее ста. Печоры находятся на расстоянии двух с половиной миль от Нивенхойзе.

В Печорах мы остановились в доме ратуши и таможни; важня послужила нам стойлом. Дома сложены из хорошо пригнанных бревен и возвышаются над

¹ Приведенные отрывки из дневника Н. Витсена даны в переводе со староголландского В. Г. Трисман (Николаас Витсен. Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник. Л., 1981. ИНИОН, деп. 9330)

Перевод отрывков любезно откорректирован И. М. Михайловой. В квадратных скобках восстановленные даты путешествия, в круглых — пояснения переводчиков, а также автора. (Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse 1664–1665. S-Gravenhage, 1966. Deel I, p. 56–70, 74–82, 85–89; Deel II, p. 164–165, 236–237, 245–250)

² Мили, о которых сообщается в дневнике, — это, вероятно, немецкие или географические мили, равные 7407,4 м (Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. Deel II, p. 56)

³ Пристав Микита Степанович Паганевич, сопровождавший посольство до Москвы

⁴ Я. Борель ожидал более церемонного приветствия, но ему было сказано, что это уже осуществлено приставом во время визита последнего в Нейгаузен

7 декабря 1664 г.

(Николаас Витсен.

Путешествие, л. 78–79;

Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. Deel II, p. 56)

⁵ В отчете Я. Бореля речь идет о двух ротах стрельцов общей численностью 150 человек. (Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse.

Deel I, p. 56)

⁶ Изображение креста с подножием — характерный признак ротных стрелецких знамен XVII века.

⁷ Вероятно, бердыши

⁸ Ручей Каменец

⁹ Псковское озеро

землей. Здесь мы с удивлением наблюдали, как они (русские) молятся, и рассматривали их закопченные иконы с изображением святых. Это небольшие картины с изображением того или иного святого, перед ними всегда горит огонек. Они обычно висят в углу. Перед ними крестятся и кланяются всякий раз, когда входят в комнату, прежде чем взглянуть на кого-либо или сказать что-нибудь. Уже при первом знакомстве мы заметили вежливость русских. Нам всем принесли еды и питья, причем каждый получил определенную порцию. Наше жилье охраняли полроты солдат, да таким образом, что мы сами едва могли выйти на улицу. Печоры — это местечко или большая деревня, принадлежащая большей частью монастырю, который представляет собой большое строение с высокими каменными стенами и башнями. Внутренние постройки деревянные, у каждого монаха своя келья. Камни побелены, как у всех зданий религиозного назначения в этой стране. О том, как все выглядит, показывает мой рисунок. Но так как было очень холодно и не разрешалось подходить близко к монастырю, я не мог зарисовать его так, как хотелось бы. Монахов здесь человек 200–300. В подземелье находится икона с изображением Богоматери, которую они весьма почитают и к которой приходят паломники за сотни миль. Раз в год ее извлекают на свет божий и вместе с другими иконами везут к Пскову, чтобы придать неприступность его стенам. Затем ее возвращают на прежнее место. Крепость или монастырь расположен на двух покатых горах, между которыми протекает река⁸. Дивились мы странному движению русских, когда они крестятся, кланяются и молятся. Видели старика лет за сто, он молился иконам за нас, чтобы получить от нас милостыню.

[9 декабря]. На следующий день в 9 часов мы отправились в путь и ехали на санях 6 миль до деревни по названию Ваймиц (Ваймицы), находящейся на берегу озера длиной в 10 миль, которое они именуют Великим⁹. Здесь я с удивлением наблюдал, как русские крестятся и благочестиво кланяются перед всеми часовенками и крестами, которые попадаются на глаза. Микита, наш пристав, присоединился к нам, прежде чем мы достигли

места ночевки, проехав добрую милю по этому озеру. Лед был настолько крепок, что с грузом и лошадьми могли ехать по нему без страха. Я заметил здесь, как стыдятся замужние женщины открывать волосы, подобно женщинам Китая; они скорее выйдут нагими, чем покажут свои косы.

[10 декабря]. Отсюда мы отправились на следующий день, а именно, 10-го в 10 часов, после того, как Микита получил известие из города (Пскова), что мы можем туда ехать. Проехав полторы мили вдоль реки, вытекающей из этого озера, мы ненадолго остановились у небольшого монастыря св. Николая и, встав по порядку, приготовились, чтобы въехать в город. Здесь попы просили милостыню, чтобы зажечь свечу святому Николаю. Тут между приставом и послом возник спор о порядке, в каком мы поедем дальше. Русский желал сидеть справа, но посол сказал, что лучше поедет в своих санях, чем в роскошно убранных присланных санях слева (от пристава). Русский же не смел сесть по левую руку. Тогда решили, что русский поедет впереди один, а тем временем они отправят своего писца к князю Федору (Григорьевичу Ромодановскому) и все прочее за приказом, как ему (приставу) следует в этом случае поступать. Вскоре писец вернулся с ответом, чтобы русский уступил послу, что и было сделано.

Когда прибыли в город, Микита извинился, сказав, что поступил необдуманно. Порядок при езде был следующий. Стрельцы ехали впереди, за ними кареты, при этом впереди был наш хирург, за ним позади камердинер. Вслед шли с литаврами и трубами, потом следовали офицеры и дворяне, за ними четыре разукрашенные лошади, на случай, если лошади его превосходительства (посла) устанут и их потребуется заменить. Перед ними верхом ехал конюх. Один русский всадник вел сани посла. Пристав ехал в своих санях впереди посла. Оба они ехали в роскошных санях, обвешенных тигровыми и другими великолепными шкурами, полость же была вышита золотом. Сани посла были окружены русскими дворянами, наши пажы и слуги следовали за его превосходительством (послом) пешком. Затем вели его запасную лошадь, а также лошадь Микиты. За ними

следовала наша свита на санях. Вслед ехала наша карета, далее — наш багаж. Великолепное зрелище представлял вытянутый на льду ряд лошадей и разодетых голландцев и русских.

Так мы ехали вдоль реки (Великой) мимо многочисленных часовенок и небольших монастырей. Один монастырь (Снеготорский) стоит там на высокой Снетной горе. Я быстро его зарисовал. Еще через полмили мы въехали в город, что было сверх ожидания, ибо русские редко впускают иностранцев во Псков. Нас провезли по большей части города между рядами солдат, пока мы не попали в предназначенный нам двор. У солдат мы насчитали более 100 знамен¹⁰. Все офицеры были в парадной одежде. Наше жилье представляло собой большой и добротный представительный дом. Проезжая, мы видели жену воеводы, всю в драгоценностях, которая смотрела на нас из окна. Когда мы пытались ее приветствовать, она сразу пригнулась. Когда посол вошел в дом, воевода послал дворянина справиться о его здоровье и спросить, хорошо ли доехали. Этот человек, хотя и не простолюдин, прочитал все, что говорил, по записке, запутался в титуле посла; казалось, что он не умеет лично читать и как следует, наизусть, произнести такое послание в 12 слов. Он передал свою записку нашему переводчику, чтобы тот прочитал вслух. Посол ответил этому дворянину, что царской милостью доехал благополучно. Устроив все для нас, наш пристав распрощался, доставив нам из особой милости двойной рацион. Посол велел спросить воеводу, будет ли нам завтра разрешено выйти и обеспечить себя теплой одеждой, на что пристав вежливо обещал, что принесет ответ.

Я тотчас отметил, как здесь считают время: счет начинают с восхода солнца до захода, а потом снова с захода до утра. Часов у них мало, у тех, кто их имеет, вращается весь циферблат, а стрелка устроена не так, как у нас, а все время направлена вверх, указывая знак, попадающий наверх¹¹. Холод был теперь такой пронизывающий, что приходилось время от времени щупать глаза и нос и растирать снегом.

[11 декабря]. После спокойно проведенной ночи, утром пришел пристав справиться от имени воеводы о

¹⁰ Согласно отчету Я. Бореля у русских во Пскове насчитывалось более 80 знамен по числу отрядов, включавших в общей сложности 3000 солдат (Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. Deel I, p. 60)

¹¹ Описано устройство, при котором стрелка часов была неподвижна, а вращался циферблат. Последний был разделен на 17 делений по числу часов самого долгого дня в Москве. Счет времени велся отдельно от восхода и от захода солнца.

(ср. Ловягин А. М. Альбом Мейеберга. СПб, 1903, с. 160–163)

здоровье посла и о том, хорошо ли он спал. Он позволил нам сколько угодно выходить и гулять по городу, покупать все необходимое, с тем уговором, что нас всегда должны сопровождать солдаты, которые нас будут охранять, провожать и предупреждать о том, какие места нам не разрешено осматривать. Так и делалось: они не допускали нас к укреплениям, воротам, валам, стенам, церквям и тому подобному.

Монастырей здесь 72, все каменные, у каждого свое название по определенному святому. Кроме того, есть еще 23 небольших монастыря вне города, также к нему относившихся. Верхи башен (церквей и колоколен) обычно покрыты деревом или белым железом. Кровля собора св. Троицы приключена, говорят, она обошлась в 50000 дукатов. Кроме этих церковных построек, все деревянное, даже улицы вымощены бревнами. Лавки имеют выступающие навесы. Река Пскова течет через город. Здесь я видел, как много голых людей, выйдя из бани, бросались в воду, хотя мороз был сильный.

Город расположен полумесяцем на реке (Великая), состоит из 4-5 частей, у каждой из которых своя стена. Эти стены старинной постройки, высокие и прочные. Гарнизон насчитывает более 4000 человек, все офицеры — немцы, англичане, шотландцы, поляки, шведы и русские. Над входами в церкви, как и над воротами всех домов, выставлены иконы разных святых, которым они постоянно крестятся, особенно при звуке колоколов. Духовные лица — священники или монахи. Первые могут жениться, ибо в писании сказано: «Да будет священник мужем жены». Святых изображают всегда плоско, ибо резных делать нельзя.

Сегодня Его Превосходительство (посол) отправил меня к воеводе князю Федору Григорьевичу Ромодановскому, окопничему, приветствовать его, справиться о здоровье и вручить грамоту от Их Высочомогуществ, что и было сделано. Когда мы пришли к воротам его двора, нас встретили несколько дворян и провели в большой покой, где было много офицеров и детей боярских. Нас посадили на скамью с правой стороны от нашего пристава, под ногами у нас лежал ковер. Князь вышел к нам после некоторого промедления в сопровождении многих

старых, грубых, длиннобородых, толстых мужчин, роскошно одетых, по их обычаю. Я выполнил свое поручение, поблагодарив за честь столь торжественного приема. Князь спросил о здоровье посла, а также Их Высочайшего величества, о которых я сказал, что оставил их в добром здравии, и поблагодарил за милость его царского величества, что мы уже благополучно продвинулись в глубь страны. Когда я сказал, что посол так спешил по плохим дорогам и в такое суровое время лишь из желания увидеть ясные очи Его Величества, он, Ромодановский, ответил: «Верю, ибо мы считаем его (царя) святым и чтим как Христа на земле». Спросил, какова наша вера, рассматривал нас с головы до пят. Далее задал вопрос, кто мы такие у себя дома, на что я через переводчика ответил осторожно и доступно их пониманию. Мы должны были с ними выпить прямо из его рук несколько чарок водки, налитой старшими офицерами. Как нас сюда привели, так же и проводили обратно. Русские, знающие по-немецки, все время окружали нас, чтобы подслушивать.

[12 декабря]. На следующий день пришел пристав. Справившись о здоровье, как здесь принято, он подал свидетельство, которое посол написал от себя в Нивенхойзе относительно чумы. Он хотел, чтобы посол вместо своего имени «мы Якоб» и так далее написал «я Якоб», что и было сделано. В России не принято, чтобы кто-то, кроме царского величества, писал о себе «мы». Эта бумага была послана вперед в Москву. Посол велел сегодня передать список кушаний, которые бы он хотел ежедневно получать.

Сегодня здесь их еженедельный базар, на этот раз устроенный на льду (реки). Тут было изобилие хорошей рыбы, далее лук, чеснок, сельдь и всевозможные другие товары. Была огромная толпа одетого не по-нашему люда. И чужеземные постройки выглядели приятно. Куда бы мы ни шли, солдаты следовали за нами по пятам, грубо отстраняя нас от укреплений и ворот, и это делалось от имени воеводы. «Только, — сказали они, — для прогулки по необходимости вашему превосходительству разрешено ходить по улице». Я видел, однако, издалека, что на стенах, по старому обычаю высоких и

узких, пушек немного. На рыночной площади стоят 2 очень большие пушки, и кое-где несколько орудий поменьше размером. Содержать здесь постоянные дворы или трактиры считается позором для знатных. Они все принадлежат царской казне. Преступников водят просить милостыню с тяжелыми оковами на ногах. Наше жилье здесь охраняется отрядом солдат со знаменем, которые в первый час дня и в первый час ночи бьют в барабаны.

Список блюд, которые они нам предлагали каждый день, начиная с Нивенхойзе, был следующий: для посла — 5 свечей, 4 чарки водки двойной перегонки, 1 бутылочка вареного меда, 1 бутылка невареного меда, 1 бутылка истинского вина, 1 бутылка французского вина, полведра пива, кусок баранины, такой же говядины, 1 гусь, 1 утка, 30 яиц, 2 фунта масла, 2 фунта соли, 1 маленькая восковая свеча. На 14 человек дворян и офицеров: по 4 чарки водки, 2 ведра невареного меда, 3 ведра пива, 1 гусю, 2 утки, 3 куры, 1 овце и 4 куска говядины. Для людей — 31 человека: каждому по 2 чарки водки, 5 ведер пива, половцы, четверик крупы¹² и лука, каждому зараз по кружечке (спиртного), сверх обычного давали чашку сливок¹³. Бутылки были по полторы пинты¹⁴, ведро — около половины нашего.

Мы получили здесь письма с родины, по случаю чего посол сообщил князю Федору, что получил письмо от Их Высокомогущества, и что они здоровы и велят тотчас справиться о здоровье его царского величества, и еще велел рассказать, как был принят в Амстердаме посол его царского величества, о чем сообщали газеты, и посол привел это им (русским) в пример¹⁵.

[14 декабря]. Сегодня они праздновали день Воскресения Христова (Воскресенье), но не торжественно. Пополудни лавки были открыты и все торгуют, но многие веселятся и пьянствуют. Когда сегодня двое наших слуг на улице набросились друг на друга с ружьями и ранили себя, тогда стрельцов и даже офицеров здорово побили, потому что они нас плохо охраняют и дают выходить одним. Ни немцев, ни других иностранцев к нам не подпускают, а если те и отваживались подойти к нам, то их весьма неласково отводили за руки. Ныне русский пост.

¹² В тексте — кварта, что сопоставляется с мерой сыпучих тел XVII в. — четвериком. Комментаторы записок рассчитали, что речь идет о 18 литрах крупы в день на 31 человека, то есть по 0,6 л. на каждого из них (Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. Deel I, p. 65)

¹³ Или сметаны

¹⁴ Пинта равнялась 0,56 литра

¹⁵ Имеется в виду русский посол В. Я. Дашков. В ноябре 1664 г. он вместе с дьяком Д. Е. Шипулиным был в Нидерландах и далее отправился в Лондон

Когда мы отдавали бедным остатки нашей пищи, то они ее замораживали до тех пор, когда эту пищу нужно будет есть.

В этом городе, как уже говорилось, очень много монастырей и церквей. Стоя на рыночной площади, можно насчитать вокруг себя 13 монастырей или приходских церквей и 50 главок¹⁶. В соборе) св. Троицы имеется судное место, и в случае необходимости (он) может служить крепостью, так как окружен высокой стеной и укреплен. Он стоит вплотную к крепостной стене. Ворота здесь имеется 7¹⁷. Я очень хотел бы зарисовать это место и несколько построек, но меня предупредили, чтобы я не делал этого, что было бы дурно истолковано. Сказали, что если это исходило бы от частного лица, его, без сомнения, бросили бы в тюрьму как предателя. Здесь я увидел их бани, они парные. Помещение нагревают печами, и лежащие на них горячие камни поддерживают и увеличивают тепло за счет того, что на них льют воду, и так образуют пар. В бане расположены друг над другом 2–3 ряда лавок, на которых каждый по желанию может лечь голым. На верхних полках жарче всего. Тело растирают и обмывают водой, а также слегка бьют, чтобы открылись поры. Обслуживают здесь девушки или слуги – как кому нравится.

[16 декабря]. 16 декабря был день Николая¹⁸, его праздновали с большим благочестием. Люди ходили по улицам, все время крестясь и молясь, перед иконами зажигали свечи, иконы выставлены как в домах, так и снаружи. Остаток дня проводили они в неумеренном пьянстве. Воевода передал нам, чтобы мы не выходили сегодня на улицу, ибо легко могли пострадать от пьяных. Я же из любопытства вышел на улицу и увидел, что весь город пьян — и мужчины, и женщины. Несмотря на большой праздник, все лавки были открыты и торговля шла вовсю. Мороз был такой сильный, что влага в носу замерзала, как только выйдешь на воздух. Когда я однажды слишком долго пробыл на улице, лицо и рот у меня заоченели так, что я едва мог говорить и шевелить ртом.

[18 декабря]. 18-го наш шталмейстер отправился с каретой и лошадьми вперед в Новгород.

¹⁶ Витсен, видимо, не проводил обязательного различия между главкой, колокольней и церковью.

Верхи зданий могли на самом деле представлять колокольни, приходские церкви и монастыри

¹⁷ Подсчет не точен.

В XVII в. в Кремле было трое ворот,

в Довмонтовом городе — не менее двух

¹⁸ Здесь следует оговорить, что по юлианскому

календарю, принятому в России до 1918 г., день

св. Николая приходился на 6 декабря, а по

григорианскому, которым пользовался Витсен,

на 16 декабря. В XVII в.

расхождение двух систем летоисчисления равнялось 10 дням

Любопытство так охватило меня, что я подкупив солдата, который меня вел, выкрался из ворот и осматривал снаружи вал (крепость). Стены были сделаны частично из побеленного камня, не такие, чтобы оказывать большое сопротивление, они косы и кривы, местами с башнями и ронделями. Из 7 ворот, которые скорее можно назвать проходами вала (стены), некоторые из камня, а некоторые из дерева. Со стороны поля, чуть поодаль от сухого рва, видна высота, с которой открывается хороший вид на город с близкого расстояния. Путь на стенах не видно. Шведы и любекцы имеют вне города за рекой (Великой) каждый свои дворы. Правление состоит из трех начальников; один главный, другой младшим воевода, а также дьяк. Они теперь держат в своих руках военные и политические дела.

[19 декабря]. За день до нашего отъезда воевода послал подать подношение из трех блюд — пропитание в дорогу. То был сладкий и поперченный пирог, другой — черный выпеченный кусок, по виду, как наши сыры из тамаринда¹⁹, слив и меда, а третий был свернутый кусок, несколько похожий на просмоленную холстину. Я осматривал здесь и городскую тюрьму: это много маленьких каморок в большом саду, огороженном высоким частоколом, внутри которых заперты заключенные. В нашем доме сегодня умер маленький ребенок, женщина его похоронила. Отец его в гневе, когда он был непослушен, с бесчеловечной жестокостью. Здесь же загорелся небольшой монастырь св. Николая. Когда не удалось его потушить, многие русские сказали: «Как же так, если святой Николай себе не может помочь, как же мы поможем?» — и бросили тушить (пожар).

После долгого наставления у воеводы, добиваясь прибавления питья и перемены ежедневной пищи, пока мы не покраснели от переговоров, получили, наконец, следующий список. Для испанского посла — 2 бутылки французского вина, 1 — испанского вина, 2 — вареного меда, 1 бутылку двойной водки, 1/2 бутылки уксуса, 1 маленький бочонок меда и несколько больший с пивом. Для дворян и офицеров — всего 14 человек: 1 бочонок меда; для офицеров и слуг вместе: 1 бочонок водки, и еще для них 1 бочка пива. Для посла 1 кусок говядины, 1/4 овцы.

¹⁹ Тамаринд — индийский финик. Плоды этого дерева употреблялись в пищу и использовались в медицинских целях

Для офицеров овца, для остальных 2 овцы и один кусок говядины. В общем каждый день: 7 кур, 2 утки, 2 гуся, 100 хлебов, 1 кусок свинины, 10 окуней, 4 щуки, 2 фунта слив, 1 перечница с горчичными семенами. 1 такая же с изюмом и 1 с лучшими сливами, 5 мускатных орехов, 1/2 лота гвоздики, 1/2 унции перца, 1 кусочек корицы, 1 голова сахара, 1 фунт риса, 1 фунт оливкового масла, 50 яиц, чашку сливок, ведро больших огурцов, 5 редек, соль и хрен каждого понемножку, четверик муки, 3 фунта масла, чашка крупы, 8 небольших свечей.

[20 декабря]. 20-го мы собрались и отъехали в тот же день 7 миль до деревни по названию Загорье. Мы не отправились до полудня, по тому только в полночь приехали на постой. Шел сильный снег так что мы и головы не высовывали из саней. Некоторые из наших слуг из-за нехватки саней ехали верхом и так закооченели, что едва могли двигаться и отогреваться. Проводы же были такие же, как и встреча, только мы теперь все были на санях, кроме трубачей. Стояли под ружьем на 42 человека меньше, потому, что дорога была короче. Перед отъездом я попрощался от имени посла с воеводой и пожаловался ему заодно, что у нас мало подвод и лошадей. Он бесцеремонно лежал в постели, или по их обычаю на лавке, его подташнивало, он очень гневался, что его раньше не предупредили, так как мог с трудом говорить. Его жена сидела в углу комнаты, полной сундуками, она пряталась сзади них. Причина, почему мы в этот день задержались с отъездом из Пскова, была в том, что Микита заставил нас долго ждать, он был сильно пьян, когда, изрядно запоздав, пришел к нам.

НОВГОРОД

[26 декабря 1664 г.]. В то же утро мы готовились въехать в Новгород, от которого находились только в миле с лишком¹. После полудня мы сели в сани и поехали. По пути был нарушен порядок следования. Микита² по рангу...³ Разгорелся спор, угрожали оружием, несколько раз столкнулись лошадыми, пока, наконец, посол и Микита не навели порядок. Впереди по желанию и требованию посла пошли наши, так мы ехали дальше в таком

¹ 1 миля равнялась 7,5 км

² М. С. Паганевич — русский пристав

³ Несколько слов пропущено

порядке: Микита как проводник шел впереди, в своих великолепных санях, затем посол, затем я и т. д.

У города много монастырей и больших полей. Будучи уже рядом с городом они⁴ повели нас вокруг него или вдоль него, что продолжалось три четверти часа, хотя мы ехали рысцой. Объехав деревянную внешнюю стену, они повели нас обратно вдоль реки. Затем по реке Волхов приблизились до середины города. Там нас высадили на берег и через мост, который ведет в город, нас перевезли в пригород. Этот мост не отличается от нашего амстердамского, но сделан из дерева. Прямо в город, т. е. внутрь каменных стен, которые окружены деревом⁵, иностранцев не пускают.

Внешний город за рекой (Волховым)⁶ окружен деревянной стеной. Когда проезжали вдоль упомянутой деревянной стены, то здесь, то там показывались солдаты, которые выставляли свои ружья и знамена в бойницы, а также высовывали головы. Слышен был барабанный бой.

На расстоянии выстрела от упомянутого моста нас встретили те, которых послали для встречи, с двумя роскошно украшенными санями, убранными сукнами и мехами. Одни сани были для (встречающего) проводника, другие для посла⁷. Русский ехал впереди; на лошадях была золотая сбруя. Они привели с собой пять верховых лошадей для дворян. На лошадях были тигровые и другие шкуры, белоснежные узды и седла по их обычаю, все великолечно. Наши трубачи ехали впереди, за ними — наш италмейстер, остальные — по два человека попарно, после пристава — проводник и посол в санях. Свита посла следовала за ним, каждый в своих санях.

Упомянутый (встречающий) дворянин во время приезда говорил все по свитку, с трудом мог читать написанное, переводчик пришел ему на помощь. Там было сказано, что воевода царя⁸ посылает Якову Борелю, послу, все это в его честь, чтобы его торжественно принять и справляется о его здоровье.

Дав ответ, мы отправились к нашему двору сквозь ряды воинов, как горожан, так и солдат. На горожанах простая одежда и вооружение: кто с пистолетом, кто с ружьем, кто с мушкетом. Среди воинства один полк был

⁴ Т. е. русские

⁵ Речь идет о Кремле на Софийской стороне Новгорода. В свою очередь, Кремль окружал бастионный Земляной город и городская застройка, обнесенная валом и деревянной стеной

⁶ Торговая сторона Новгорода названа здесь внешним городом, а ниже — пригородом.

⁷ В отчете о посольстве Я. Бореля имеется дополнение о том, что для встречи голландцев бывший в Новгороде воеводой князь Иван Борисович Репнин-Оболенский направил дворянина. «Вокруг (посланного) стояли стрельцы под ружьем, а также группа из 8–10 трубачей, которые производя много шума, беспорядочно дудели на русский манер» (Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. 1664–1665. Deel II, p. 75, 1)

⁸ Т. е. князь И. Б. Репнин-Оболенский

одет в красное, другой — в синее. Их командиры были роскошно одеты — по походке и жестам они были похожи на комедиантов из нашего театра.

Подали лошадей (запасную) для посла, и мы были окружены алебардчиками⁹, их было так много, что с трудом поддерживали порядок в строю. Дом, где мы остановились, кое-где был обит красным сукном и у входа стояли одетые в красное солдаты; слышен был и однообразный звук их труб.

Рядом с нашими лошадьми шли сопровождающие их конюхи также в красных кафтанах. Вокруг синей посла шло много таких простых людей или немого рангом повыше. Переводчик ехал, стоя на санях, за ним шли пажи и слуги.

Здесь зимой не время для верховой езды, это я почувствовал на себе. Одна моя рука и полнота были почти бесчувственными и, попав в тепло, сильно ныли. Другие отморозили ноги так, что не могли бы долго усидеть. Среди оружия я видел много старых голландских мушкетеров с изогнутыми прикладами и длинными курками, у нас давно отмененные. Войска напоказ прошли мимо нашего двора, по их обычаю, довольно беспорядочно. Несколько рот были без ружей.

Когда мы вошли во двор, (встречающий) дворянин сразу подошел к послу с пищей и напитками от воеводы, приветствовал его и обещал доставить все, что можно достать. С нашей стороны мы просили разрешения на выход и допуск к воеводе. На последнюю нашу просьбу он обещал дать ответ, на первую же сразу ответил утвердительно, но только в сопровождении стрельцов. При нашем приезде 32 знамени¹⁰ были поставлены в ружье. Я думаю, что едва ли 10 воинов из ста умеют ими пользоваться. Чтобы увеличить в наших глазах количество войска, перед нами вторично пустили только что прошедших солдат, как будто мы этого не заметили. В первый день нас угостили двойной порцией (пищи).

[27 декабря]. На второй день (по приезде) посыльный князя (Репнина-Оболенского), сопроводив это обычным приветствием, привез пищу и напитки. Привезенное было плохого качества и его было мало, на что мы уже часто жаловались, говоря, что нам не нужны плохие

⁹ Очевидно, стрельцы с бердышами

¹⁰ Знамя — отряд численностью 20–25 человек

продукты. Их Высокомогущество могут нас прокормить, и здесь мы находимся в городе, где за деньги все можно купить, мы очень удивлены такому плохому приему, тогда как у нас послы его величества (царя) имели всего вдоволь, да им еще в дорогу дают харчовые деньги. Слово за слово, разгорелся спор, мы говорили очень решительно. Упрекнули их, что наши слуги привыкли к лучшему, и чтобы они (русские) знали как и что пить, посол велел поставить на стол 7–8 бутылок своего вина, и напоили их так, что и они, и мы крепко напились. Нашему врачу досталось здесь. Микита и еще двое увеличили компанию.

Беседы, которые велись с ними, были поверхностны: нужно хвалить их и их страну, и их царя, который превыше всего на свете. Это они охотно слушали, хотя мы говорили так, что в Голландии и крестьяне могли бы заметить насмешку. Когда они пьют, то обходятся каждый без своей кружки, а прежде чем пить, говорят, за кого пьют, и сосуд идет по кругу. Наш посол сказал, что он счастливее, чем его отец¹¹, который часто и подолгу был послом в крупнейших странах мира, он же послан к самому великому монарху и только сюда. Говорили о времени нашего пребывания, об обратной дороге из Москвы, на что русские сказали: «Все зависит от воли Его Величества, сколько он захочет вас продержать и каким путем захочет послать обратно». Я, разгорячившись, рассказал им, как у нас (в Нидерландах) встречают русских послов, показывают им все, вплоть до воинского снаряжения и т. п. Спросил, почему они нас держат, как в заточении, и не пускают ни к крепостной стене, ни в город. «Без сомнения, — сказал я, — этот ваш город как самый замечательный, должен содержать все на свете, великолепен и достоин, чтобы показать его иноземцу». В ответ я услышал только: «Такова воля великого государя». Посол велел спросить, позволено ли будет послать кого-либо к воеводе. «В этом, — сказали ему, — было отказано и английскому, и другим послам». На что был ответ: «Если вы отклоняете визит вежливости, то не можете подозревать нас в предосудительном поведении, ведь около наших спален поставлен охранник, который, если что пропадет, понесет наказание».

¹¹ Отец Якова Бореля — Виллем Борель (1591–1668) был в 1640 г. послом в Швеции, в 1644 г. — в Англии, с 1650 г. по 1668 г. — во Франции

[28 декабря]. В воскресенье после проповеди наш па-стор крестил здесь двух детей лютеранских родителей по нашему обычаю. Капитан Юрий Григорьевич, который нас провожал до города со своими подчиненными, теперь нас покинул. Наш дом охраняли 15–16 человек из гвардии воеводы, они же сопровождали нас, когда мы выходили. Место, где находится наше жилище, это пригород за рекой. Он также окружен кругом деревянной стеной. Выходить или осматривать эту деревянную стену не разрешают. Нас отстраняют от реки, которая течет через город и по которой мы приехали, а также и от моста, который ведет в замок и город¹². Не говоря уже о том, что они не позволяют немцам, встречающимся на улице, с нами разговаривать и приходить к ним во двор. Таковы обычаи этой страны. Тем не менее, я обозрел город и его расположение. Лежит он вдоль реки, по ситуации немало напоминает Лондон. Мост по величине не уступает мосту через Темзу, но деревянный. Течение реки здесь более быстрое. Город окружен деревянной стеной, кое-где видны неуклюжие башни. (По стенам) вверху и внизу виднеются амбразуры для мушкетов и луков. Бревна (стены) лежат горизонтально одно на другом. Внутри ходят по лестницам и боевому ходу¹³. Здесь и там есть и каменные башни, ворот много — большинство деревянные, простого строения. У моста каменные ворота. Они находятся посередине каменной стены, которая окружает большой участок в пределах деревянной стены. За этими каменными стенами живет воевода и находятся все приказы; но не только они, рядом с ними там еще сотня домов. Эта каменная стена высокая, белая, расположена на берегу реки на протяжении 7–8 минут ходьбы. Это они называют замком¹⁴. Над воротами — большие часы. В городе виднеется много церковных глав, у одной из главных церквей пять глав, средняя позолочена¹⁵. В другой хранится большой жерновой камень, на котором нарисован св. Антоний, этот камень вместе со святым приплыл сюда из Рима. Эта церковь — на окраине города за рекой¹⁶. В другой — хранится изображение древнего языческого божества, которому люди прежде поклонялись и приносили в жертву живых детей, откуда она еще сохраняет свое название¹⁷.

¹² Софийская сторона Новгорода

¹³ Solkens — балкон, терраса, здесь, несомненно, боевой ход

¹⁴ Разумеется, Кремль

¹⁵ Глава Софийского собора.

¹⁶ Легенда о преподобном Антонии (1067–1147) гласит, что он в 1106 г. приплыл из Рима в Новгород на жернове. Здесь он построил монастырь (Антониев), где и был похоронен

¹⁷ Церковь Перынь-Богородицы на том месте, где находилось святилище с идолом Перуна

Пригород около реки можно справедливо сравнить с Лондоном своими хорошими рынками, лавками, изобилием всяких товаров. Шведский и Любекский дворы находятся на одной улице, один против другого, между ними караульная будка. Как в городе, так и здесь избыток церквей. Окружность города, я считаю, 3 часа ходьбы. Здесь очень много рыбы.

Микита, наш пристав, однажды очень обиделся, потому что мы не проводили его как требует обычай. Он сказал, что это не уважительно по отношению к царю, а он должен соблюдать честь царя. Он хотел бросить в башню своего толмача за то, что тот сказал нам, будто среди русских не принято из вежливости провожать кого-либо, и запретил ему входить в наш дом.

Один из их митрополитов имеет здесь свою резиденцию, а в России их четверо¹⁸, из них выбирают патриархов.

Река около города редко замерзает в середине; русские рассказывают, что это потому, что царь Иван Васильевич погубил здесь много людей¹⁹: их привозили к мосту сотнями, отрубали голову и таким образом красили воду. Монастырь св. Антония хранит большой камень в маленькой часовенке у входа; на нем нарисован Антоний, стариком с белой бородой. Его тело хранится в подвале ближайшей церквушки, под медной крышкой гроба. Об этом мне рассказал человек, который видел это под русским покрывалом²⁰.

[31 декабря]. В последний день года мы выехали из Новгорода. Проехали в первый день четыре мили до деревни (Боронницы) на р. Мста. Мы продвинулись бы еще на 2 мили, но там сгорела деревня. Мы проехали через две деревни, одну реку на довольно большое расстояние по равнине, местами с ивами и вязами. Наш выезд из Новгорода произошел также торжественно, два полка стрельцов заняли улицу. Мы сидели в своих санях.

[4 июня 1665 г.]²¹ К вечеру мы прибыли к городу (Новгороду) и остановились от него в трех верстах, там, где находился Благовещенский монастырь на горе Городище, названной так потому, что прежде сюда доходили городские стены²². Из-за наводнения это место

¹⁸ Здесь Витсен не точен. В числе митрополитов были: новгородский и великолукский, ростовский и ярославский, казанский и свияжский, сарский и подонский (ср. Олсгарий А. Описание путешествия в Московию. СПб, 1906, с. 328) Патриаршество установлено в России в 1589 г.

¹⁹ Речь идет о казнях новгородцев в 1570 г. по приказу Ивана Грозного

²⁰ По-видимому, надгробный покров.

²¹ Здесь и ниже описывается обратный путь голландцев из Москвы, вновь посетивших Новгород

²² Городище находится в 2-х верстах к югу от Новгорода на правом берегу р. Волхов «на красивом возвышенном месте, образующем остров и холм» (Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, Ч. I. М., 1860, с. 484)

превратилось теперь в остров; русские говорили, что такого наводнения здесь не было 20 лет. Кругом все поля и леса лежали глубоко в воде. Все монастыри и церкви казались островами, а здесь (этих сооружений) великое множество, они искусно построены и красивы видом, что свидетельствует о прежнем великолепии города, о котором так много говорят. Здесь процветала всяческая торговля. Русские в своих хрониках рассказывают об этом то же самое, что и Юстиус в книге 2, главе 5²³. Когда мужчины воевали в Азии, то их жены, которые не могли обойтись без них, взяли своих рабов и холопов в мужья, а потом отправили их воевать с возвращающимися супругами, которые, думая, что перед ними служивые, разгоняли их кнутами, поэтому одна гора поблизости носит название Холопья гора, и река, которую мы прошли, тоже сохранила это название, так как побежденные холопы были в нее сброшены. В настоящее время в Новгороде заняты восстановлением разрушенной крепости.

²³ Justinus M. J.

Epitoma Historiarum
Philippicarum Pompei Trogi.
Lib. 2. Lipsiae, 1935

²⁴ Варлаам Хутынский,
в миру Алекса Михалевич —
представитель,
по-видимому, богатого
новгородского боярского
рода. В 1195 г. им был
основан на Хутыни
в 10 верстах к северу от
Новгорода на правом берегу
р. Волхов монастырь.
В память Варлаама отмечали
день его преставления
6 ноября 1193 г. и, кроме
того, в другой день
устраивался крестный ход
в Хутынский монастырь
(Макарий, архимандрит.
Археологическое описание,
с. 451–452)

[5 июня]. На этом острове нас оставили весь следующий день до вечера. В городе был большой праздник Варлаама, он похоронен в 7 верстах от города. Ему молятся во время наводнения, а также ежегодно в определенный день, когда все население с крестами, свечами, иконами и факелами идет молиться к его могиле²⁴. В других городах в этот день идут к соборам и совершают такую же церемонию, как здесь, где находятся останки этого святого. Вечером, когда кончился праздник, пришли за нами. Посол еще раньше направил человека в город с просьбой, чтобы приехали за нами, на что получил ответ: «Когда будет время, узнаете». От берега до постоянного двора все было занято войсками, предводители были в лучшей форме. Посла приняли на берегу сановные люди, если судить по одежде некоторых. Для посла и его офицеров прислали лошадей, таких пугливых, что стоило немалого труда их удержать. Они боялись знамен и барабанов, шли, подпрыгивая, становились на дыбы. Та, на которой сидел посол, была в серебряной сбруе, увешана серебряными цепями и покрыта попоной из золоченой парчи. Кони, на которых сидели мы, были лишь немного менее великолепно.

Пристав ехал справа от посла, толмач — слева, офицеры ехали впереди, слуги следовали за ними.

По прибытии к постоялому двору, тому самому, где 17 лет назад (в 1647 г.) умер господин Бург²⁵, встречающий нас молодой человек, уже приветствовавший посла при нашем приезде сюда, теперь снова произнес то же самое приветствие, справился о его здоровье и, сказав, что ему (послу) дадут столько корма, сколько он получал в Москве, ушел. Я снова убедился, что часто люди забывают, чему их учили; этот юноша не делал ничего без толмача, который подсказывал: говорите, молчите, дайте руку, уходите и т. д.

Мимо нашего двора прошло шествие воинов: стрельцы, солдаты, крестьяне, горожане, вооруженные по-разному, одни так, другие эдак, они шли группами по 50–60 человек, несли чушкетты без курков, шомпола и фитиля, что выглядело смешно. Их было примерно 1000 человек. Была пятница (5 июня), когда нас внешне так важно встретили с 12 прекрасными лошадьми, столько же было нарядно одетых господ.

[6 июня]. Дни здесь теперь проходят очень длинные: солнце садится в 9–10 часов вечера, а восходит рано, так что ночная темнота длится не более одного-двух часов; заря почти не сходит с горизонта.

Когда мы приехали сюда, воевода велел по всем улицам объявлять, чтобы голландцам не причиняли зла, угрожая разного рода наказаниями; иначе здесь на улицах всех высмеивают. Когда посол попросил у воеводы еще одну барку, так как мы должны ехать водным путем, тот сказал, что их у него нет. Оказалось, действительно, что в этом городе, богатом водой, нет лишних судов, даже лодку, переданную в распоряжение посла, воевода иногда просил для себя, пока мы здесь, что ему и разрешали. Правда, (судно) было так плохо устроено из дерева, что скорее было похоже на торфяную баржу, чем на корабль воеводы. Каковы снасти, таковы и матросы. Они гребут как люди, непривычные к этому делу, и плыть могут только по ветру на парусах, поэтому мы всегда сами гребли.

Когда посол хотел послать человека к воеводе с жалобой, ему ответили, что иностранцам не разрешается

²⁵ А. К. Бург — бургомистр Амстердама. Ездил в Россию в 1630 и 1647 гг. в качестве посла в Москву. Во время второй поездки скончался по дороге

входить в город (т. е. в пределы Софийской стороны), а мы жили в пригороде (на Торговой стороне). Посол возразил, что в других странах можно прийти поговорить к королям и принцам и т. д.

*Здесь мы все были снабжены оружием и готовились к сопротивлению на случай, если польские войска на нас нападут, о чем нам много говорили*²⁶.

Утром 9 июня мы отправились водным путем из Новгорода. Все происходило так же, как и при въезде; от двора до пристани солдаты стояли в ружье, но теперь их было гораздо меньше. Для проводов привели 5 бранных лошадей, но никто не провожал посла, кроме толмача, и то не по поручению (воеводы). Привозимую провизию нам раздавали нерегулярно, и хотя посол жаловался — не помогло. Воевода Василий Григорьевич Ромодановский²⁷ заявил, что у него нет приказа; вину сваливали друг на друга.

Отсюда мы шли на судах в Ильмень-озеро, иногда вдоль берега, устроили обед в Завале, недалеко от каменного монастыря Троицы, что лежит на острове, в бухте озера, откуда берет начало река под названием Веряжа.

ТОРЖОК

[8 января 1665 г.] *Торжок — просторный город, редко застроенный деревянными домами. У подножия горы, в небольшой долине, здесь и там стоят группы домов, обсаженные вокруг деревьями. На той стороне реки Тверцы, на высоком берегу, находится мужской монастырь, построенный из дерева. Рядом с ним стоит еще несколько простых домов, образуя как бы пригород. То, что они называют городом или замком, то место размером в половину нашего города Вееспна (в Голландии). Город окружен деревянной крепостью высотой в 14 сосен. Бойницы такие, что едва проходит дуло (огнестрельного оружия). И этот (город) лежит в долине, но на некотором возвышении, у него 17–18 деревянных башен. С одной стороны его омывает река, а с другой — ров; спереди и позади — сухо. В городке живут воевода, дьяк и писцы;*

²⁶ Имеется в виду война между Россией и Польшей, происходившая в 1654–1667 гг.

²⁷ Очевидно, сменил прежнего воеводу

имеется 1 и 2 часовни, больше ничего особенного нет. Почти все церкви деревянные. Там видна башня¹ странного строения, которую я зарисовал. Есть здесь и женский монастырь².

[8—11 января]. Любопытство привело меня в дом купца, куда я был приглашен на обед. Хозяйка приветствовала меня кружкой пива, зачерпнув его из большого ковша, при этом остатки пива выливались обратно в ковш, что было весьма неаппетитно. Стол накрыли грязноватой скатертью сами хозяин и его сын, хотя это важные люди, у которых немало было холопов и слуг. Для каждого из нас была положена гряда толстых ломтей хлеба разных сортов и деревянная ложка. Первым блюдом были засахаренные сливы, также огурцы, на второе подали курицу в бачке, на третье — кусок свинины с уксусным соусом, который они ели ложками. Четвертое — какая-то странная жидкость, которую они едят ложками. Пятое — пахтет из мяса с луком, чесноком и т. д. Как мы сели, так нас и оставили сидеть. Очень просто они были со своими слугами. Кроме нас было еще двое русских гостей; ох, как же некрасиво они едят! Не маются, а только крестятся, сидят хуже, чем самый неотесанный крестьянин. Во время обеда пришел сынок хозяина и приветствовал нас рукопожатием и поклоном; чем крепче ударяют по рукам, тем, значит, серьезнее. Этот поднес каждому из нас по чарке водки и продолжал стоять, склоняясь до земли, пока мы их не опорожнили. Затем хозяин вызвал жену, которая также поклонилась каждому из нас и поднесла по кубку водки, после чего сразу, не говоря ни слова, опять ушла. При первом выходе хозяйка сказала: «Приглашаю Вас на хлеб-соль». Одеты она была богато: шапка вышита золотом и жемчугом. Привезли нас домой в санях купца, а на следующий день я также угостил их.

Сегодня³ у них святой день или, точнее, пьяный день: определенно, весь город был пьян — все, кого мы ни встречали, даже многих женщин приходилось увозить домой в санях. В этот день поэтому мы услышали на наш счет некоторые грязные поговорки, нас посылали к местожительству немцев в Москве, что является оскорблением⁴. Из всех домов показывались молодые

¹ Tooren — здесь церковь

² В отчете Я. Бореля о Торжке сказано: «Город Торжок на р. Тверце — маленький городок, окружен плохими деревянными стенами. Не годится для того, чтобы его как следует укрепить из-за своего местоположения ввиду высоких горок» (Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. Deel I, p. 86)

³ Не уточнено, какой из четырех дней из тех, что голландцы провели в Торжке, имеется в виду.

⁴ «Немцы», то есть все приезжие в Москву из Западной Европы, обязаны были жить в немецкой слободе на р. Яузе, у ручья Кокуй. «Немцами» — немцами — называли москвиты всех, не говорящих по-русски

женщины, они были разодеты и некрасиво напудрены, но никогда не подходили — убегали и не хотели появляться. Когда мы как-то раз направились к ним, они убежали; вышла старуха, клянясь богом, что у нее нет никаких девушек, умоляя нас идти дальше. Другая, видя из окна, что мы наблюдаем за ней, крикнула: «Почему вы смотрите на меня? Я уже стара, со мной ничего не получится, вам нужна помоложе!» Казалось, они здесь пугливее, чем в других местах, не привыкли к чужим. Еще по пути мы часто видели, что там, где на постоянных дворах были девушки брачного возраста, родители их сразу запирали. У девушек в ушах и через плечи висят серебряные цепочки, на голове — позолоченная бахрама.

Я видел здесь попа, выходящего из церкви, с крестом и еще во всем облачении, с кропилом и т. п., прямо со службы, он был пьян, приставал, как это делают пьяницы, выкрикивал множество глупых слов и чуть не подрался с нами. Я видел также, как дети слетали с высоких, крутых гор на длинных дощечках быстрее стрелы из лука, ужас! Здесь довольно большой рынок, где продается мясо, хлеб, пиво и много мелочей. Из Торжка мы выехали 12-го января, проехали в этот день 6 миль до Медного Яма на р. Тверце.

ТВЕРЬ

[13 января 1665 г.]. Тверь, городишко, похожий на пре-
дыдущий. Он лежит на реке Волге, на обеих ее берегах. На низком (левом) берегу расположены 4–5 городишек или деревушек, каждый со своей церковью; на другом, высоком, находится замок, а также основная часть города. На берегу — крепость, укрепления, как повсюду, из дерева, весьма запущенные, нас туда не пустили. Там живет воевода и там же — главный рынок и большая часть жилищ горожан¹. На рынках здесь ночью купцы спускают больших собак для охраны своих лавок. Могилы здесь покрыты белыми плитами, которые лежат на каменных валиках, на некоторых — маленькие деревянные домики².

¹ Разумеется, кроме Кремля, Загородский и Затмацкий посады

² Так называемые, домики мертвых, возводившиеся на месте погребения

МОСКВА

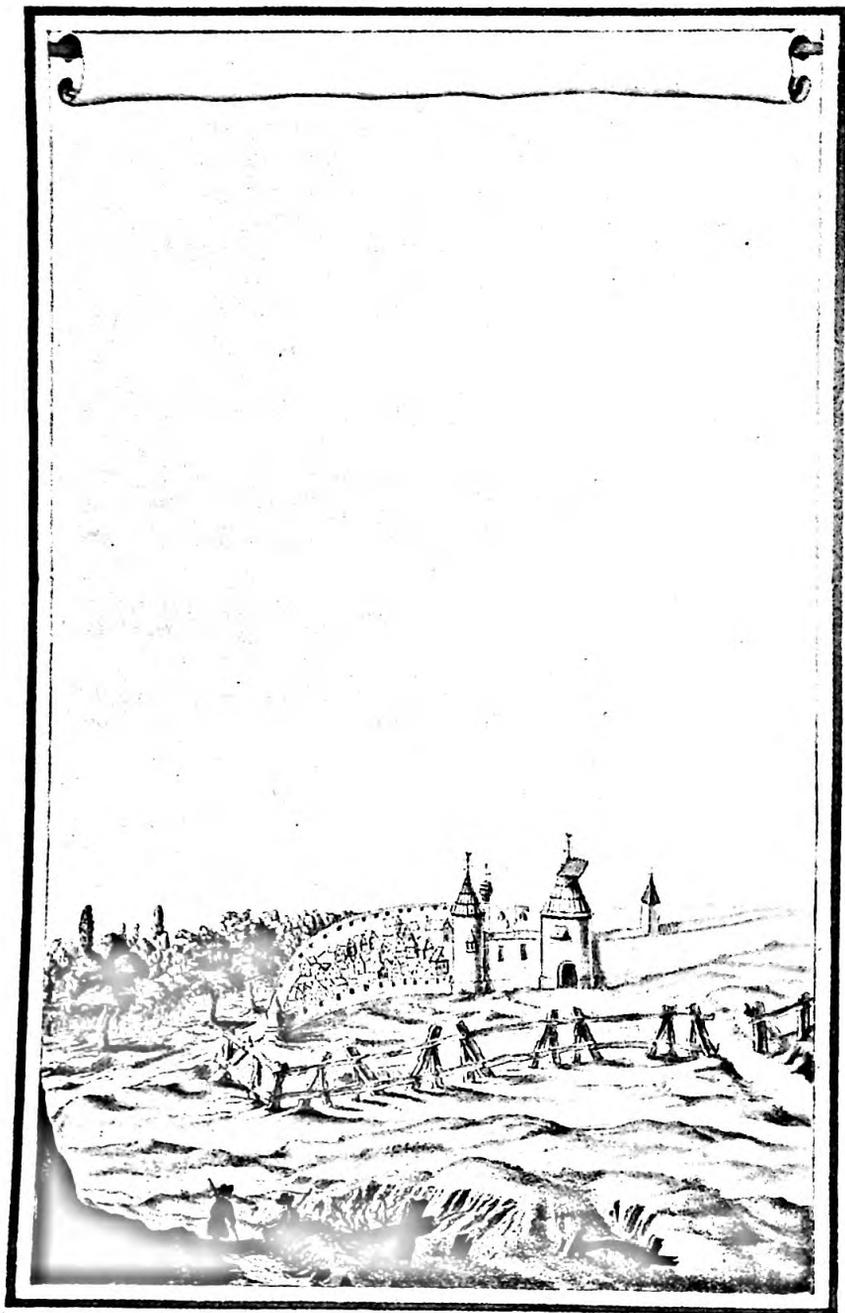
[14 марта 1665 г.]. Я (Н. Витсен) объехал весь город быстрым шагом, это длилось три часа: два раза переехали реку Москву, а Неглинную и Язу один раз. Укрепления (города) очень запущены, их деревянный верх упал. С одной стороны видны несколько неупорядоченных башен из земли, с другой стороны много деревянных башенок, а с третьей — стена, но ее бруствер плох. Вокруг стены идет сухой ров.

[22 мая 1665 г.]. За три часа быстрым ходом я объехал ее (Москву) деревянные стены; кроме того есть еще белая и красная стены, последняя окружает замок (Кремль). Большинство домов — деревянные, дворы в беспорядке; на улицах бревенчатые мостовые, грязные, вонючие лужи никогда не чистят. Люди с некоторым положением ездят в каретах или верхом. Через город текут реки: Яза, Москва и Неглинная. Он располагается на возвышенности и в низине в соответствии с рельефом. Кремль, (его) жилища и церкви все из камня, хорошо построены, в большинстве по итальянскому образцу. Церквей очень много, самая старая во всей Москве стоит во внутреннем дворе (Кремля), куда не позволено ходить ни одному иностранцу; хотя они сооружены по итальянскому образцу, но расположены все же беспорядочно. О золотом кресте и позолоченном остроконечном верхе колокольни (Ивана Великого) слышали все. Так же известен и большой колокол, который лежит там неподнятым. Две колокольни (столп Ивана Великого и, вероятно, Филаретова звонница) высятся внутри Кремля. Царица, царь и их дети имеют каждый отдельные жилища. Детей еще никто из посторонних не видел. Дома князя Якова (Черкасского) и его преосвященства (т. е. патриарха) — добротные каменные строения. С одной (напольной) стороны Кремль окружен сухим ровом и низкой каменной стеной. Вне Кремля находятся каменные лавки; по каждому виду товаров они расположены рядами. Внутри других стен проживают все кто хочет, кроме иноземцев, которые размещены в пригороде. Царские стрельцы живут все в одном месте (в Стрелецкой). Церквей несколько тысяч, большинство из камня.

Неприличные бани у нас известны. Считая характер народа и его веру известными, не буду их описывать, скажу только, что они хорошие христиане, но не обучены и плохо воспитаны. Обучение там не в почете, и тех, кто занимается наукой, называют еретиками

0 1 2 3 4 5

ВЪЕЗД В РОССИЮ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПСКОВ

I

Въезд голландского посольства (насчитывающего не менее 46 человек) в Россию, а именно, на территорию Псковской области, состоялся у, так называемого, Теплого камня — урочища по дороге в Печоры, находящегося неподалеку от замка Нейгаузен (ныне Вастселина, Эстония). Здесь проходила граница шведской Ливонии и России, но точное ее местоположение составляло предмет спора. Русские доказывали, как это видно на карте, помещенной в альбоме Э. Пальмквиста (1674 г.)¹, что их граница пролегает не у Теплого камня, а в 1030 простых шагах² западнее у реки Пивжа (совр. Пижма) и впадающей в нее Меузицы (совр. Мегузицкий ручей)³, непосредственно в «броске камня» от Нейгаузена. Знал это и Витсен. В своем дневнике он отмечал, что речушка, текущая у Нейгаузена (Меузица), рисуется на всех картах как пограничная. Между тем, в момент проезда голландского посольства граница находилась в полчасе ходьбы от замка у Теплого камня. Там, по отзыву Витсена, были видны русские караулки и стража на высоких холмах⁴. Судя по тому, что посланный к голландцам русский пристав встретил гостей на расстоянии «в половину выстрела от Теплого камня», граница в этом месте действительно не была точно установлена⁵.

Первый русский населенный пункт, встреченный путешественниками на пути на восток — Печоры, показался им большой деревней. Внимание Витсена привлек находившийся здесь Псково-Печерский монастырь, в котором, по его словам, находились 200–300 монахов.

¹ Palmquist E. Någre widh Sidste Kongl: Ambassaden till Tzaren i Muskou giorde Observationer öfwer Ryßlandh, der Wågar, Paß medh Fastningar och Gröntser. Anno 1674. Stockholm, 1898, il. 37

² 1 шаг равен 78,5 см.

³ Река Меузица, названная Межужицей, как рубеж Немецкой земли упомяната под 1341 г. (Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л., 1941, с. 18)

⁴ Николаас Витсен. Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник. Л., 1981. ИНИОН, деп. 9338, л. 71–74

⁵ Еще в 1684 г. шведскому посольству в Москве предписывалось указывать на то, что ливонско-шведская граница «никогда не была под крепостью Нейгаузена по ручью Меузица, но у Теплого камня» (Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Т. II, М., 1981, с. 387)

В это число Витсен включил, по-видимому, всех живших на территории обители. Для сравнения можно привести такой факт — в конце XVI в. в монастыре насчитывалось до 100 монахов и до 300 служителей⁶, а в 1631 г. — более 300 человек, включая 42 «старцев» и 80 служителей и «трудников», 181 военных. В 1693 г. население обители, без монашествующих, составляло 285 человек⁷.

Витсен далее упоминает о местной святыне — иконе Божьей матери, которая находилась в подземелье. Раз в год икону носили во Псков, чтобы придать неприступность его стенам. Следует уточнить, что речь идет об иконе Умиления (или Владимирской Одигитрии), находившейся в пещерной Успенской церкви. Заступничеством Богородицы объясняли избавление Псково-Печерского монастыря от войск Стефана Батория⁸. В 1601 г. был установлен чин крестного хода с упомянутой иконой во Псков «по завету осадных людей»⁹ в память «родам грядущим, бывшие ради победы на противных»¹⁰. Владимирская Одигитрия, по-видимому, не была еще создана в период осады 1581 г., а написана иноком Хитрошом несколько позже¹¹.

В Печорах Витсен сделал свой первый в пределах России рисунок — вид Псково-Печерского монастыря. (рис. 6) Художник сетовал, что выполнял рисунок в холодную погоду и издалека. Набросок этот сохранился в Вене в составе упоминавшегося выше атласа Ван дер Хема¹². Наверху листа заготовлен картуш, но сопроводительная надпись отсутствует. В венском собрании рисунок числился «без названия», но теперь его можно обозначить с полной достоверностью. При всей условности и некоторых деталях, привнесенных явно по памяти, мы видим Псково-Печерский монастырь, изображенный с северной стороны. На переднем плане опознаются (слева-направо): башня над Нижними решетками (ее масштаб уменьшен), Никольская башня (на ее стене не боевой выступ-эркер, как я думал первоначально, а киот, вмещающий, по словам описания монастыря 1602–1603 гг. «Софию-Премудрость Божию»)¹³, Петровская башня (над воротной аркой также киот под навесом). На шатре Петровской башни показана некая четырехуголь-

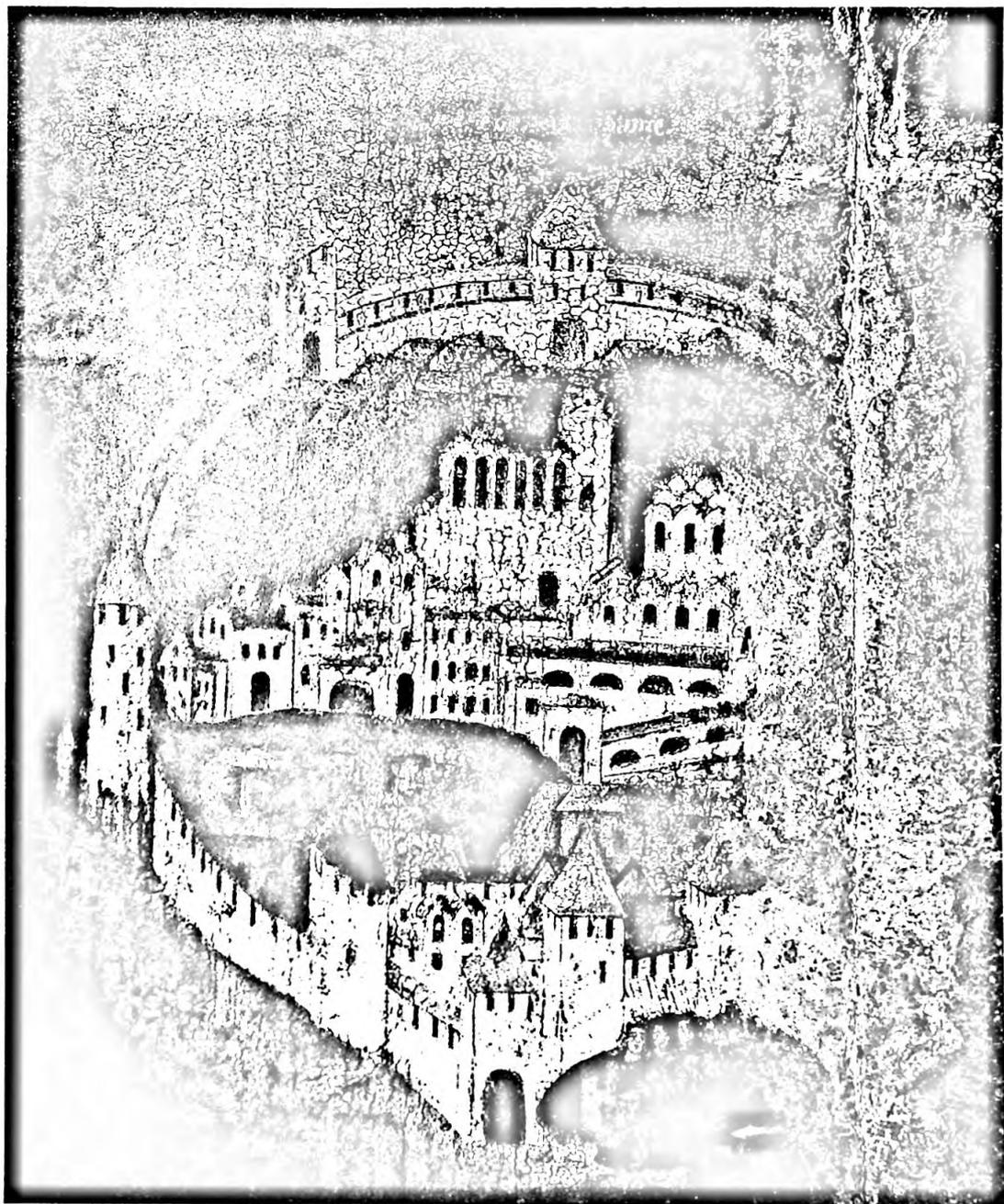
⁶ Болховитинов Е. История княжества Псковского. Ч. III, Киев, 1931, с. 84–85
⁷ Сборник МАМЮ. Т. 6, М., 1914, с. 471, 475
⁸ Иосиф, иеромонах.

О крестных ходах в г. Пскове и его окрестностях. СПб., 1858, с. 5–6
⁹ Малков Ю. Г. Новые материалы к истории архитектурного ансамбля Псково-Печерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1981, с. 78
¹⁰ Выписка из «Повести о Псково-Печерском монастыре» // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV, Рига, 1883, с. 193
¹¹ Новгородская Забелинская летопись. РОБАН, 16. 4. I. л. 368;

Болховитинов Е. Описание Псково-Печерского монастыря. Дерпт, 1821, с. 28
¹² Atlas Bleau-Van der Hem. Bd. 24, Taf. 26, акв., разм. 30,3 x 50,7 см.
¹³ Малков Ю. Г. Новые материалы, с. 78

Рис. 7. Псково-Печерский монастырь. Фрагмент иконы «Сретение Богородицы». Первая четверть XVIII в. Псковский историко-художественный музей. Фото Н. Гаврилова

Рис. 7. Псково-Печерский монастырь. Фрагмент иконы «Сретение Богородицы». Первая четверть XVIII в. Псковский историко-художественный музей. Фото Н. Гаврилова

¹⁴ Малков Ю. Г. Новые материалы, рис. 6, 7, 9 и 20. К сожалению, на приведенной прорисовке фрагмента иконы «Сретение Богородицы» (рис. 9) не воспроизведена очень выразительная деревянная застройка Псково-Печерского монастыря. О датировке и источниковедческой ценности этого произведения см. с. 41

¹⁵ В описании монастыря 1602–1603 гг. отмечено, что «кельи игуменова и всей братьи стоят рядом под горою и по пригору и на горе» (Малков Ю. Г. Новые материалы, с. 79)

¹⁶ Малков Ю. Г. Новые материалы, с. 77

¹⁷ Ю. Г. Малков строит свои заключения на сопоставлении рисунков из альбомов Мейерберга и Пальмквиста. Такой прием вполне обоснован, и я стараюсь развить его на другом новом материале.

¹⁸ Скобелыцын Б. С. Памятники древнерусского зодчества. Земля Псковская. Л., 1972, с. 184

¹⁹ В селе Кусва в 8 км к северо-западу от Пскова сохранилась ц. Минны Виктора и Викентия, ее относят к XVII в. Однако, этот храм или его предшественник упомянут в документе 1585–1587 гг. (Сборник МАМЮ. Т. 5, М., 1913, с. 139)

²⁰ Болховитинов Е. История княжества Псковского. Ч. III, Киев, 1831, с. 118; Сборник трудов членов Псковского археологического общества. Псков, 1897, с. 220; Сборник МАМЮ. Т. 5, с. 126. Руины монастыря впервые обнаружены и распланы экспедицией ЛОИА АН СССР и Управления культуры Псковского облисполкома

ная платформа. Настил ли это будущей смотрильни, ставня ли дозорного окна, признак ли незавершенности строительства кровли — судить трудно. Далее видна Тюремная или Острожная башня (неверно изображена в виде башенки на стене). За башнями проглядывает глава Никольской церкви и ее звонница. В левой половине рисунка, в нагорной части монастыря за крепостными стенами, показаны домики — монашеские кельи. Нарисованное Витсеном имеет соответствие с реальными постройками и удостоверяется некоторыми панорамными видами монастыря XVII–XVIII вв. К примеру, на иконах «Псково-Печерская обитель» и «Сретение Богородицы» из часовни Владычского креста близ Пскова¹⁴ мы видим не только перечисленные выше башни монастыря, киды на их фасадах, но и деревянные кельи и житницы на горе¹⁵ (рис. 7).

Рисунок Витсена относится к числу древнейших изображений Псково-Печерского монастыря и первых точно датированных с видом пристроенного к нему острога. Это дополненное клинообразное укрепление, закрывшее главный вход в монастырь, помещалось в треугольнике, образованном Никольской, Тюремной и Петровской башнями. Впервые оно, вероятно, как деревянное упомянуто в событиях 1611 г., а между 1662 и 1672 гг., как указал Ю. Г. Малков, было отстроено в камне¹⁶. С помощью рисунка Витсена (а нарисованные им башни явно каменные) эту датировку можно сузить 1662–1664 гг.¹⁷. Иными словами, постройка добавочных каменных укреплений Псково-Печерского монастыря, в течение XVII в. не раз подвергавшегося нападению шведских и польских войск, происходила в период приостановки военных действий на западной границе и, по видимому, сразу после заключения Кардисского мира со Швецией в 1661 г. Оборонительные приготовления оказались не напрасными. Возвращаясь из Москвы, Витсен увидел, что посад Печор сожжен поляками, но сама крепость уцелела.

Дальнейший путь посольства пролегал по зимнему санному пути вдоль южного берега Псковского озера до деревни Ваймицы в устье р. Великой. Затем гости повернули на юго-восток и поехали по левому берегу р. Ве-

ликой, а при подъезде к городу — по льду самой реки. Около монастыря св. Николая (в полутора милях от Ваймиц, что составляет приблизительно 11 км) путешественники сделали короткую остановку и приготовились для торжественного въезда в город. Витсен сообщает, что при подъезде к Пскову посольство двигалось мимо многочисленных часовенок и монастырей. Что представлял собой в период Витсена северный подъездной путь ко Пскову?

Почти 15-километровый отрезок р. Великой между ее устьем и Псковом был действительно насыщен церквями и монастырями, расположенными по обеим берегам реки. Большая часть этих построек ныне не существует, но с помощью письменных и графических источников и археологического обследования удастся восстановить их местоположение. От устья р. Великой по ее левому берегу, в последовательности с северо-запада на юго-восток, располагались: церковь Николая Чудотворца с Устья (XV в.¹⁸ — здесь и ниже — время основания), далее, церковь Мины Великомученика с. Кусва, (не позже XVI в.)¹⁹, монастырь Николая Чудотворца у д. Перина — в XVI в. — Порынке (очевидно, восходит к наименованию Перынь, каковым в документах XVIII в. иногда назывался этот монастырь, построенный, как показывали наши раскопки, не позже XVI в.), затем, ц. Николы, с. Гривы (не позже XVII в.)²¹, наконец, монастырь Николы на Волку (1395 г.)²², отстоящий от Пскова на 3 км, где голландское посольство и построилось для церемониального въезда в город.

На правом берегу р. Великой следует назвать, в той же последовательности, деревянную церковь Рождества Богородицы (XVII в. — ?)²³, известный Снетогорский монастырь (вторая половина XIII в.), подгородный Сереткин Петропавловский монастырь (XV в.).

Почти все названные церкви и монастыри строились в промежутке с конца XIII по XVI вв. Все они (за исключением Снетогорского монастыря) не были богатыми. По данным середины XVII в. некоторые из них владели 20–30 крестьянскими дворами²⁴. Рыбная ловля и торговля дополняли хлебопашество. Несмотря на скромные доходы главные церковные здания к XVI ве-

в 1983 г. Храм расположен в пойме р. Великой на небольшом всхолмлении. Столь необычное расположение возможно объясняется его существованием на месте языческого капища

²¹ Не сохранилась. Обозначена только на иконе «Сретение Богородицы».

Сопроводительная надпись прочтена с помощью Н. П. Силоповой, за что приношу ей искреннюю благодарность

²² Псковские летописи.

Вып. I. М.—Л., 1941, с. 25, 79;

Болховитинов Е. История, с. 118, 119;

Годовников И.

Краткое историческое обозрение г. Пскова и его достопамятностей с атласом рисунков. Псков. 1866. Рукопись. Древнехранилище ПИХАМЗ, л. 643–644.

Местоположение руин монастыря установлено И. К. Лабутиной и вторично мной и К. М. Плоткиным (в 1980 г.). Расположение храма нетрадиционно.

Он находился в нескольких метрах от уреза берега р. Великой, в ее пойме. Над зеркалом воды кладка основания храма возвышается всего на 1,7–2 м. Необычная близость постройки к воде объясняется тем, что она сооружена при волоке через р. Великую.

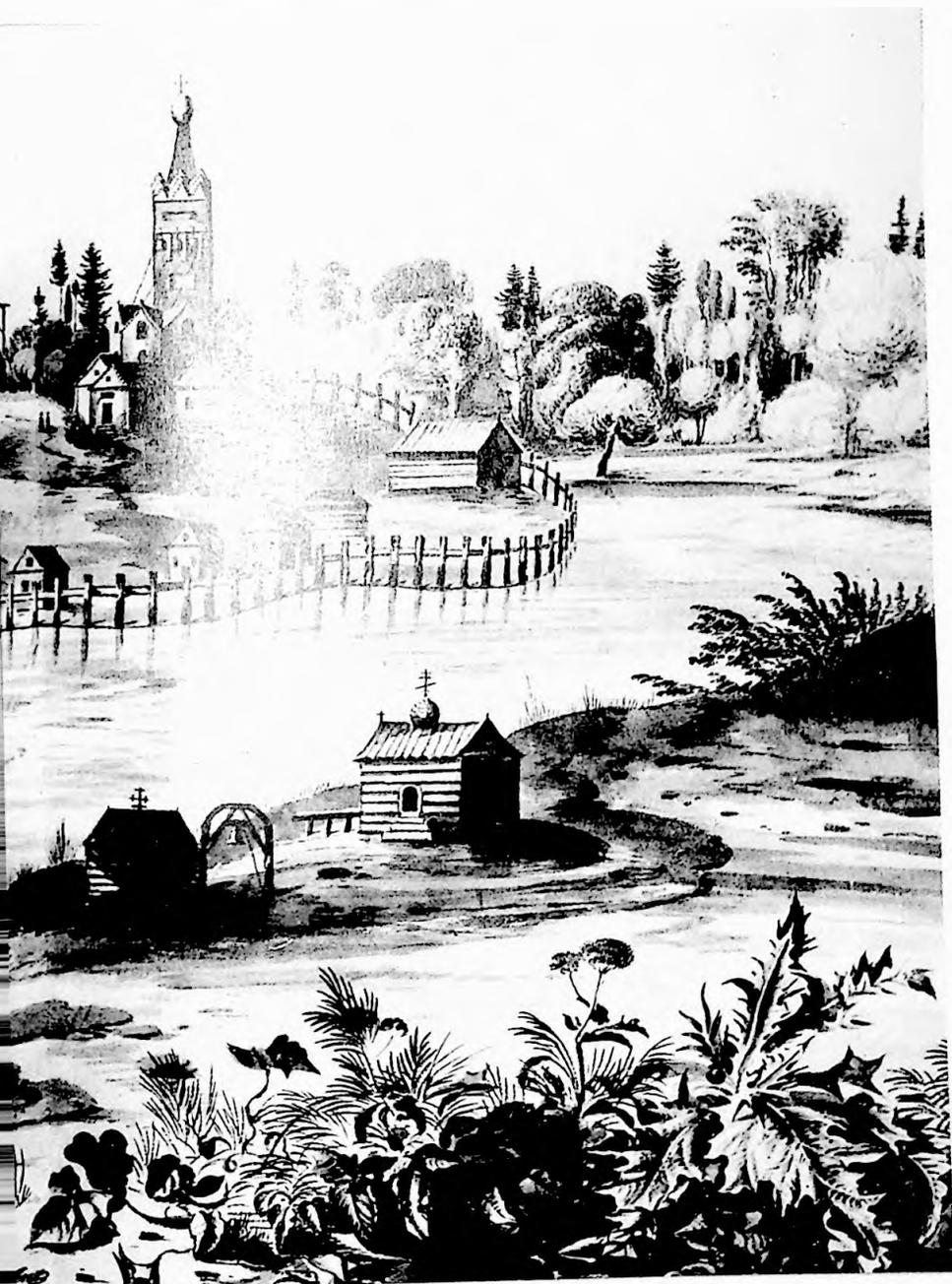
²³ Не сохранилась. Показана только на иконе «Сретение Богородицы»

²⁴ Никольский Н.

Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. I. Вып. 2. СПб., 1896, с. 25–26

Рис. 8. Снетогорский монастырь у Пскова. Рисунок Н. Витсена. Австрийская Национальная библиотека

Litterarum Explicatio.

- A. Städt.
 B. Ett *colonia* Closter *Protra* *Terco* *bonine*, det *Tern* ar *midt* *Togyllt* *Block*
 täckt, der *bråd* *wyllt* *beor* *en* *Cre* *bat* *beor* *ep*.
 C. Den *oprende* *Stot* *muren* -
 D. *Hoch* *wiel* *Stet* *schick*
 E. *Stiff* *ma* *keriet*.
 F. Ett *closter* *Schuet* *rajagera*, som *hoger* *lant* *de* *bonita*, för *Batterie*.
 G. Ett *closter*, som *höfwer* *wart* *de* *bonitas* *Stagerin*, *Men* *de* *anem* *Wald* *ge* *waget*.
 H. *Juwans* *ka* *Stad* *wiel*.
 I. *Con* *Stens* *Cyphra*, *fr* *detta* *ett* *Sten* *wiel* *Batterie*.
 K. Ett *closter* *Sanz* *hauudt*, *hoger* *de* *wyllt* *den* *spaz*, *en* *ruin* *wiel* *en*
hoger *welut* *ett* *Sten* *wiel* *Batterie*.

Groß *Sten* *wiel* *och*
Sten

Wegen *ett* *Stoff* *plan*

Sten *Sten* *com* *gambla*
Sten *Sten* *Sten* *Sten* *Sten*
Sten *och* *Sten* *Sten*

Sten *Sten* *Sten* *Sten* *Sten*
Sten *Sten* *Sten* *Sten*

Sten *Sten*

Sten *Sten* *Sten* *Sten*
Sten *Sten* *Sten* *Sten*
Sten *Sten* *Sten* *Sten*

WELKA

Sten *Sten*

Sten *Sten* *Sten*

Рис. 9. «Карта крепости и города Пскова и его окрестностей». Из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г. Посольский двор обозначен на посаде, в правой части чертежа с подписью «Domanion»

ку были уже в основном каменными. Очевидно, им в ряде случаев предшествовали деревянные.

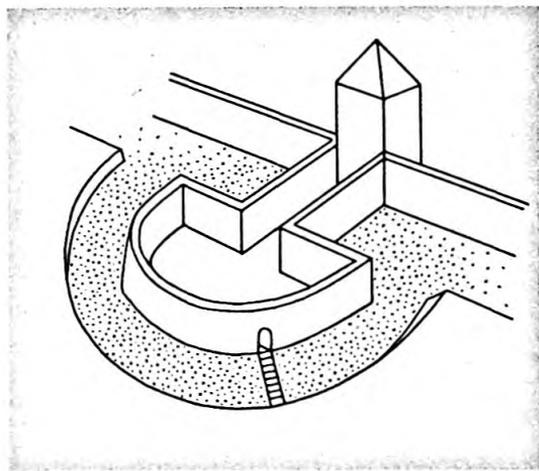
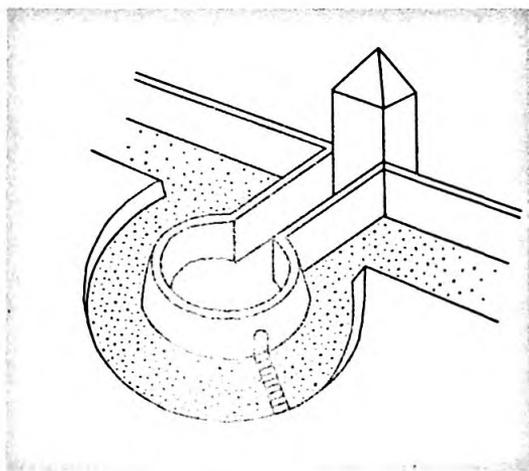
Церковные постройки возводились на высоком берегу, горках, мысах и иногда даже в пойме реки Великой среди заливных лугов и у волока. Они располагались цепочкой в зрительной связи, на расстоянии 1–4 км друг от друга. Со временем образовался впечатляющий, торжественный подъезд к Пскову. Храмы встречали и проводжали путников и все вместе составляли своеобразные приречные пропилеи города. Придорожное расположение церквей характерно и для округи других старых русских городов, но по р. Великой у Пскова такой ряд храмов сложился особенно запоминающимся и праздничным. Здесь угадывается древняя строительная и транспортная традиция. «Приречные» церкви и монастыри наследовали места сторожевых и навигационных костров и вышек, иногда, вероятно, курганов и языческих мольбищ.

При всей привлекательности «подъездной» панорамы, внимание Витсена особенно привлек правобережный Снетогорский монастырь. В своем дневнике голландец обмолвился, что быстро зарисовал монастырь, стоящий на высокой горе. К счастью, этот рисунок сохранился, правда без наименования, в составе русского тома атласа Ван дер Хема²⁵. Теперь он опознан, так как изображение Витсена удалось соотнести с комплексом, существующим на Снятной горе у Пскова. (рис. 8). Упомянутый рисунок оказался настолько интересным, что заслуживает специального комментария (см. ниже). Столь же интересен и второй псковский рисунок Витсена, изображающий несохранившуюся ныне церковь Евфимия Великого, которую также удалось атрибутировать (см. ниже).

II

Рисунки Витсена удостоверяют его пребывание во Пскове, куда посольский кортеж въехал 10 декабря 1664 г., через Власьевские, а, может быть, и Варлаамские ворота. Приезжие уже знали, что иностранцев редко пускают внутрь городских стен и поэтому были немало удивлены тем, что не только оказались в самом городе, но и

²⁵ Atlas Blaeu-Van der Hem.
Bd. 24, Taf. 30

проехали по большей его части, чтобы достичь своей резиденции, по словам Витсена представляющей «большой добротный представительный дом», иначе говоря, посольский двор. Витсен — первый, кто сообщает о таком строении, находившемся в пределах «городской черты». Определение местоположения двора затруднено отсутствием топографических указаний. Можно, однако, предположить, что этот двор находился на территории Полоница поблизости к Великой улице. Здесь используем указание Э. Пальмквиста, проезжавшего Псков в 1674 г. На чертеже из его альбома помечена П-образная в плане постройка, а надпись гласит: «В этой части (города — А. К.) размещено посольство». Поскольку, в этом месте плана Пскова упомянутая постройка — единственная, она, очевидно, и была посольской резиденцией²⁶. (рис. 9) Косвенные обстоятельства, связанные с маршрутами прогулок Витсена по Пскову (об этом ниже) подтверждают, что гостиница для иностранцев, показанная на плане Пальмквиста, находилась здесь и при Витсене. Местоположение заезжего посольского двора для любознательного голландца было благоприятным, так как за время 10-ти дневного пребывания во Пскове позволило ему осмотреть основные части города. Голландцы прогуливались по улицам, были на центральной рыночной площади, видели Кремль, выходили к

Рис. 10 и 11. Круглая и полукруглая рондели. Схематические чертежи

²⁶ Там же, Taf. 21, акварель, размер 36 x 50 см

²⁷ Palmquist E. Nägre, il. 36

²⁸ Васильев И. И.

Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб, 1898, с. 83–86;

Василев И. И.

Историко-статистический указатель города Пскова.

Псков. 1889, с. 51–64;

Федоров В. А.

Роль церквей и монастырей в жизни средневекового Пскова. // Экскурсионное дело, 1922, № 4, 5 и 6, Пг., 1923, с. 44

²⁹ Василев И. И.

Историко-статистический указатель города Пскова.

Псков. 1889 г., с. 51–64;

Федоров В. А.

Роль церквей и монастырей в жизни средневекового Пскова // Экскурсионное дело, 1922, № 4, 5 и 6, Пг., 1923, с. 44

³⁰ Федоров В. А.

Роль церквей, с. 21

р. Великой. Судя по рисунку Витсена с изображением Евфимия Великого можно заключить, что он был в Запсковье, где и зарисовал приглянувшуюся ему церковь.

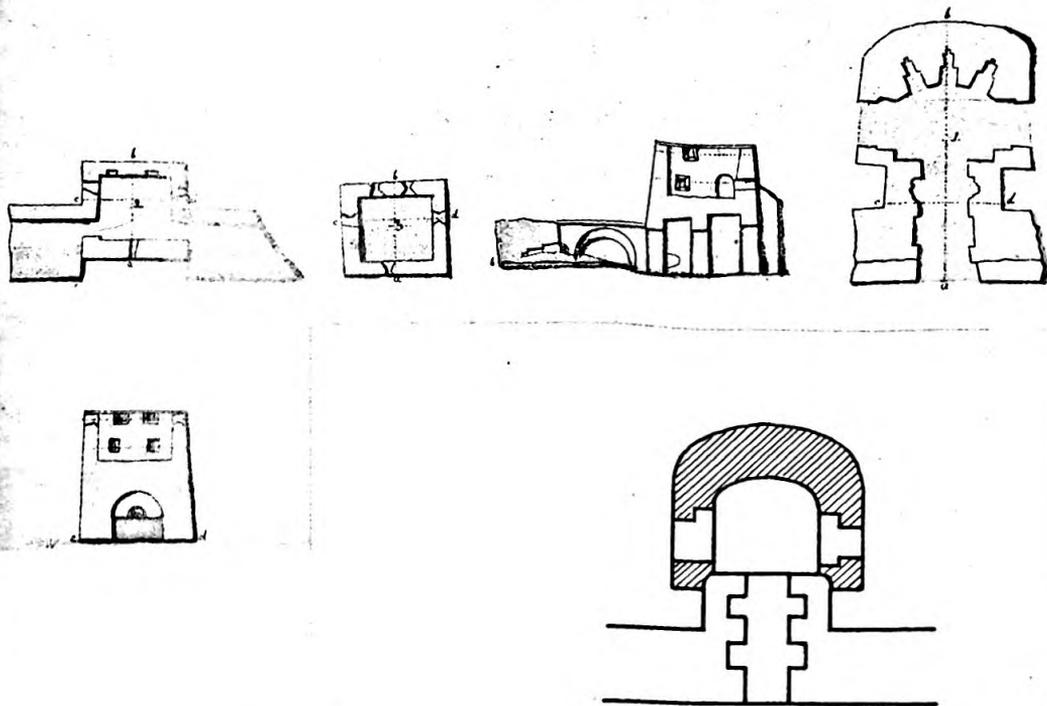
Самым заметным в облике города на р. Великой были укрепления и церкви²⁷. Привлекли они и Витсена. Он, в частности, сообщает о 72 внутригородских и 23 загородных монастырях. Если в это число входили и приходские церкви, то названная цифра не столь далека от истинной. Во Пскове развитого XVII в. и его ближайшей округе церковные здания существовали в основном на тех же местах, что и в XVI в., 45 монастырей и 75 церквей²⁸. Общее же число культовых построек «большого Пскова» составляло по разным подсчетам от 120 до 128²⁹. Скопление церквей поражало приезжего и своим сиянием. Витсен, в связи с этим, записал, что кровли церквей и колоколен были покрыты белым железом, и лишь Троицкий собор выделялся золоченым верхом. Стоя на рыночной площади, Витсен насчитал в поле своей видимости 13 монастырей или приходских церквей и 50 колоколенок. Приведенный подсчет для документов XVII в. уникален и дает некоторое, видимо близкое к истине, представление о густой застройке центра Пскова.

Кроме церковных строений, Витсен упоминает в своем дневнике опрятные деревянные дома, бани, тюрьму, воеводский дом, любекский и шведский гостинные дворы, лавки, мощеные деревом улицы. В источниках середины XVII в. все эти сооружения нигде не перечислены с такой подробностью.

Дважды Витсен называет рыночную площадь. С нее были видны постройки Кремля и Троицкий собор. Речь, несомненно, идет о центральной площади города, получившей в XVI веке наименование Старый Торг. Новый, после перемещения рынка из Среднего города, был организован на территории Полонища в 1510 г. Судя по своему наименованию рынком центральная площадь во времена Витсена вновь служила местом торговли, следовательно, купеческие операции здесь возобновились и уже не ограничивались Новым торгом. Однако, лишь в 1778 г. рынок будет полностью возвращен на первоначальное место у стен Довмонтова города³⁰.

Планы Острожка и Башни Енно на сокольских восточных стенах сентральна крестна Псковскаго града

С. 111. 1740 г.

Болландский путешественник рисует на редкость колоритную картину жизни зимнего русского города. Улицы полны всякого люда: кто-то просит милостыню, а вот, побрякивая кандалами на ногах, идет тюремный узник; несмотря на лютый мороз, из бань нагишом выскакивают люди и бросаются в воду. По воскресеньям многолюдный рынок устраивается прямо на льду реки. Поражало изобилие хорошей рыбы. В праздничные дни за полдень шла бойкая торговля и были открыты все лавки. В день святого Николая люди ходили по улице все время

Рис. 12 Сокольские ворота и захаб (на врезке выделен штриховкой). Планы и разрезы к плану Пскова 1740 г. РГА ВМФ

крестьян и молясь. Везде видны иконы и зажженные перед ними свечи. Остаток дня улицы заполнил хмельной народ, и иностранцев просят не выходить со двора. Все это властно притягивает молодого голландца. Заглядевшись на людей, он чуть не отморозил лицо. Он многое замечает и обо всем увиденном пишет в своем дневнике. Вот в окне мелькнула жена воеводы «когда мы пытались ее приветствовать, она сразу нагнулась» (с. 60)³¹, вот в воеводских хоробах Витсена окружают знающие немецкий русские, внимательно вслушивающиеся в голландскую речь. Наверное, неспроста подслушивают — решает молодой дипломат. Самого Витсена особо интересуется все, что относилось к военному осваиванию крепости. Касаясь разделения крепости на несколько укрепленных районов, Витсен приводит численность ее, международного по командному составу, гарнизона. Последний, по его словам, насчитывает более 4000 человек, все офицеры — немцы, англичане, шотландцы, поляки, шведы и русские. Кто-нибудь из последних, возможно, и осведомил Витсена о численности находящихся в городе войск. Это показание, с учетом имевших тогда место военных действий России с Польшей, весьма правдоподобно. По данным описей во Пскове в первой половине XVII в. число воинских людей в мирное время составляло 1000–1500 человек, в военное — 2000–2700 человек³². В 1678 г. их состав возрос до 3137 человек, а в 1687 г. до 5103 человек³³. Самую значительную часть гарнизона во второй половине XVII в. представляли четыре (иногда — пять), расквартированных в городе, полка (приказа) стрельцов. Не менее 3000 из них, как упоминалось, встречали въехавшее в город голландское посольство. Данные о воинском контингенте в городе за 1665 г. в отечественных источниках отсутствуют, но, думается, не без оснований могут быть восполнены витсеновскими.

Хотя и издалека, Витсену удалось рассмотреть, что «на стенах, по старому обычаю высоких и узких» пушек немало. Кроме того, кое-где в городе крупные орудия стояли на земле, а на рыночной площади их было сразу два. Изложенные здесь сведения о городском наряде скупы и не случайно: основная масса орудий городской артилле-

³¹ Здесь и далее указана страница голландского издания дневника.

(*Nicolaas Witsen. Moscovische Reyse. 1664–1665. Deel I, S. Gravenhage. 1966*)

³² Сборник МАМЮ.

Т. 6. М., 1914, с. 22;

Харузин Н.

Псков и его пригороды перед 2-й польской войной при царе Михаиле // *Древности. Т. I. М., 1899, с. 399–400;*

Шушков В. И.

Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. № 3, 5, М., 1939, с. 104;

Тихомиров М. Н.

Псковское восстание 1650 г. М.–Л., 1935, с. 31

³³ ДАИ. Т. IX, СПб, 1875, с. 307;

Сборник МАМЮ. Т. 6, с. 206

³⁴ Ср. сборник МАМЮ. Т. 6, с. 172, сл.

рии (во времена Витсена их было около сотни)³⁴ была сконцентрирована в башнях и в арсенале — на Бусдаревом Казенном дворе — всего этого иностранец видеть не мог. Свидетельство же о пушках внутри города достоверно. Уроки осады 1581–1582 гг. побудили псковичей — для русских городов это редкость — на опасных участках обороны расставить на земле вблизи ворот орудия крупного калибра — все на случай бреширования стен и ворот и прорыва противника внутрь городской обороны. Орудия, отмеченные Витсеном на центральной рыночной площади, указаны в ряде росписей города, относящихся к XVII в. — это «Медведь» и «Аспид». Их ядра весили 40–45 гривенок (фунтов), а длина стволов составляла почти 5 м³⁵. Речь идет о крупнейших орудиях русского средневековья и не случайно над ними в 1694 г. был сооружен специальный каменный шатер³⁶.

О городских стенах наш путешественник заметил, что они «старинной постройки, высокие и прочные». Наблюдать их пришлось, главным образом, издалека. Псковичи не только в отношении своего вооружения, боеприпасов, пороха, продовольствия, но и укреплений сторожились иностранных соглядатаев, даже если они квартировали в пределах крепостных стен. Витсен сетует на ограничения, которые встречались на пути приезжих. Голландцам позволяли гулять по городу только в сопровождении солдат. Их не подпускали к укреплениям, воротам, церквям. Не допускалось даже общение с местными иностранцами, а «если те и отваживались подойти, то их весьма неласково отводили за руки». Залюбовавшись Кремлем, Витсен хотел было его зарисовать, но устрасился, ибо вспомнил, что в таком случае «его без сомнения бросили бы в тюрьму как предателя» (с. 67). В другой раз любопытство, а может быть желание узнать чужие тайны, победило, и голландец, подкупив солдата, «выкрался из ворот и осматривал снаружи валы». Со стороны поля и сухого рва он увидел побеленные стены, местами с башнями и ронделями, и насчитал 7 ворот, сооруженных частью из камня, частью из дерева. Несмотря на лаконичность приведенного описания, его топографически можно сопоставить с южным участком Большого Окольного города на пространстве между

³⁴ Там же, с. 42, 160, 206

³⁵ Спегальский Ю. П., Псков. Л., 1978, с. 86

³⁷ Для сравнения можно указать, что по данным 1624–1627 гг., во внешней круговой стене Пскова (включая Запсковье) размещались 36 ворот, но использовались только 9. В 1683 году число действующих проходных ворот увеличивается до 11 (РГАДА, фонд приказных дел старых лет, 1700 г. № 222, 67–69; там же, ф. 137, оп. 2, № 290). Большую часть проходов в крепостных стенах псковичи из осторожности предпочитали содержать заложенными камнем и кирпичом.

³⁸ Перечисляю эти ворота: Покровские вылазные, Свинорские, Великие, Сокольские, Трупеховские, Петровские, проезжие ворота у Михайловской башни.

³⁹ Mały słownik terminologiczny dawnej architektury obronnej w Polsce. Kraków, 1974–1977, s. 49

⁴⁰ 13 июля 1665 г. голландцы на обратном пути снова проезжали через Псков и останавливались, по-видимому, в той же гостинице. В городе они застали новую администрацию:

А. Л. Ордина-Нащокина, И. А. Хованского и Б. И. Ордина-Нащокина младшего. Обострились военные действия с Польшей, и в городе было много войск. После на этот раз никто торжественно не приветствовал и 15 июля посольство выехало в Печору (*Nicolaas Witsen., Moscovische Reyse. Deel II, p. 252–253*).

На страницах дневника и дополнений к нему имеется еще несколько упоминаний о Пскове, но к уже нарисованной картине они почти не добавляют новых черт

Покровской и Михайловской башнями (здесь косвенное указание на близость к этим местам посольского дома). Вдоль этой линии, судя по описям Пскова XVII в., как раз и размещался 7 ворот³⁷, из которых четыре дополнялись 2-х ярусными захабами и в большинстве имели над каменной деревянную надстройку³⁸. Захабы-пристройки спереди или сбоку главных башен городской стены Витсен, видимо, и назвал ронделями. Впрочем, такое терминологическое скрещение не лишено оснований. В центрально- и западноевропейской фортификации рондели — род бастей — представляли собой открытые сверху, выдвинутые в предпологе круглые или подковообразные в плане сооружения, иногда соединенные с основной тыловой башней коридорным проходом³⁹ (рис. 10, 11). Ближе всего к этому описанию подходит захаб у Сокольских ворот, соединявшийся с опорной башней Г-образным проходом (рис. 12). Хотя псковские захабы имели покрытия и отличались своеобразным устройством, они выполняли сходную с ронделями огневою функцию — защищать ворота и фланкировать подступы к стенам. Таким образом, окрестив захабы знакомым ему термином Витсен оказался не только изобретательным, но и вполне точным.

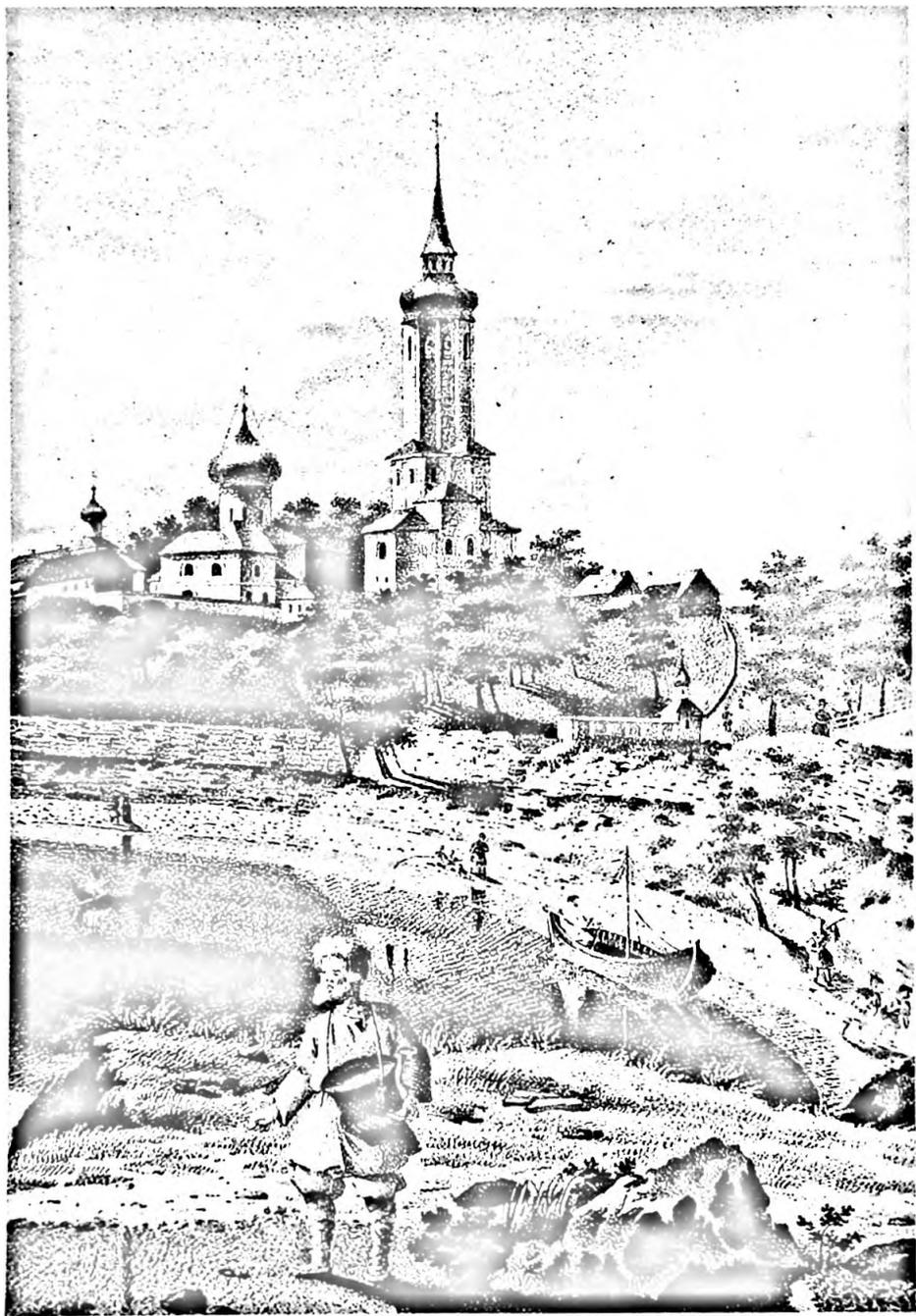
Свои наблюдения о жизни и устройстве города на р. Великой Витсен чередовал со скрупулезными описаниями посольских церемоний, списками выданной провизии и т. п. Здесь им приведено немало бытовых, порой забавных сцен.

Перед отъездом из города Витсена как представителя посольства неохотно принял — воевода князь Ф. Г. Рюмодановский, а за сундуками, стоявшими в углу покоя, пряталась его жена, украдкой рассматривавшая заморского гостя. Отъезд голландцев 20 декабря 1664 г. прошел буднично. Их первая ночевка состоялась в д. Загорье, а 21 декабря они добрались до д. Опоки, на полпути заехав в Дубровну. Это селение некогда находилась на границе между псковскими и новгородскими владениями. Далее, через Сольцы, Юлино, Ракому дорога шла к Новгороду⁴⁰.

В целом, псковские впечатления Витсена — одни из самых обстоятельных и разнообразных в его дневнике.

Значимость приведенных сведений в том, что Псков, а это в литературе XVII в. встречается очень редко, запечатлен в ходе своей повседневной жизни. Перед нами как ожившая страница исторического бытия города. Надо надеяться, что так оценит ее и современный читатель.

(*Nicolaas Witsen.*
Moscovische Reyse. Deel II,
p. 193, 254;
Deel III, p. 321, 323, 438)

АРХИТЕКТУРНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ ВО ПСКОВЕ

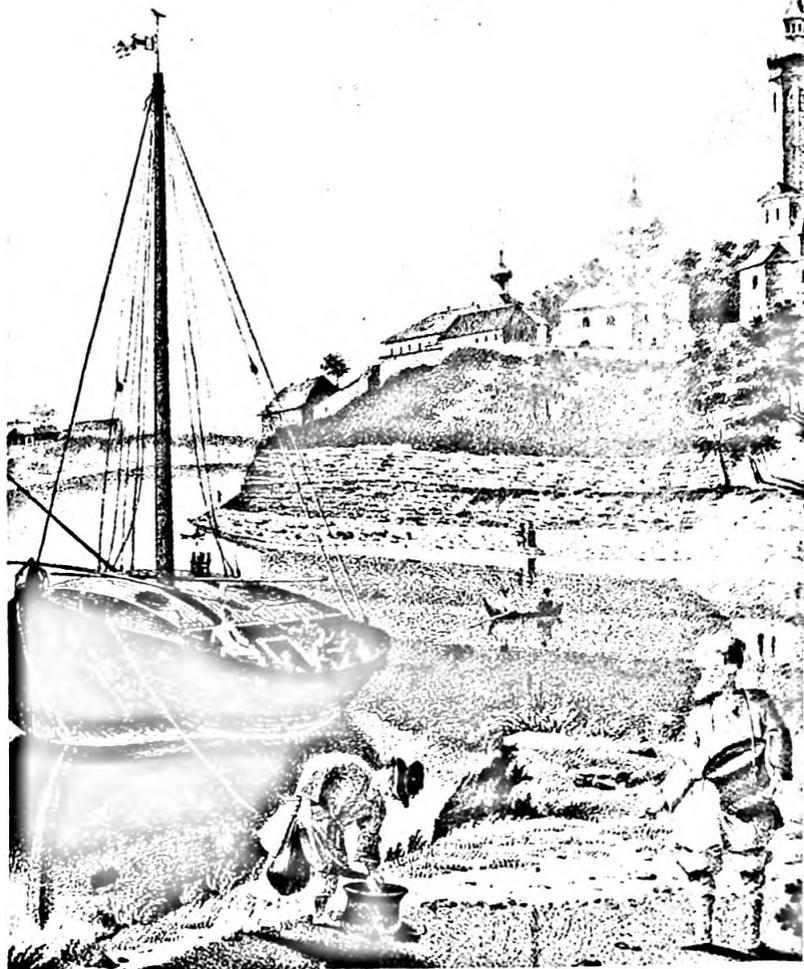
I

Рассмотрим теперь рисунки созданные Витсеном во Пскове и при въезде к городу. Первым в этом ряду предстает вид Снетогорского монастыря, изображенного с юго-востока (рис. 14). Художник рисовал его, находясь где-то на берегу р. Великой неподалеку от монастыря св. Николая — Николы на Волку, где, как упоминалось, посольский кортеж сделал короткую остановку¹. На рисунке мы видим огороженное пространство монастыря: дома, хозяйственные службы, а на высоком берегу — поварня, соединенная с трапезной, кельи, церкви. Именно отсюда, с южного направления, обычно изображался или фотографировался Снетогорский монастырь в XVIII — начале XX вв.² (рис. 16). Если сопоставить рисунок Витсена с подобными документальными изображениями Снетогорского монастыря, можно заметить, что его левая половина с церквями св. Николы (закончена в 1519 г.) и Рождества Богородицы (построена в 1310–1311 гг.) выполнена схематично. Перед нами скорее некие символы храмов. Свое внимание художник сосредоточил на башнеобразной церкви Вознесения — его наиболее заинтересовавшей, она показана в правой части листа.

Снетогорская церковь-колокольня, величественное и самое приметное здание монастыря, в основании равная 18 м, достигала высоты (до крыши) не менее 32 м³. Это сооружение как бы объединяло ансамбль на Снятой горе и господствовало над окружающей местностью; эту колокольню видел всякий, подъезжающий ко Пскову с северной стороны. К сожалению, эта постройка была разрушена до 1941 г., что явилось большой утратой для

¹ Atlas Bleau-Van der Hem. Bd. 24, Taf. 30, два разворота общим размером 65 x 45,6 см. Рисунок тушью с размывкой. С такой же позиции, как и Витсен, рисовал монастырь в 1860 г. художник Н. А. Мартынов

² Вид Снетогорского монастыря. Гравюра 1837 г. (Галерея видов Пскова и его окрестностей, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым. Ч. II. Псков, 1838; также Морозкина Е. Н. Псковская земля. М., 1978, с. 28); Вид древнего мужского Снетогорского монастыря. Хромолитография по рисунку Н. А. Мартынова (ср. Морозкина Е. Н. Новое в зодчестве Пскова XVI века по памятникам Спасо-Елизарова и Снетогорского монастырей // Сборник исследований по истории архитектуры и градостроительства. Вып. I. М., 1964, рис. на с. 204). Фотографии общего вида монастыря: фотоархив ИИМК РАН, I 8253 и 17361, II 20932 и 20933; Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков. 1911, рис. 58. Фотографии ц. Вознесения: Спегальский Ю. Псков. Л.-М., 1945, две таблицы без номера; Морозкина Е. Н. Новое, рис. на с. 208 ³ Высота ц. Вознесения до крыши равна по одним данным 15 сажням, по другим — 16 сажням. Эти меры приведены в метрике монастыря 1884 г. (архив ИИМК РАН, Р III 5418, л. 9 об.) и устанавливаются по чертежу фасада церкви Вознесения (РГИА, ф. 1488, оп. 3, № 790, л. 2, с. 7). Судя по перечню строительных работ в сопроводительном тексте, чертеж удается датировать 1817 г.

памятников древнерусского зодчества. Нет обмеров здания, отрывочны его описания, рисунки и фотографии. Вот почему так ценен рисунок Витсена, в сопоставлении с другими имеющимися данными, позволяющий пред-

Рис. 14. Снеготорский
монастырь. Гравюра
до 1838 г.

ставить несохранившуюся постройку с такими подробностями, которые до сих пор были неизвестны.

По вертикали церковь-колокольня отчетливо членится на два объема. Ее более широкая нижняя часть 2-х

⁴ Морозкина Е. Н.

Новое, рис. на с. 206

⁵ Там же, с. 202. Приведен отрывок из описи монастыря 1585–1586 гг. Названия помещений даны по этой описи

⁶ РГИА, ф. 1488,

оп. 3, № 790, л. 2, с. X.

После 1817 г. большинство арок были заложены.

⁷ По данным XIX в. обход 2-го яруса не был сплошным. Его восточная часть служила алтарем церкви и по фасаду была обозначена не аркой, а двумя окнами. Однако, неизвестно, всегда ли алтарь занимал часть галереи, которая первоначально, возможно, не прерывалась. На это как будто указывают окна алтаря, обрамленные наличниками во вкусе XVII в. Не заменили ли они собой более ранний открытый проем? Согласно упоминавшейся выше метрике 1884 г. в галерее было 7 арок и 2 окна

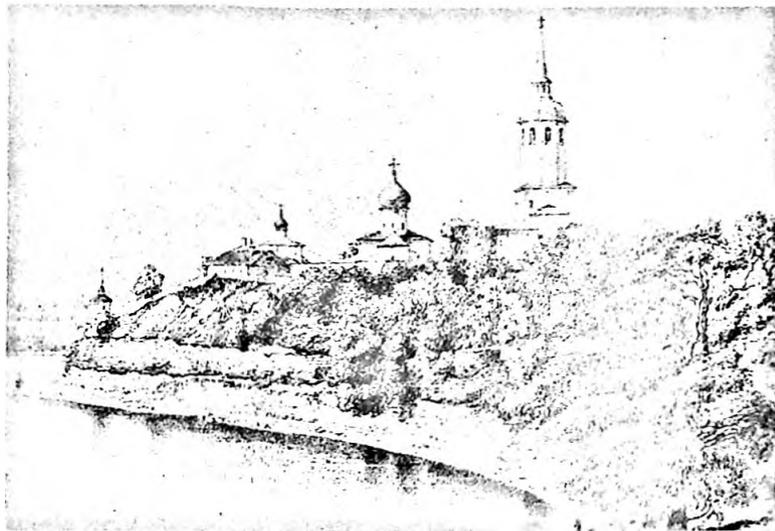
⁸ Морозкина Е. Н.

Новое, с. 204;

Ср. Спегальский Ю. П.

Псков, табл. без номера: Нижний ярус колокольни Снеготорского монастыря — на снимке отчетливо видна одна из таких арок

Рис. 15. Снетогорский монастырь. Рисунок Н. А. Мартынова 1860 г.

Морозкина Е. Н. Новое, цветная вклейка к с. 192. В одних публикациях данную икону «Избранные святые и Савва Крыпецкий с житием последнего» датируют концом XVI — началом XVII вв., в других — XVII в., точнее, — началом (Ямщиков С. Живопись древнего Пскова. Новые открытия. М., 1972; Родникова И. Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. М., 1981, с. 11, табл. 22–23). На рассматриваемом клейме при всей его условности, отчетливо видна ц. Вознесения. Показаны одно членение ее основания и ствол колокольни с шатровым верхом. Правую часть церкви закрывает собор Рождества Богородицы, а ниже помещена ц. св. Николая. Судя по раскраске церковью Вознесения и Рождества, они не каменные,

ярусный восьмерик со шипцовым покрытием каждого членения. Еще существовал, снаружи незаметный, подвальный этаж⁴. На рисунке Витсена различны арочные проемы 1 и 2-го ярусов. Внутренние помещения, соответственно этажам (следуя снизу вверх), распределялись на подвал, палату и собственно церковь Вознесения⁵.

Палату 1-го яруса с наружной стороны окружали удлиненные арки, расположенные в каждой грани. Они показаны на единственном обнаруженном мной чертеже фасада ц. Вознесения⁶. Пространство между арками занимали мощные пилоны, поддерживавшие аркаду 2-го яруса. Стены 1-го яруса, выдерживавшие большую нагрузку вышележащей кладки, достигали ширины 6 м. Кроме больших арочных ниш в их толще находился вход в палату, лестница в церковь и, в отдельном отсеке, сход, ведущий в подвал. Палата освещалась узким окошком и, видимо, также как и подвал, являлась хранилищем-тайником. Скрытой внутри постройки была и церковь, помещавшаяся над палатой и повторявшая ее восьмигранный план. Вокруг нее на уровне 2-го яруса находилась галерея-паперть, раскрытая снаружи арочными проемами⁷, вовсе не обязательно для колоколов. Судя по рисунку Витсена, к аркам галереи спускались веревки

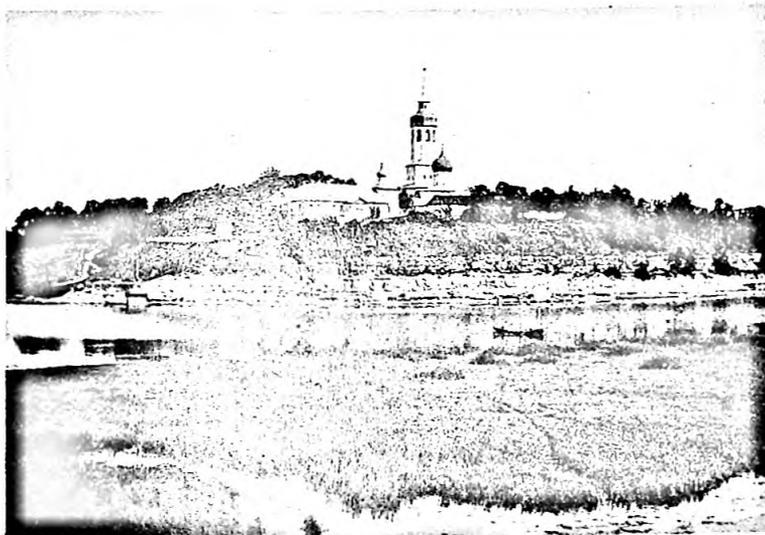

Рис. 16. Светогорский монастырь. Вид с юго-запада. Фотоархив ИИМК РАН

верхнего звона. Следовательно, звонили не с земли, а из галерейных арок⁸.

Правильность передачи Витсенем 2-х этажного основания светогорского «столпа» подтверждается изображениями на клейме иконы с житием Саввы Крыпецкого, исполненной не позднее начала XVII в.⁹

В XVIII в. нижняя часть здания была изменена¹⁰ — исчезли треугольные увенчания фасадов, заменено односкатным пощипцовое покрытие, частью заложены проемы 1 и 2-го этажей. Все эти переделки, по-видимому, не затронули помещения упраздненной в 1814 г. церкви¹¹.

По мнению Е. Н. Морозкиной, церковь Вознесения первоначально увенчивалась шатром, но в дальнейшем была надстроена — появилась, собственно, башнеобразная колокольня. Рисунок Витсена убеждает в ином. Основные объемы сооружения существовали уже в XVII в. и, думается, изначальны¹².

Основание рассматриваемого здания увенчивалось мощным восьмериком, только меньшим в поперечнике, чем низлежащий. На рисунке Витсена верхняя часть сооружения показана в виде четверика: очевидно, в спешке художник не провел двух вертикальных линий, обозначающих грани столпа. По-видимому, в XVIII в. низ

а деревянные. Это явная колористическая ошибка иконописца

¹⁰ Токмаков И. Ф. Светогорский монастырь. Псков, 1887, с. 24.

¹¹ Болховитинов Е. Описание монастырей Иоанно-Богословского Крыпецкого и Рождество-Богородицкого Светогорского.

Дерпт, 1821, с. 32–34

¹² Нет никаких данных о перестройках в Светогорском монастыре в XVI в. Судя по клейму иконы с житием Саввы Крыпецкого, ц. Вознесения в начале XVII в. была такой же, как и в 1664 г.

¹³ Пределка основания колокольни, возможно, связана с устройством новой внутрисканной лестницы, ведущей на колокольню

Рис. 17. Церковь Рождества
на Снятной горе
и колокольня.
Фотоархив ИИМК РАН

¹⁴ Красовский М.
Материалы по истории
русской архитектуры.
Псковские звонницы //
Зодчий, 1906, № 28, с. 293

¹⁵ Внимательность
в прорисовке деталей верха
ц. Вознесения проявилась
в том, что Витсен показал
«точками» обрамление
шипцов и кокошников.
Этот же декоративный
элемент в виде выступов
и «накладку» на карнизах
усматривается в отделке
некоторых шатровых
памятников XVI в.
(ср. Бочаров Г. Н.,
Выголов В. П.
Александровская слобода.
М., 1970, рис. 3–4).
16 Морозкина Е. Н. Новое,
цветная вклейка к с. 192

колокольного ствола, был по углам расширен и стал четырехугольным. Однако, на изображениях ц. Вознесения, относящихся к XVII в. (о чем еще скажем ниже), такого расширения еще нет¹³.

Верх колокольни по углам прорезан арками, в которых находились колокола. Витсен, не обозначив эти проемы, показал только колокола и, что интересно, деревянные рычаги для их раскачивания. Как известно, во псковских колокольнях при звоне раскачивали не язык, а как принято в католической Европе, сам колокол¹⁴.

В передаче покрытия колокольни голландский путешественник был более наблюдателен: увенчание¹⁵ состоит из трех рядов треугольных кокошников, граненого шатра и главки с крестом. Перечисленные детали достоверны и все представлены на клейме иконы с житием Саввы Крыпецкого, где в схематизированном виде различимы верхние арки с колоколами, вырезной треугольни-

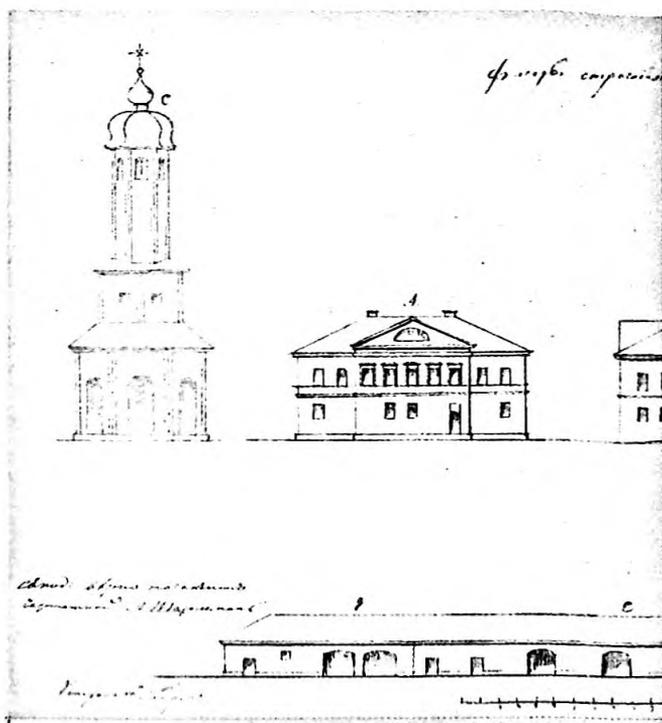

Рис. 18. Колокольня
Снетогорского монастыря.
Чертеж 1817 г. РГИА

ками карниз — напоминание о кокошниках-фронтонях и, наконец, шатер¹⁶. В XVIII в. верх здания, многократно горевший, был изменен: вместо каменного шатра появился деревянный шпиль, также не один раз подновлявшийся.

В научной литературе принято относить ц. Вознесения к XVIII в.¹⁷ Е. Н. Морозкина удревнила датировку на два столетия. Ей удалось обнаружить описание церкви 1585–1586 гг.¹⁸ Существенное уточнение в датировку церкви внесла И. А. Шалина. В своей работе Псковское монастырское каменное зодчество XVI–XVII вв. она определила, что Снетогорский храм-башня построен в 1527 г.¹⁹ Такое заключение сделано на основании надписи на большом колоколе ц. Вознесения, скопированной в 1923 г. К. К. Романовым и сообщающей, что колокол слит «На Снятную Юру при великого князя дьяке Мисюре Мунехине благоволением игумена Германа и повелением

¹⁶ Морозкина Е. Н. Новое, цветная вклейка к с. 192

¹⁷ Болховитинов Е. История, с. 88

¹⁸ Морозкина Е. Н. Новое, с. 202

¹⁹ Дипломная работа 1982 г., л. 158. Хранится на кафедре истории искусств Истафака Санкт-Петербургского университета, №№ 742 и 742А. Сообщается с любезного разрешения автора

²⁰ Романов К. К. Дневник поездки во Псков в 1923 г. Архив ИИМК РАН, ф. 29, № 117, л. 38. Также: Сообщения ГАИМК, I, Л., 1926, с. 16. Колокол не сохранился, он переплавлен в 1925 г.

²¹ Псковская 1-я летопись. М.–Л., 1941, с. 104

²² Ныне находится в собрании ПИХАМЗ.

²³ Размер доски 3,86 x 2,11 м

²⁴ Надписи выполнены белой краской, в настоящее время в большинстве сильно повреждены или вовсе утрачены

²⁵ Основная публикация: Стасов В. План Пскова на образе Сретения Богородицы, сохранившейся в часовне Владычного креста, близ Пскова. В кн.: Ламанский В. Сборник чертежей Москвы и ее окрестностей и города Пскова XVII столетия. Приложение ко II-му тому «Записок славяно-русского отделения археологического общества». СПб, 1861, л. 1–2 (то же, Стасов В. В. Собр. соч. Т. I, СПб, 1896, с. 49–58)

²⁶ Малков Ю. Г. Новые материалы, с. 69

раба божьего Никифора... 7035 году» (1527–1528 гг.)²⁰ В данном случае год отливки колокола, как считает И. А. Шалина, соответствует году строительства ц. Вознесения. К этому можно добавить, что возможным заказчиком, не псковского по своим формам здания, был московский дьяк, влиятельный администратор Мунехин, а на постройке скорее всего работала высвободившаяся артель псковских каменщиков в 1526 г. закончивших возведение Гремячей башни²¹.

II

Рисунок Витсена целесообразно сравнить с еще одним воспроизведением Снетогорского монастыря на упоминавшейся выше иконе «Сретение Богородицы» из часовни Владычного креста в Завеличье²². Эта икона и панорамные виды позднесредневекового Пскова, относящиеся к этому же циклу, должным образом не обследованы. Позволительна поэтому их предварительная источниковедческая оценка.

Упомянутая выше икона — самое значительное по размеру изображение Пскова²³ и выделяется тем, что кроме самого города, на ней представлена его ближайшая округа от Пантелеймонова дальнего монастыря на р. Черехе на юге почти до устья р. Великой на севере. Не только обозначены, но и подписаны²⁴ каменные крепостные и культовые постройки, а также мосты, дороги и некоторые другие сооружения. Все они показаны как бы с птичьего полета с большой долей реализма и документальности, что, конечно, не исключает определенного схематизма и символичности. Местоположение построек, их состав и число обычно соответствует действительности. «Сретенская панорама» в отдельных случаях выступает в качестве единственного источника при изучении исчезнувших или перестроенных строений.

Рассматриваемая икона многократно подновлялась и реставрировалась (последний раз в 1948 г.), заметны при ближайшем рассмотрении значительные утраты, исчезли многие подписи, растрескался красочный слой. Несмотря на все повреждения, перед нами подкупающая своей подлинностью своеобразная карта-картина каменных архитектурных памятников города и его

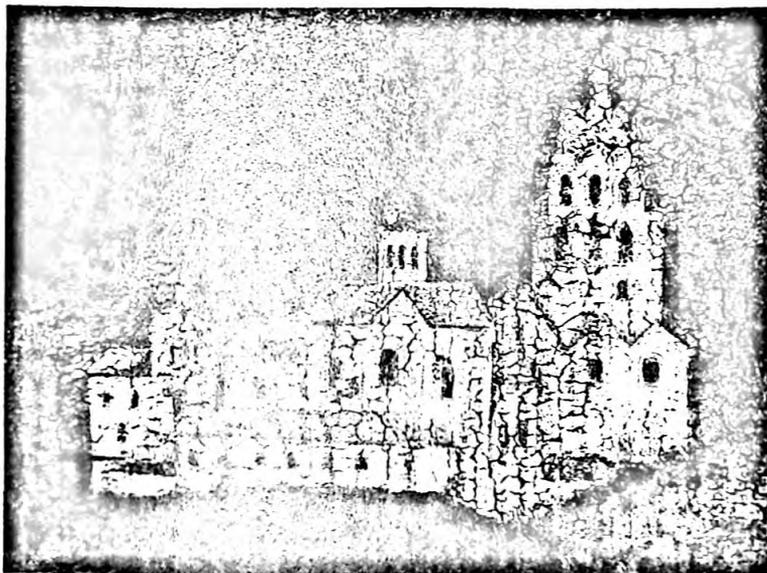

Рис. 19. Снеогогорский монастырь. Фрагмент иконы «Сретение Богородицы». Первая четверть XVIII в. Псковский историко-художественный музей. Фото Н. Гаврилова

окрестностей — карта, еще недостаточно изученная и оцененная.

Икона «Сретение Богородицы» неоднократно публиковалась, но, быть может, в связи с большим размером, всегда фрагментарно²⁵. Ее боковые части, включая Завеличье, к сожалению, не воспроизводились вообще. «Сретенскую панораму» датируют XVIII в. и даже его концом²⁶. Действительно, на иконе есть надпись о ее возобновлении в 1784 г. и сказано, что «писан сей образ из старого изображения». В 1784 г. ее, вероятно, возобновили и дополнили некоторыми надписями и фигурами²⁷. В основном произведение XVIII в. явилось копией своего предшественника. Действительно, на живописной доске изображен Псков не конца XVIII в., а таким, каким он сложился к концу предшествующего столетия. Так, мы видим пятиглавый Троицкий собор, законченный в 1699 г.²⁸ В Довмонтовом городе показана Приказная палата с крыльцом и поблизости на площади — пушечный шатер. Дата этих построек соответственно 1693–1695 гг. и 1694 г.²⁹ У воротной башни изображен деревянный захаб. В последний раз он описан в 1699 г., а в 1701 г. был превращен в малый бастион³⁰. Каменные укрепления города

²⁵ Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову, с. 93. Благодарю Н. М. Ткачеву за ее подробные консультации по поводу рассматриваемого произведения, которое, по ее мнению, писалось в пределах XVIII в. Принадлежность исходного изображения «Сретения Богородицы» к XVII в. признает не только Н. М. Ткачева, но и И. К. Лабутина (см. Лабутина И. К. Историческая топография, с. 17)

²⁶ Верх Троицкого собора на иконе ныне поврежден, но на прорисовке 1859 г., опубликованной В. Стасовым, он виден более или менее полностью.

²⁷ Снегальский Ю. П. Псков, Л., 1978, с. 86 и 106
²⁸ Сборник МАМЮ.

Т. 6. М., 1914, с. 231; Опись укреплений Пскова 1701 г. РГАДА, ф. 137, № 43, л. 12

показаны без всяких признаков их бастионной модернизации, развернувшейся в 1701 и последующих годах. Еще видны, например, три церкви у восточной стены Довмонтова города. Засыпать их в военных целях стали в том же 1701 г. При снятии в 1859 г. с рассматриваемой иконы кальки читались наименования этих построек: в центре храм Рождества Богородицы, справа, по-видимому, Покрова³¹. Сказанного достаточно, чтобы отнести создание иконы, возможно, к первой четверти XVIII в., а ее несохранившегося оригинала, датируемого не позже последнего десятилетия XVII в.

³¹ Ламанский В. Сборник чертежей, план Пскова, изображенный на образе Сретения Богородицы, л. 1.

³² Годовиков И. Ф. Краткое историческое обозрение г. Пскова и его достопримечательностей с атласом рисунков. Псков, 1866. Рукопись. Древнехранилище ПИХАМЗ, л. XIII.

К таблице приложена легенда с точным перечислением 90 изображаемых построек.

³³ Годовиков И. Ф. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Вып. I. Псков, 1880, с. 31-35; 260, сл., рис. 263.

Лабутина И. К. Историческая топография, с. 17

³⁴ Ср.: Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник, с. 92

³⁵ Миротворцев М. Псково-Печерский монастырь.

Памятная книжка для Псковской губернии на 1860 год. Псков, 1860, табл. к с. 1 и с. 16

(сказано, что послужившая образцом для гравюры старая, плохо сохранившаяся икона с видом Пскова находилась у Святых ворот вблизи Никольской церкви.

Местонахождение иконы ныне неизвестно). В монастыре находились и другие иконы с видом Пскова. В сборах К. К. Романова сохранилась фотография произведения такого рода, с почти осылавшимся красочным слоем (фотоархив ИИМК РАН, II 48942]

Отметим, что примерно в то же время или несколько ранее создавались и другие иконы с видами Пскова. Такова одна из икон, прорисовку которой в 1866 г. исполнил И. Ф. Юдовиков³². Как утверждал этот автор и как обычно считают³³, данная прорисовка-калька «сретенской панорамы»³⁴. Правильность данной атрибуции, однако, сомнительна. На годовиковском рисунке усматривается ряд крупных и мелких несоответствий с объявленным оригиналом. Очертания построек здесь более вытянутые и изящные; иной контур имеют ряд башен и стены; по своему изогнуто руслу р. Великой, выпрямлена линия городского берега, изменено место некоторых храмов; вся панорама представлена в ином ракурсе. Аккуратно прорисованы те здания, что утрачены на иконе «Сретение Богородицы», и, наоборот, не воспроизведены такие, вроде бы изначальное подробности, как отдельные человеческие фигуры и пушки. Являются ли отличия копии 1866 г. привнесением самого Юдовикова (как известно, фактографа достаточно точного) или объясняются какими-то иными причинами?

Оказалось, что рассматриваемый рисунок вовсе не авторская фантазия псковского краеведа, а воспроизведение одной иконы, находившейся в Псково-Печерском монастыре. Это доказывается двумя обстоятельствами. Во-первых, рисунок, тождественный годовиковскому опубликован в 1860 г. гравером А. Кислинским, указавшим, что он «снят с древней иконы, находившейся в Печерском монастыре»³⁵. Во-вторых, сохранилась сходная с годовиковской прорисовка с иконы того же монастыря, исполненная (в 1850 гг.?) учителем К. А. Солодягиным³⁶.

ЖИТИЕ ПАПНАГО

ЧЕТЫРХЪ МЦЕВЪ НЕДОЖИВЕ, АИМЕ ПИПА
 МАКАРИА, ВЕЛИКАГО НОВА ГРАДА И ПСКОВА,
 ВА, И ПОСТРОИТЕСА ВО АГГЛЫСКИИ СЪБРА
 ВОЙНОЦЕ БУДЪ КЪ ОНА, И ВСТАВОВСТИ ГЛБСО
 ЦЕ ПРЕСТАВЛЕНА, И ПОГРЕБЕНЪ БЫСТЬ
 ВТОИМЪ ЧАСИ СЪБИТИИ, СЪТАГО
 СПСА, И ИРЕНАГО ВАРМАМА ТЮПВОЛЦА;

Рис. 20. Хутынский монастырь у Новгорода. Миниатюра XVII в. Собрание ИРЛИ РАН

²⁶ «Вид древнего Пскова 1581 г. во время осады города Стефаном Баторием. Снят с древней иконы, находящейся в Печерском монастыре». Лучшая публикация — Прохоров В. Русские древности. Кн. А (1-ая). СПб, 1872, табл. без номера. Рисунок К. А. Солодягина хранится в ПИХАМЗ (1808/48 г.). Размер 85,8 x 5,6, см. Многократно издавался с ошибочной припиской о том, что снят с иконы из часовни Владычного креста близ Пскова (Васильев И. И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб, 1898, рис. между стр. 58—59; Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник, табл. II) ²⁷ На прорисовке Солодягина представлены постройки 70—80-х гг. XVII в. — такие, например, как ц. Пресвятой Богородицы (Казанская, 1676 г.), ц. Николая Чудотворца на проломе (1684 г.). Не заметно Приказных палат (1693—1695 гг.) и пушечного шатра (1694 г.). Судя по тому, что представленные постройки срисованы без тщательности (может быть это объясняется ветхостью и нечеткостью оригинала), некоторые из них могли быть искажены, схематизированы или вовсе не воспроизведены. Так, в частности, произошло с пушечным шатром на площади перед Довмонтовым городом. Под рукой копииста он превратился в церковь.

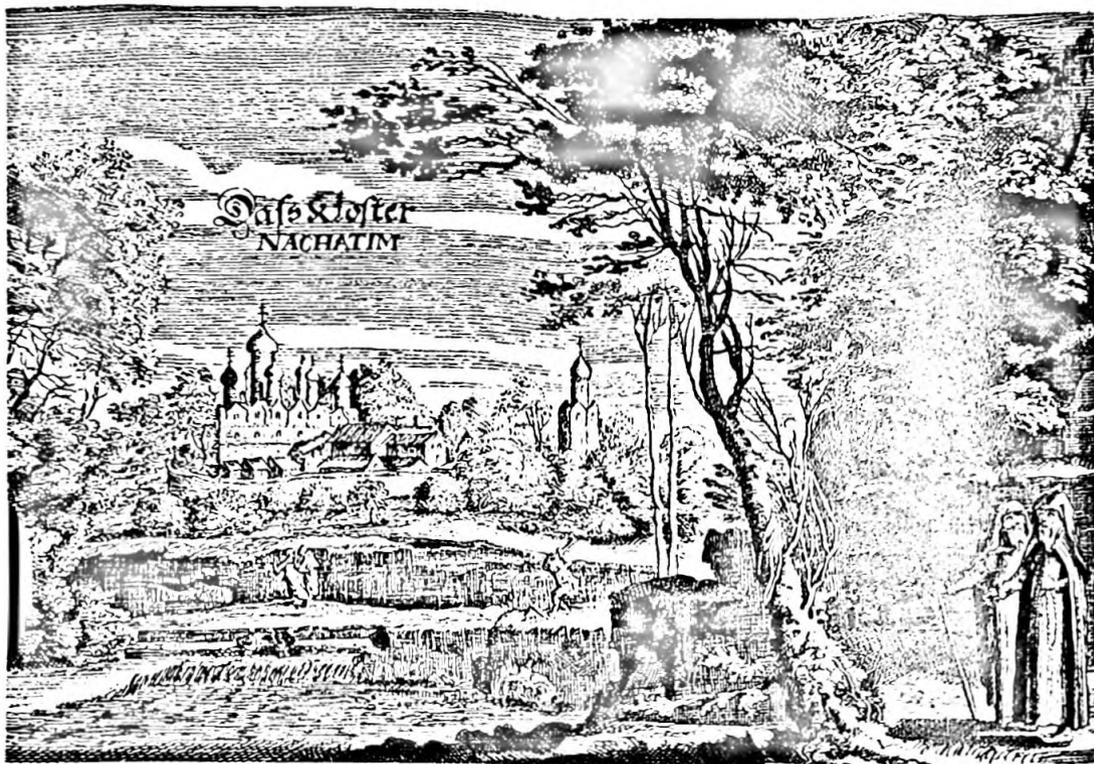

Рис. 21. Хутынский монастырь у Новгорода. Гравюра из книги А. Олвария

Оба эти листа помогают исправить допущенную в литературе ошибку, порожденную отнесением панорам Пскова к копиям с единственного образа «Сретения Богородицы» из часовни Владычного Креста.

«Вид древнего Пскова 1581 г. во время осады города Стефаном Баторием. Снят с древней иконы, находящейся в Печерском монастыре». Лучшая публикация — Прохоров В. Русские древности. Кн. А (1-ая). СПб, 1872, табл. без номера. Рисунок К. А. Солодягина хранится в ПИХАМЭ (1808/48 г.). Размер 85,8 x 5,6 см. Многократно издавался с ошибочной припиской о том, что снят с иконы из часовни Владычного креста

Прорисовка Солодягина настолько близка к тем, которые выполнены Кислинским и Юдовиковым, что все эти произведения можно считать восходящими к общему живописному протообразу. Имеются, правда, и отличия. На рисунке Солодягина показан одноглавый Троицкий собор. Таким он действительно был до обрушения в 1682 г.³⁷ На воспроизведениях Кислинского и Юдовикова мы видели тот же Троицкий собор пятиглавым, то есть восстановленным в 1699 г. Это расхождение не препятствует сближению рисунков и выявлению единой первоосновы и, возможно, объяснимо тем, что псковско-печерская икона, в своей основе относившаяся к последним

десятилетиям XVII в., ко времени ее очередного копирования в 1860 и 1866 гг. была подновлена, при этом одноглавый Троицкий собор был прописан пятиглавым³⁸.

Итак, рассмотренные выше произведения, посвященные героической обороне Пскова от войск Стефана Батория, так или иначе связаны с поздним средневековьем и содержат немалую достоверную информацию о городе на р. Великой. Они независимо от даты и извода, предоставляют уникальную возможность рассмотреть Псков и его окружение в их богатом и редкостном архитектурном разнообразии.

Вернемся здесь к изображению Снетогорского монастыря, которое находится в левой части «сретенской панорамы». Видим мы и заметно выделяющуюся церковь Вознесения. Ее нижняя часть в виде 2-х ярусного граненого объема с позициновыми кровлями практически не отличается от того, что представлено на рисунке Витсена. Верхняя же часть — колокольный столп на иконе «Сретение Богородицы» оформлен несколько иначе. По сравнению с начертанием Витсена здесь прибавлен еще один восьмигранный ярус звона. Он увенчан, насколько можно рассмотреть, тремя рядами убывающих кокошников и небольшой главкой (рис. 19). Увенчания башнеобразного объема в виде трех уменьшающихся восьмериков в древнерусской архитектуре в принципе известны. Классическим примером является колокольня Ивана Великого, построенная в 1505–1508 гг. Боном Фрязиным на Соборной площади Московского Кремля³⁹. При всей притягательности такой аналогии, представить непременно такое решение верха снетогорской церкви Вознесения пока нет оснований. Ни житийное клеймо с видом монастыря, ни рисунок Витсена подобной усложненной композиции не подтверждают. Отражает ли «сретенская панорама» облик Снетогорского монастыря в какой-то особый период его истории, или здесь проявилось следование некой приукрашенной иконописной манере, судить пока трудно. Думается, что по крайней мере в XVII в., снетогорский столп завершался одним ярусом звона, глухим шатром и главкой. По данным 1802 г. верхний ярус звона, что показательно, вмещал все наличные 13 колоколов — 6 больших и 7 подзвонков. Здесь же, видимо,

близ Пскова (Василев И. И. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб, 1898, рис. между стр. 58–59;

Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник, табл. II)

³⁷ На прорисовке

Солодягина представлены постройки 70–80-х гг.

XVII в. — такие, например, как ц. Пресвятой

Богородицы (Казанская, 1676 г.). ц. Николая

Чудотворца на проломе (1684 г.). Не заметно

Приказных палат

(1693–1695 гг.) и пушечного шатра (1694 г.). Судя по

тому, что представленные постройки срисованы

без тщательности (может быть это объясняется

ветхостью и нечеткостью оригинала), некоторые из

них могли быть искажены, схематизированы или вовсе

не воспроизведены. Так, в частности, произошло

с пушечным шатром на площади перед

Довмотовым городом. Под рукой копииста он

превратился в церковь.

³⁸ Можно, конечно,

предположить,

что Солодягин копировал с какой-то еще одной

неизвестной печерской иконы. Выяснить это

обстоятельство не удалось. Зато неоднократные случаи

записи псковских панорам имели место. Так, по поводу

одной из таких икон отмечалось, что видимый

на ней собор Троицы переписан «по образцу

московских церквей, но из-под масляных красок

проглядывают другие формы прежде бывшего собора»

(Прохоров В.

Русские древности, с. 28

³⁹ Михайлов А. И.

Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле.

М., 1963, рис. с. 35

некогда находились часы боичные приведены к большому колоколу благовестнику⁴⁰.

III

Церковь Вознесения на Снятой горе относится к ярусным башнеобразным храмам «под колоколы», которые упоминаются в летописях с XVI в., но особое распространение получили двумя веками позже. Эти сооружения строились в тот период во многих местах средней России и были весьма разнообразны. Среди них имелись храмы, увенчанные звонницей, связанной с барабаном или всем верхним объемом здания⁴¹; храмы-колокольни, сочлененные с трапезными палатами (на Псковщине подобные сооружения известны в Мальском и Крыпецком монастырях, 40–50-х гг. XVI в.)⁴²; отдельные башни-колокольни типа церкви Михаила Архангела в Дювском кремле, более известной как колокольня Успенской церкви, 1550 г.⁴³; наконец, церкви с широким восьмигранным основанием и столпообразным верхом. Именно к этой последней группе (в специальной литературе она не рассматривалась) и относится Снетогорская церковь.

Возможно, что весьма характерные памятники этого типа открывает столп Ивана Великого в Московском Кремле — творение итальянского зодчего Бона Фрязина 1505–1508 гг. За исключением верха, переделанного в 1600 г., большая часть сооружения сохранилась в первоначальном виде. Нижняя часть здания вмещала расположенные по вертикали церкви, палату и помещение звона с открытыми наружу проемами. Выше в несколько суженном восьмерике находился еще один ярус звона. Наконец, еще выше находился малый восьмерик с чередой открытых арок⁴⁴. При надстройке столпа в 1600 г. он был увенчан куполом на круговом основании, обрамленном двумя рядами как бы накладных «пламевидных» кокошников⁴⁵. Этой декоративной детали до 1600 г. предшествовали, по догадке М. И. Ильина, находившиеся на этом же уровне кокошники, обрамлявшие первоначальное покрытие сопряженное с восьмигранником⁴⁶.

При всем том, что столп Ивана Великого представительнее, крупнее, богаче по отделке снетогорской церкви

⁴⁰ Морозкина Е. Н. Новое, с. 202, цитируется опись 1585–1586 г.

Часы на рисунке Витсена не обозначены, о них, возможно, напоминают ниши на фасаде столпа.

⁴¹ Подьяпольский С. С. К характеристике

кирилловского зодчества XV–XVI вв. // СА, 1966,

№ 2, с. 79–82, рис. 5

⁴² Морозкина Е. Н.

Новое, с. 206–212;

Морозкина Е. Н.

Псковская земля, с. 25;

Стегалский Ю. П.

Каменное зодчество Пскова.

Л., 1976, с. 105;

Шалина И. А.

Псковское монастырское

каменное зодчество

XIV–XVII вв. Рукопись 1982 г.

л. 50, сл.

⁴³ Покрышкин П. Церкви

псковского типа XV–XVI

столетий по восточному

побережью Чудского

озера и р. Нарове. ИАК.

Вып. 22. СПб, 1907,

с. 18–20, рис. 8 и 29.

⁴⁴ Михайлов А. И.

Колокольня, с. 5, сл.;

сравни также разрез

здания (см. Бондаренко И.

Первоначальный облик

Ивана Великого //

Строительство и архитектура

Москвы. 1980, №№ 8,

с. 26–27, рис. 1–6).

Не исключено, что церковь

первоначально помещалась

не в первом ярусе,

а в третьем. Ее зальное

пространство включало

и «суженный» восьмерик.

⁴⁵ Подьяпольский С. С.

Столп Ивана Великого

в Москве. Итальянские

истоки его архитектуры.

Доклад на заседании

сектора ЛОИА АН СССР

10 ноября 1983 г. (ссылка

с разрешения автора)

⁴⁶ Ильин М. А.

Русское шатровое

зодчество. Памятники

середины XVI в.

М., 1980, с. 22 и 125

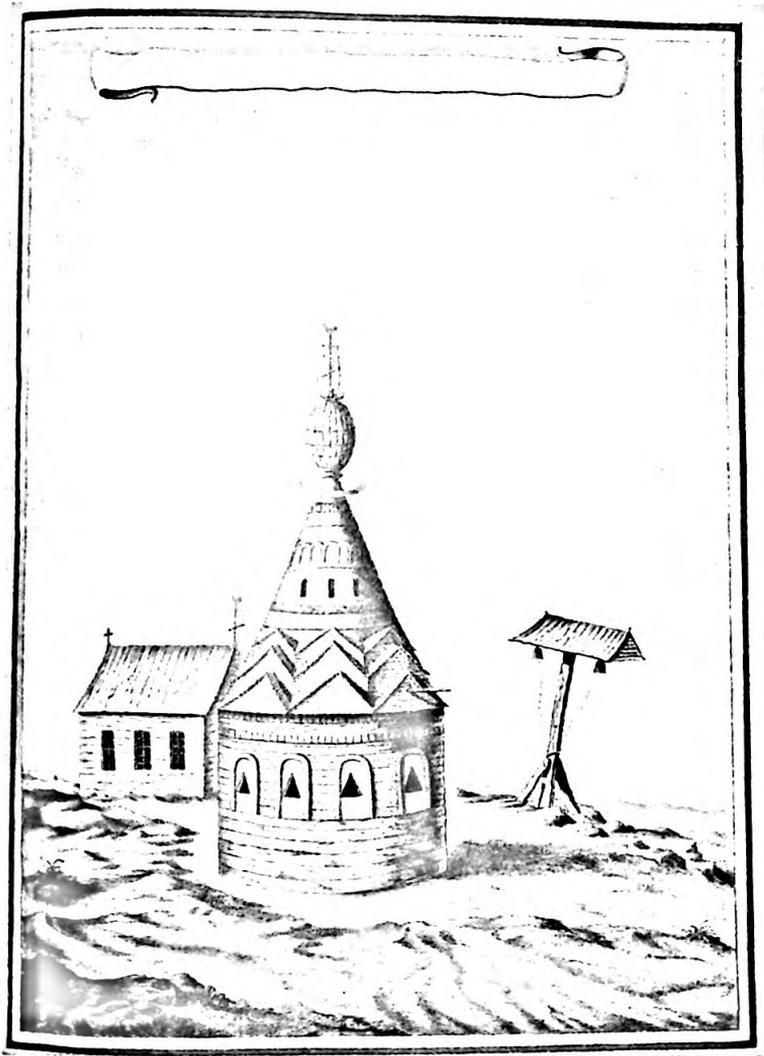

Рис. 22 «Каменная»
башня во Пскове
(ц. Евфимия Великого)
Рисунок Н. Витсена.
Австрийская
Национальная
библиотека

⁴⁷ Ср. Ильин М. А. Русское шатровое зодчество, с. 22, сл.; *Попова Т. Д.*

Памятники Московского Кремля в Лицевом своде XVI в. // СА, 1983, № 4, рис. 5. Относительно использования миниатюр Лицевого свода для представления о том или ином здании (в том числе и «Иване Великом») ценные методические замечания изложил В. Д. Черный в своем автореферате «Историко-географическая среда в миниатюрах лицевого летописного свода XVI века» (М., 1982). Он указывает, что художник подробно изображал постройку (как впрочем, предмет или событие) на которую было направлено главное сюжетное действие, обращенное к данному сооружению. Остальные детали миниатюры могли быть изображены схематически, упрощенно. По мнению В. Д. Черного, миниатюры Лицевого свода не скопированные, а оригинальные произведения. В своем письме от 17.01.84

В. Д. Черный пишет: «Разумеется, я не могу полностью исключить возможность существования шатра на колокольне Ивана Великого после 1508 г., но в момент создания свода ее покрытие было все-таки купольным»

⁴⁸ Типа колокольной Святого Родственского собора второй половины XVI в. (*Остроумов В. П., Чумаков В. В.* Свияжск. Казань, 1971, рис. на с. 31).

⁴⁹ ПСРЛ, т. 6, 1853, с. 296.

⁵⁰ Первоначальная — 1445 г.

⁵¹ *Макарий, архимандрит.* Опись Новгородского Спасо-Хутынского монастыря 1642 года. Залписки Императорского Археологического общества. Т. IX, СПб, 1857, с. 461–465

Вознесения (да и вмещал не 13, а 52 колокола), между ними имеется значительное типовое архитектурное сходство. Оно выражено в наличии составных убывающих по вертикали восьмериках, членении нижнего объема на три ярусных восьмигранных в плане помещения с открытой аркадой наверху (при этом галерея звона или «звонарей» окружает особый внутренний восьмигранник). Обеим постройкам присущи плоские угловые лопатки, щелевидные окошки, внутрискатные лестницы, верхние открытые арки для колоколов. Допустимо, что в какой-то период одинаковым было и завершение здания, в основании обрамленное 2–3 рядами декоративных кокошников. Распространено мнение о том, что «Иван Великий» изначально был увенчан куполом⁴⁷. Однако, был здесь купол, шатер или какая-либо сложная по компонентам кровля с кокошниками⁴⁸, вопрос, на мой взгляд, окончательно еще не решенный.

В рассматриваемый ряд входит и ц. Григория — проsvетителя Армении в Хутынском монастыре близ Новгорода. Она построена в 1535–1536 гг. тверскими мастерами «о едином версе, велми чудна, яко таковы несть делом в Новгородской области: яко околая стена, еже округ церкви, имея углов восемь, а двери пятеры, в высоту велми высока; на ней же в версе и колоколы уставиша»⁴⁹. Вызавший удивление и восторг летописца храм Григория не сохранился, но довольно подробно описан в источнике в 1642 г. и, особенно, Павлом Алеппским в 1655 г.⁵⁰, а также на некоторых изображениях конца XVI–XVII вв.⁵¹. В 1981 г. его основание обнаружено и изучено археологической экспедицией под руководством В. А. Булкина⁵².

Каким представляется это сооружение? По мнению Н. Н. Воронина здание состояло из двух объемов — восьмерик на восьмерике и увенчивалось куполом наподобие бокового столпа Дьяковской церкви⁵³. С этим суждением не согласился Г. М. Штендер. Он трактует «хутынский столп» в виде единого нерасчлененного башнеобразного объема, увенчанного куполом⁵⁴. Предположение об отсутствии уменьшающихся по мере подъема ввысь объемов здания, однако, вряд ли верно. Еще такой точный наблюдатель, как Павел Алеппский при описании этой колокольни-храма отметил, что «внизу восьмиу-

гольна и очень широкая». Справедливость этих слов в определенной мере подтвердили археологические изыскания. Диаметр восьмигранного основания церкви, по словам В. А. Булкина, равен 20 м. Очевидно, верхняя часть постройки была более суженной.

Описание П. Алеппского в сопоставлении с описанием Хутынского монастыря 1642 г. позднесредневековыми изобразительными источниками, а также устройством снетогорского храма-колокольни, можно расшифровать следующим образом. Нижний восьмерик, церковное вместилище, увенчивалось по словам П. Алеппского восьмью «балконами». В них узнаются наружные арки по граням фасада. Завершение объема было пощипцовым («покрыто тесом цолвтками»⁵⁵), как это точно показано на миниатюрах жития Варлаама Хутынского XVII в. (рис. 20) и рисунке из книги Олария⁵⁶ (рис. 21). Далее П. Алеппский сообщает о комнатках «под каждым балконом с наружной стороны». Здесь, судя по всему, речь идет о каких-то помещениях, возможно, связанных с внутренней галереей и находившихся над церковью или в ее окружности. Эта галерея окружала также и храм находившийся в нижнем ярусе постройки и, таким образом, была двухэтажной. Двухъярусность галереи предполагал и Г. М. Штендер, а ее обход на уровне фундамента обнаружен В. А. Булкиным при археологических работах⁵⁷. Был ли сам церковный зал равновеликим по высоте галерее, решить, однако, затруднительно. Таким образом, нижний восьмерик по горизонтальным членениям своего фасада разделялся на три яруса: церковь, «помещения» и аркада звона или звонарей.

Что касается венчающего ствола колокольни, то по словам П. Алеппского, там находились узкие высокие арки с колоколами, а над каждой из них были видны две двускатные кровли, точнее сказать, двухрядные кокошники. Выше, возможно, в барабане помещались часы, а над ними купол, точнее, главка с крестом. Верх церкви рисуется в виде кокошников, сходящихся к венчающему барабану, как это и изображено на некоторых миниатюрах и иконах, представляющих «Видение пономаря Тарасия»⁵⁸. Всегда ли именно таким было покрытие ц. Григория и следует ли полностью исключить шатер, утвер-

Алеппский, Павел. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века // ЧОИДР. М., 1898, № 4, с. 80
⁵¹ Порфиридов Н. Г.

Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе // ТОДРЛ. XXII, Л., 1966, с. 112, сл.;

Лихачева Л. Д.

Миниатюристы — читатели новгородских литературных произведений.

Там же, с. 335, сл.

⁵² Булкин В. А.

Новые данные о каменных постройках Хутынского монастыря и Гостиного двора в Новгороде // Археологические Открытия 1981 года. М., 1983, с. 10 и рис. 5–6. Благодарю В. А. Булкина за ряд ценных замечаний относительно словесной реконструкции храма Григория.

(Ср. Булкин В. А.,

Штендер Г. М. Храм-колокольня Антониева монастыря в Новгороде // Археологические открытия 1985 года. М., 1987, с. 56) Изображение новооткрытой постройки представлено на иконе «Антоний Римлянин», написанной в 1680 г.

Никитой Семеновым (собрание ПИХАМЗ). Облик храма-колокольни сходен со снетогорским.

⁵³ Воронин Н. Н.

Хутынский столп 1535 г. // СА, VIII, 1946, с. 303.

⁵⁴ Гладенко Т. В.,

Красногорецьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.

Архитектура Новгорода в свете последних исследований. // «Новгород» к 1100-летию города. М., 1964, с. 248–249

⁵⁵ Макарий, архимандрит.

Опись, с. 461.

В описании также отмечены: вход в церковь с западной стороны, убранство храма, наружные кисты и т. п.

³⁸ Лицевой сборник последней четверти XVII в. «Житие и чудеса Варлаама Хутынского». ИРЛИ, древнехранилище, собрание Ф. А. Каликина, № 53, л. 84, об. сл., особенно, л. 96, об., л. 100; Лихачева Л. Д.

Миниатюристи, с. 2; Воронин Н. Н.

Хутынский столп, рис. 1

³⁹ Гладенко Т. В. и др.

Архитектура, с. 248–249;

Булкин В. А.

Новые данные, с. 10

⁴⁰ Порфиридов Н. Г.

Два сюжета, рис. 1, 2;

Novgoroder Ikonen des 12.

bis 17. Jahrhundert.

Leningrad, 1981,

Taf. 239–240.

Ср. Остроумов В. П.,

Чумаков В. В.

Свяжск, рис. на с. 31

⁴¹ Более подробно:

Ильин М. А.

Русское шатровое зодчество, с. 29, сл.

⁴² Подъяпольский С. С.

Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV–XVI века) //

Древнерусское искусство.

Художественная культура

Москвы и прилегающих

к ней княжеств. XV–XVI вв.

М., 1970, с. 455, сл.

⁴³ Бочаров Г. Н.,

Выголов В. П.

Александровская слобода, с. 23;

Подъяпольский С. С.

Архитектурные памятники,

с. 455

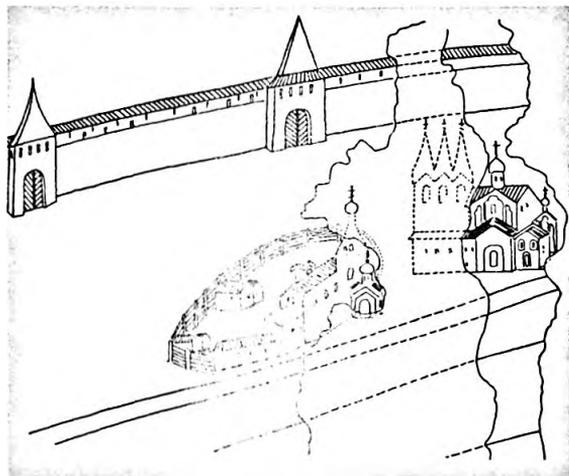
ждать не беремся. Во всяком случае, плоско-купольное покрытие типа бокового столпа Дьяковской церкви, которое предполагал Н. Н. Воронин, к рассматриваемому памятнику вряд ли применимо.

Иконные, а отчасти, некоторые миниатюрные виды церкви Григория своеобразнее и вычурнее ее приведенного выше «словесного портрета». Ствол сооружения предстает разделенным обычно на три яруса. В этом строении есть нечто сходное с церковью Вознесения по начертанию сретенской панорамы около 1700 года. Правда, хутынские изображения в большей степени, чем снетогорские, проникнуты условностью и требуют ряда оговорок. К примеру, показанные на иконах верх и низ здания по ширине почти одинаковы, нет характерного перекрытия нижнего объема «палатками». Во всех приведенных примерах пока нечем подтвердить достоверную основу ряда архитектурных деталей, хотя, в принципе, судя по колокольне Ивана Великого, они и были реальны.

Как бы не трактовать подробности устройства хутынского и снетогорского столпов, их объемно-пространственная композиция обнаруживает определенную близость и еще раз заставляет вспомнить их предполагаемый первообразец — колокольню Ивана Великого.

IV

Ярусные церкви «под колоколы» привлекают особое внимание историков архитектуры в связи с изучением шатрового зодчества. У большинства сооружений этого типа первоначальный верх не сохранился, в ряде случаев был, видимо, перестроен в связи, например, с запретом 1652 г. возводить шатры в церковном строительстве. Поэтому вопрос об увенчании этих построек дискуссионен. Одни исследователи предполагали купольное покрытие, другие — шатровое⁵⁹. В том случае, когда признается шатровое увенчание башнеобразных церквей, оно объясняется влиянием этой новой в каменной архитектуре формы, впервые, как считают, выраженной в ц. Вознесения с Коломенского (1532 г.). Высказано также мнение, что храмы «под колоколы» имели верх в виде кокошников, сходящихся к венчающему барабану⁶⁰. Думаю,

что предполагать обязательно какую-либо одну форму покрытия для всех имеющихся ярусных церквей XVI в. было бы неточно. Здесь хотелось бы обратить внимание на новые источниковедческие возможности обсуждения данной темы.

Реальное завершение снетогорского столпа можно лучше представить, обратившись к полностью сохранившимся общерусским памятникам шатровой архитектуры. Единственная храмовая башня сохранившая свое первоначальное завершение — так называемая Распятская церковь Александровской слободы (1560–1570 гг.) как раз снабжена шатром. Это сооружение считают наиболее ранним шатровым храмом «под колоколы»⁶¹.

Позволительна иная оценка Распятской церкви, которая в отношении своего завершения не только была первооткрывающей, но и, скорее всего, отражала уже сложившиеся в архитектуре типические черты своего времени. С точки зрения архитектурной логики, шатровое покрытие наилучшим образом сопрягается не с круглым, а с гранчатым основанием. Действительно, восьмигранные храмы (в данном случае не ярусно-башенного типа) в подавляющем большинстве в XVI в. сооружались не купольными, не с убывающими кокошниками, а шатровыми⁶². При этом выделяются восьмигранные церкви с гранчатыми шатрами, имеющими в основании 1–3 ряда

Рис. 23. Подворье Снетогорского монастыря с ц. Евфимия Великого и ц. Богоявления Господня. Прорисовка с элементами реконструкции сиконы «Сретение Богородицы».

Рис. 24. Подворье Снетогорского монастыря с ц. Евфимия Великого и ц. Богоявления Господня. Прорисовка копии сиконы «Видение пресвятой Богородицы старцу Дорофею», выполненной К. Салодгиным.

⁶² Исключением являются: ц. Иоанна Предтечи в с. Дьякове (здесь верхний восьмигранник — основание плоского купола) и ц. Введения Кирилло-Белозерского монастыря (сходящиеся к венчающему барабану кокошники — Подъяпольский С. С. К характеристике Кирилловского зодчества, с. 77–79, рис. 3)

⁶² Отмечу следующие церкви: Вознесения в с. Городня, ц. Преображения в с. Острове, ц. Введения Успенского монастыря в Старице, известная по рисунку 1672 г., ц. Сергия в Московском Кремле, усложненный вариант — центральный столп собора Покрова «что на рву» в Москве (Ильин М. А. Русское шатровое зодчество, с. 43, сл.).

⁶³ Ильин М. А. Русское шатровое зодчество, с. 38

⁶⁴ Имеются в виду, например, звоницы Покровского и Спасо-Еяфимиева монастырей (Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1967, с. 217–218 и 227–228.

С датировкой этих памятников, предложенной Н. Н. Ворониным, согласен и П. А. Раппопорт).

⁶⁵ Лихачева. Д.

Миниатюры, рис. 3; Альбом Мейерберга. СПб, 1903, рис. 18.

Консультацией об иконных изображениях Новгорода, а их некогда насчитывалось не менее семи, я обязан Э. А. Гордиенко. Именно шатровую часозвоню мы видим на иконе «Видение пономаря Тарасия» из собрания Новгородского музея-заповедника, датированной Э. А. Гордиенко 1574–1582 гг.,

а Л. А. Секретарь не ранее 1680 г. Похоже, что шатровый верх часозвони на панорамном рисунке Новгорода изобразил и Витсен (Atlas Blaeu-Van der Hem. Bd. 24, Taf. 28)

кокошников⁶³, они совершенно напоминают верхнюю часть снетогорской церкви Вознесения. Иными словами, построения принятые в шатровом храмовом строительстве могли быть использованы и в сооружениях «боковой ветви» этого строительства — церквях ярусно-башенного типа.

Шатер по его идейному смыслу справедливо связывают с «единством и всеохватывающей силой государства в жизни народа в целом»⁶⁴. Устремленные ввысь центрические церкви-колокольни не только не противостоят этому смыслу, но и особым образом его воплощают. Думается, что ярусные церкви нельзя исключать из архитектурного процесса становления шатрового зодчества XVI в. Нет ничего неожиданного в том, что в этом процессе каменные ярусно-башенные храмы занимали определенное место и ими проложен свой путь в архитектурных свершениях своего времени.

На основании рисунка Витсена, представившего верх церкви Вознесения Снетогорского монастыря в форме шатра, можно утверждать, что такого рода покрытия могли иметь место в храмовом строительстве еще до 1532 г., то есть до сооружения храма в селе Коломенском. В этой связи следует еще раз обратить внимание на те башнеобразные храмы, которые строились в первые десятилетия XVI в. и уже тогда обладали деталями, которые будут позже использоваться в каменном строительстве⁶⁵. Не означает ли распространение подобных сооружений в первой половине XVI в. то, что в значительной мере новым была не только их каменная основа, но и покрытие.

Триумф шатровых каменных сооружений в XVI в. подготовлен, видимо, экспериментами более раннего времени, причем, география данного явления не обязательно ограничивалась центральными областями страны. В этом отношении показателен пример часозвони, воздвигнутой не позднее 1443 г. в Новгородском детинце. На рисунках, иконах и миниатюрах последней четверти XVI–XVII вв., по времени предшествующих ее обрушению в 1671 г., эта постройка предстает шатровой⁶⁶. Более того, А. А. Воробьев предполагает, что первоначальная форма покрытия часозвони традиционно запечатлена на некоторых

иконах с видами Новгорода, исполненными еще в конце XVII — начале XVIII вв.⁶⁷. Характерно, что и в 1673 г. рассматриваемое сооружение, по наблюдениям Г. М. Штендера, восстановлено шатровым⁶⁸. Напрашивается еще одно заключение. Часозвоня, что необычно для сторожевой башни и часовой вышки, увенчивалась крестом. Это объясняется тем, что она примыкает к церкви Сергия Радонежского и является ее (или всего Владычного двора) колокольней. Такое истолкование не отрицает того, что в древности постройка архиепископа Евфимия II выполняла функции столпообразного храма. К такому выводу подводит летописная запись о том, что «постави... владыка Еуфимей духовницу камену и сторожну в своем дворе»⁶⁹. Не идет ли речь в этом сообщении об одной постройке — башне-сторожне с внутренней капеллой-моленной — своеобразном предшественнике ярусных храмов XVI в. Высказанная гипотеза тем более вероятна, что в 1-ом неперестроенном ярусе часозвони сохранилось небольшое помещение неизвестного назначения, вполне подходящее для моленной⁷⁰. Как бы то ни было, шатровость и ярусность часозвони, по-видимому, изначально и свидетельствуют об использовании таких архитектурных приемов еще до образования единой России.

V

Рисунок Витсена церкви Вознесения — документальное свидетельство о существовании во Пскове XVI в. сооружений шатровой архитектуры. Достоверность этого факта подтверждает еще одна зарисовка того же художника.

Бландского путешественника, видимо, особенно привлекали необычные высотные сооружения, выделявшиеся из общей застройки. Им был создан рисунок такой, к сожалению, не названной постройки, подписанной «каменная башня во Пскове»⁷¹ (рис. 22). И общий вид башни, бесспорно церкви, помещенной в окружении палаты и звонницы, и обилие вполне реалистических архитектурных деталей (кокошники, городчатый и аркатурный фризы) создают впечатление, что данный сюжет — не выдумка художника. При дальнейшем изучении,

⁶⁷ Воробьев А. В. К датировке часозвони Новгородского кремля // Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 121. Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что при падении столпа Евфимия была разрушена часть кремлевской стены. В записи об этом разрушении говорится лишь о повреждении «внутренней стены» каменного города — скорее всего ограды Владычного двора, находящейся внутри Кремля. Евфимьевская постройка ныне находится там же, где была первоначально.

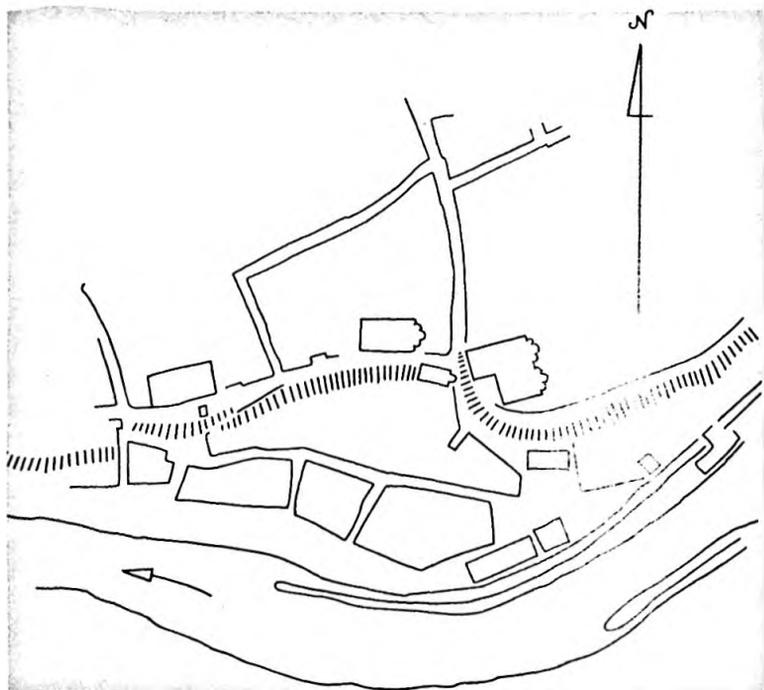
⁶⁸ Любезная консультация Г. М. Штендера.

⁶⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 423

⁷⁰ Консультация Г. М. Штендера.

⁷¹ Atlas Blaeu-Van der Hem. Bd. 24, Taf. 21. акв. размер 36 x 50 см

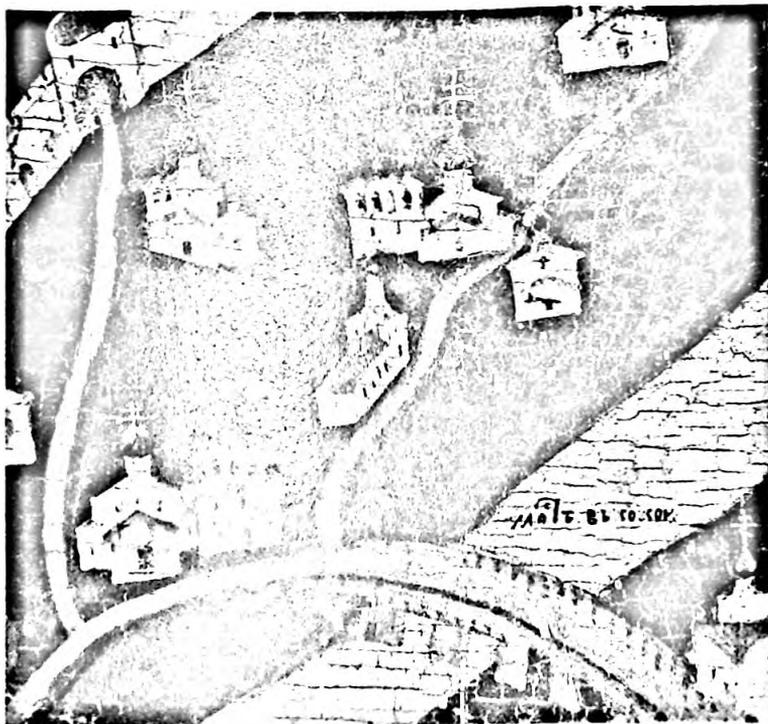
Рис. 25. Церковь Евфимия
Великого на плане Пскова.
1740 г. РГА ВМФ

однако, открывается, что рисунок выполнялся по беглой зарисовке, а частью, возможно, и по памяти. В таком случае, неточности, пропуски, смещения неизбежны. При этом зарисовка Витсена, сверенная с другими источниками приобретает исключительный архитектурный интерес.

На рассматриваемом листе мы видим круглое башнеобразное сооружение, увенчанное шатром. Представленная постройка сопоставима с произведениями каменного шатрового зодчества 30–60 гг. XVI в. Это необходимо пояснить. Нижняя часть храма показана Витсеном, по-видимому, неточно. Судя по сохранившимся сооружениям такого рода, основной объем здания надлежит представить не круглым, а в виде четверика или восьмика⁷². В первом случае, храмы, как правило, имели апсиду, во-втором, — она не была обязательной. Только на основании рисунка Витсена окончательно решить вопрос

⁷² Укажу следующие постройки XVI в.: Успенская трапезная церковь в Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале, ц. Воскресения в с. Городня, ц. Преображения в с. Остров, ц. Сергия в Богоявленском монастыре Московского Кремля, ц. Козьмы и Дамиана в Муроме, ц. в с. Прусы под Колодной, ц. в с. Елизарове (Ильин М. А. Русское шатровое зодчество, с. 47, сл.)

*Рис. 26. Церковь Евфимия
Фрагмент иконы «Видение
пресвятой Богородицы
старцу Дорофею».
Восходит к 1680–1690 гг.
Псковский историко-
художественный музей.
Фото Н. Гаврилова*

о форме основного объема храма затруднительно. Окна этого объема показаны высокими полуциркульными, обрамленными валиковой аркой, что сравнимо, например, с такими же окнами Воскресенской церкви в селе Бродня 30–50 гг. XVI в.⁷³ Показанные в оконных просветах треугольные вырезы объяснить, однако, затруднительно.

Верхняя шатровая часть церкви представлена Витсеном достаточно реалистично. Видны облегающие восьмигранный постамент трехрядные треугольные кошники, а выше шатер, богато декорированный несколькими поясами каменного узорчья. Пик шатра увенчан главкой с крестом и «голубком»⁷⁴.

Рассматриваемое сооружение поддается определенной атрибуции. На всех иконах с видом Пскова, восходящих к XVII в., единственная, схожая с витсеновской шатровая церковь, находилась на Большой Богоявленской (Запсковской) улице в Запсковье. Это церковь Евфимия

⁷³ Ильин М. А.

Русское шатровое зодчество, рис. 2

⁷⁴ Православные храмы на рисунках Витсена обычно увенчаны крестами «с голубком». В отношении Пскова эта деталь реальна. Так, по сообщению П. Спегальского, древний обитый листовой медью крест церкви Успения с Пароменья завершался литым позолоченным голубем (Плешанова И. И.

Псковское зодчество XVI столетия. Рукопись 1956 г., л. 68. Любезно предоставлена автором). Распространение данного, связанного с крестом, символического образа в XVII в., по-видимому, было достаточно широким.

⁷⁵ В XVI в. Евфимиевское подворье занимало трапезничное в плане пространство в поперечнике примерно 50 сажен) между Большой Богоявленской улицей (с востока), Житницкой улицей (с севера) и Глухим переулком (с запада). Сохранились обмер и описание участка, датированные 1685 г. (Токмаков И. Ф.

Снетогорский монастырь, с. 8–9), практически, соответствующие его плану, зафиксированному в 1740 г. (Окулич-Казарин Н. Ф. Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды ПАО. Вып. 11. Псков, 1915, цветная вклейка - план Пскова 1740 г.).

⁷⁶ Ламанский В. Сборник чертежей. План Пскова, ч. 1. К нашему времени зоны утрат иконы «Сретение Богородицы» увеличились. Церковь Евфимия и находящаяся перед ней церковь Иоанна архиепископа исчезли вовсе.

⁷⁷ Прохоров В. Русские древности, табл. «Вид древнего Пскова в 1581 г. во время осады города Стефаном Баторием»
⁷⁸ План Пскова 1740 г. — РГАВМФ, ф. 3, оп. 37, № 11863; план 1774 г. — РГАВМФ, ф. 3, оп. 25, №№ 2517 и РГИА, ф. 1310, оп. 1417, № 26; план 1778 г. — РГАВМФ, ф. 3, оп. 25, № 2518 и РГИА, ф. 1393, оп. 167, № 4. Суммарные размеры постройки: 8–10 саж. х 21–23 саж.

Великого Снетогорского монастыря⁷⁵. В ближайшем соседстве находились церкви Богоявления и архиепископа Иоанна. На иконе «Сретение Богородицы» из часовни Владычного креста красочный слой в этом месте, к сожалению, поврежден. На прорисовке иконы И. И. Брнostaева распознается лишь башнеобразное сооружение с коническим верхом и примыкающие к нему с западной стороны палаты⁷⁶ (рис. 23). Сходная композиция видна на иконных копиях Бюдовикова и Солодягина⁷⁷ (рис. 24). Здесь интересующая нас церковь показана в виде отдельно стоящей башни, что сходно с рисунком голландского путешественника.

Эта же церковь с новыми деталями видна на иконе «Видение пресвятой Богородицы старцу Дорофею», восходящей к 1680–1690 гг (рис. 26). Здесь отчетливо различима одноэтажная палата, примыкающая к двухъярусному храму. Его нижняя часть — возможно, четверик, а верхняя — восьмерик с пощипцовым покрытием в каждой грани. На фасаде заметен валик — разделитель ярусов. Над восьмериком высится шатер с главкой. Его конус украшен городчатым пояском и лентой треугольников. Эти миниатюрные детали, различимые на иконе, кажутся вполне документальными, а городчатый поясок поразительно соответствует изображенному Витсеном.

На планах Пскова 1740, 1774 и 1778 гг рассматриваемая церковь, что не расходится с некоторыми иконными изображениями, обозначена в виде вытянутого прямоугольника⁷⁸ (рис. 25). При этом восточная сторона здания имеет то одно, то три алтарных полукружия. На рисунке Витсена (хотя он рисовал церковь с востока) данная подробность отсутствует. Уже упоминалось, что нижний объем здания художник представил довольно обобщенно, может быть, по воспоминанию. Имелись ли у церкви апсиды или апсиды на самом деле, сказать трудно. На упоминавшихся планах Пскова культовые сооружения наносились схематично, а их апсиды чертились явно по шаблону. Впрочем, если главный объем храма представлял четверик (а все планы подсказывают такое решение), то апсида с восточной стороны была вполне возможна.

Судя по планам XVIII в. и иконным изображениям, Евфимиевская церковь объединяла в себе церковь и палаты.

На рисунке Витсена палаты и церковь разновелики. Они сближены, но, кажется, что не примыкали друг к другу вплотную. В действительности; они смотрелись несомненно слитными.

Храм Евфимия упомянут в документах 1668, 1685, 1687 и 1688 гг. В то время здесь находился монастырский приезжий двор, а сама церковь значилась вместе с колокольней «при настоятельских кельях... на погребях»⁷⁹. Таким образом, церковь входила в комплекс жилых и хозяйственных построек и была домовою настоятельской или трапезной⁸⁰.

Необычность архитектурного облика церкви Евфимия заметил Ю. П. Спегальский. Он распознал древность постройки и полагал, что речь идет о ярусном храме «под колоколы»⁸¹. Мнение ученого теперь можно уточнить. Данное сооружение не относилось к башенно-колокольному типу. По планам и изображениям устанавливается, что верх храма не совмещался со звонницей, которая находилась отдельно, вплотную у северной стены здания. Такое наблюдение, конечно, не умаляет значение здания, как новопознанного произведения шатровой архитектуры.

Рассмотренная постройка (во всяком случае в своей основной части) датируется по косвенным данным. В 1510 г. Снетогорское подворье, находившееся в то время у Рыбницких ворот Среднего города, было конфисковано великим князем и отдано младшему псковскому наместнику. Суровое отношение властей к «недвижимости» Снетогорского монастыря оказалось проходящим. Потеря подворья была восполнена⁸² предоставлением другого городского места на Богоявленской улице Запсковья⁸³. Здесь, на территории кладбища, и было отстроено новое подворье. Судя по тому, что в самом Снетогорском монастыре новые храмы Николая и Вознесения появились в 1519 и 1527 гг., логично думать, что и запсковский двор воздвигается в камне и дереве примерно в те же годы. Иными словами, не позже 1510–1520 гг. здесь мог быть сооружен шатровый храм Евфимия. Если высказанные соображения о датировке памятника верны, то речь идет о раннем примере шатрового здания той поры, когда только началось их распространение на территории России.

⁷⁹ Болховитинов Е. Описание монастырей, с. 26, (автор датировал церковь Евфимия концом XVII в.); Токмаков, И. Ф. Снетогорский монастырь, с. 7, сл.

⁸⁰ Церковь Евфимия разобрана в 1834 г. Место этой постройки (на улице Герцена неподалеку от церкви Богоявления) не застроено и доступно для археологических раскопок, на мой взгляд, очень желательных и перспективных.

⁸¹ Спегальский Ю. П. Церковь Богоявления с Запсковья // Культура и искусство древней Руси. Л., 1967, с. 115; Спегальский Ю. П. Псков. Л., 1978, с. 192

⁸² В конце концов в 1621 г. реквизированное в 1510 г. подворье у Рыбницких ворот было вновь возвращено Снетогорскому монастырю (Болховитинов Е. Описание монастырей, с. 26)

⁸³ В 1680 г. помнили, что «под церковью, и под трапезою, и под полатами место буювое», т. е. кладбищенское. (Токмаков И. Ф. Снетогорский монастырь, с. 9 и 71)

VII

Если согласиться с тем, что церковь Вознесения и Евфимия являются ранними примерами общерусского шатрового зодчества, то спрашивается, каким образом эти творения могли быть созданы во Пскове, где до той поры такие памятники, казалось, были совершенно неизвестны.

Исследователи псковского средневекового зодчества XVI в. отмечали его устойчивую приверженность старым традициям⁸⁴. Это верное мнение следует уточнить. Путь развития псковской архитектуры в период ее расцвета в первой половине и середине XVI в. был, видимо, более сложным и многообразным. Псков в этот период был более тесно связан с общерусской культурой, чем принято считать до сих пор.

Во Пскове новые веяния в архитектуре, такие, как шатровые формы, попадали на «подготовленную почву»⁸⁵. Отметим такой факт. В 1530–1580 гг. на Псковщине были распространены надгробные доски-керамиды с изображением купольного храма и восьмигранных шатровых башенок⁸⁶. Эти башенки оформлены с подкупающим реализмом — складчатые шатры, в основании обрамленные треугольными кокошниками, высятся на столпообразных восьмигранниках. Древнейшая из известных, плита такого типа относится к 1530 г.⁸⁷ К этому времени керамида с церковной символикой уже выработалась. Здесь можно ожидать более ранних находок. Ведь следует учесть временную дистанцию, связанную с влиянием реального шатра на отделку мемориальной или декоративной детали. Образ шатра, конечно, не обязательно может быть приравнен к его распространению в натуре. Однако, популярность керамид с шатрами на Псковщине, видимо, не случайна. Так, по мнению И. А. Шалиной, шатровые увенчания имели колокольня Мирожского монастыря, построенная, возможно, в 1520 гг., и звонница церкви Богоявления с Запсковья 1496 г.⁸⁸ Такими эти сооружения изображены на панорамных видах Пскова, восходящих к XVII в. На этих видах мы встречаем и другие постройки с остроконечными кровлями⁸⁹. Не исключено, что среди последних отыщутся произведения шатровой архитектуры XVI в.

⁸⁴ Романов К. К.

Псков, Новгород и Москва в их архитектурно-художественных взаимоотношениях // Известия РАИМК, IV. Л., 1925, с. 233, сл. В XVI в. преобладали одноглавые трехапсидные храмы с барабаном на четырех опорах. Вместо шестнадцатискатного покрытия церквей внедряется восьмискатное. «Продолжали строиться храмы с позакомарным покрытием, наряду с одноглавыми возводились пятиглавые церкви, а четырехстолпные постройки соседствовали с бесстолпными сооружениями» (Булкин В. А., Овсянников О. В. Ученый, зодчий, каменщик. М., 1983, с. 61).

⁸⁵ По мнению

Ю. П. Спегальского, во Пскове существовали все условия для выработки шатрового покрытия. Творением псковских мастеров считает Ю. П. Спегальский, шатровый храм Преображения в с. Остров, датированный им началом XVI в. (Спегальский Ю. П. Каменное зодчество Пскова, с. 49). Участие псковских зодчих в строительстве островской церкви признает в частности и М. А. Ильин, но относит ее к 50–м годам XVI в. (Ильин М. А. Русское шатровое зодчество, с. 82)

Некоторые из них можно опознать на рисунке с изображением Пскова из альбома А. М. Мейерберга 1661 г.

Действительно ли, что первая каменная шатровая постройка в России сооружена в 1532 г. Не все исследователи были с этим согласны. Теперь же накапливаются материалы, заставляющие начать постепенный пересмотр распространенного мнения. Выше обращалось внимание на возможность появления столпообразных шатровых построек еще до начала XVI в. Приведем еще один факт, граничащий с научной сенсацией и до сих пор не учтенный специалистами. В. Д. Черный обратил внимание на один необычайно ранний по датировке случай существования шатрового храма⁹⁰. Речь идет о каменной церкви Алексея Чудотворца Чудова монастыря Московского Кремля, построенной в 1483 г.⁹¹ Церковь просуществовала до начала XVIII в., ее можно различить на планах Москвы конца XVI—XVII вв.⁹² и на миниатюре Синодального тома Лицевого свода⁹³. Эта церковь предстает шатровой, причем с такими подробностями, которые предполагают знание конкретной природы. На рисунке видна нижняя часть церкви, возможно, четверик, выше следует восьмерик, а еще выше — гранчатый шатер с барабаном и главкой. Основание шатра обрамлено кокошниками. Иными словами, перед нами достаточно типичный для XVI в. образец шатрового храма (в том числе и типа церкви Евфимия). Так как ничего неизвестно о ее перестройках в течение XVI в., миниатюрист изобразил ц. Алексея Митрополита, очевидно, в первоначальном виде. Архитектурное открытие В. Д. Черного имеет важнейшее значение, так как существенно удревает известный нам процесс сложения шатрового зодчества. Если истоки этого явления все более определенно отодвигаются к XV в., то появление подобных построек во Пскове в первой половине XVI в. не является неожиданным.

В городе на р. Великой в первой половине XVI в., судя по всему, содалась благоприятная обстановка, как в отношении развития собственных строительных традиций, так и внедрения новшеств архитектуры. Преобладали творения местных мастеров. Похоже, что нововведения⁹⁴ не оказали в тот период немедленного

⁹⁰ Плешанова И. И. Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря // КСИА. Вып. 96. М., 1963, с. 113—115, рис. 35; Плешанова И. И.

Псковские архитектурные керамические пояса // СА. М., 1963, № 2, с. 217—219, рис. 5—6; Спегальский Ю. П. Псков. Л., 1978, с. 63—64, рис. на с. 65

⁹¹ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и этнографика. Т. XII, М., 1978, с. 64

⁹² Шалина И. А. Псковские звонницы и колокольни XVI в. Доклад, прочитанный 5 декабря 1983 г. на XII научном семинаре «Археология и история Пскова и Псковской земли» в ПИХАМЗ.

⁹³ Так на иконе «Сретение Богородицы» показана шатровая колокольня Пантелеймонова дальнего монастыря. Время ее построения неизвестно.

⁹⁴ Черный В. Д. Историко-географическая среда в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века. Рукопись дисс., л. 149—150, (предоставлена автором). Также письма В. Д. Черного от 29.12.83 и 17.01.84

⁹¹ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, с. 330

⁹² Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982, с. 273 и рис. 13

⁹³ Синодальный том Лицевого свода. ГИМ, Отдел письменных источников, с. 493

⁸⁴ К примеру, церковка под звонницей Козьмодемьянской церкви в Пскове, построенная после 1507 г. и являющаяся ранним образцом храма «под звоном» (Слегальский Ю. П. Псков. Л., 1978, с. 57)

⁸⁵ Романов К. К.

Влияние присоединения Пскова к Москве в 1510 г. на псковское строительство. Рукопись 1926 г. Архив ИИМК РАН, ф. 29, № 142, л. 31

⁸⁶ Псковские летописи.

Вып. I. 1941, с. 96, сл

⁸⁷ Василев И. И.

Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб, 1896, с. 67

радикального влияния на традиционное культовое зодчество, а существовали определенное время как бы самостоятельно. Объясняется подобный «параллелизм», видимо тем, что привносимые архитектурные приемы укоренялись в городе на р. Великой при посредстве новой, первое время социально обособленной, прослойки заказчиков-переселенцев из среднерусских городов, занявших в 1510 г. Средний город. Проводником новых воздействий были, несомненно, и представители московской администрации, выступавшие от лица своего государя. По подсчету К. К. Романова из 57 строительных работ, осуществленных во Пскове в 1518–1560 гг., 19, то есть 33% велось по указу великого князя⁸⁵. До 1510 г. Псков такой практики не знал.

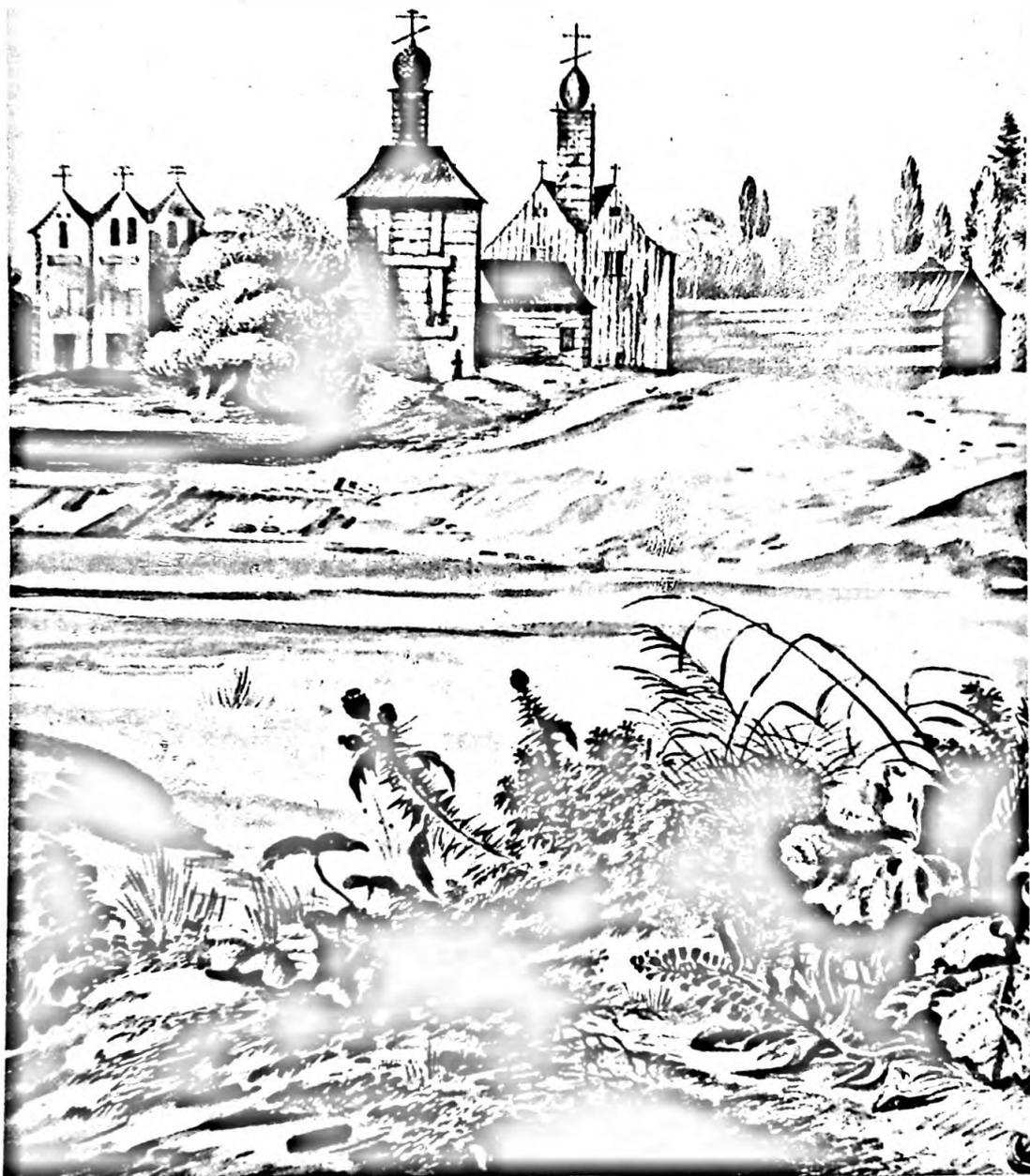
Строительным меценатом Пскова сразу после его воссоединения с Московским государством явился дьяк великого князя Мисюрь Мунехин. В 1510–1518 гг. он фактически своевольно управлял Псковом и областью, участвовал в походах, вел дипломатические переговоры и однажды даже предписал новгородскому архиепископу Макарию, сколько дней ему надо быть в городе⁸⁶. Мунехин по своему влиянию превзошел великокняжеских наместников, его имя на колоколах писали на втором месте после Василия III⁸⁷. Не случайно старец Елизарова монастыря Филофей одно из своих посланий о Москве — третьем Риме, после Василия III направил именно Мунехину. В конце концов, государев дьяк превысил свои полномочия. После смерти Мунехина в 1528 г. был произведен сыск и репрессированы его сторонники.

Мунехин выделяется как просвещенный человек своего времени и строитель. Даже по обрывочным сведениям, он много сделал для украшения псковских областных монастырей. При нем в Пскове появляются первые итальянские архитекторы-фрязины. Они чинят укрепления, с их помощью возводятся, надо думать, и первая в городе на р. Великойремячая башня, полностью приспособленная для огнестрельного боя. Судя по цитированной выше надписи на большом колоколе, Мунехин имел отношение к строительству церкви Вознесения в Снетогорском монастыре. Таким образом, можно объяснить архитектурный облик постройки, воплощавшей

московские, точнее общерусские вкусы.

Равным образом, и строительство церкви Евфимия как-то могло быть связано с заказом, благотворительностью или прямым пожертвованием средств представителем великокняжеской администрации, скорее всего тем же влиятельным деятелем М. Мунехиным.

Случайно или нет Витсен, будучи во Пскове, зарисовал особо приметные постройки, относящиеся по видимому, к одной строительной среднерусской школе и представляющие новые пути развития русской архитектуры первой половины XVI в. Это, в свою очередь, приводит к заключению, что среди псковских построек рано появились монументальные сооружения, свидетельствующие о передовых творческих исканиях зодчих Московской России.

НОВГОРОД И ЕГО ОКРУГА

I

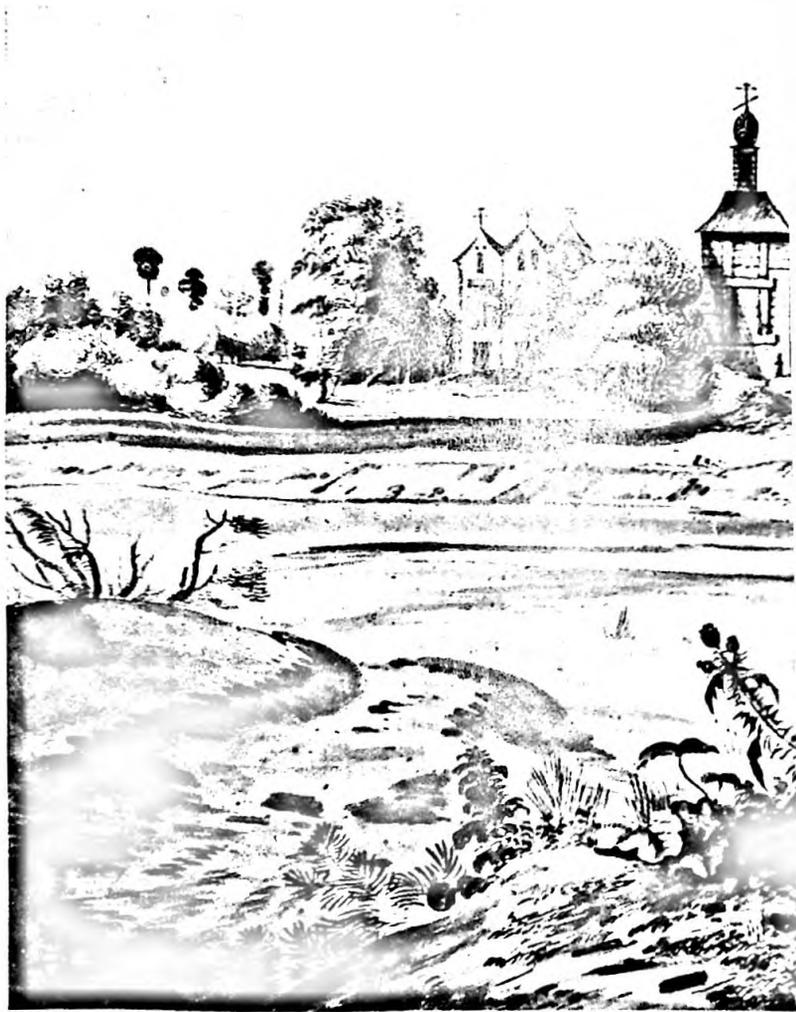
Голландское посольство 24 декабря 1664 г., миновав село Ракому, находившееся в 7 км к юго-западу от Новгорода, приблизилось к городу, который был уже виден издали. Однако, здесь путешественников задержали на два дня — власти не были готовы к их встрече. Через полгода в этих же местах Витсен оказался вновь, на обратном пути из Москвы домой. Тогда, 4–5 июня 1665 г., посольство, дожидаясь въезда в город, находилось в ближайшем к городу урочище — Рюриково Юродище. Во время одной из этих вынужденных остановок Витсен зарисовал панораму Новгорода с юга. Тогда же голландец эскизно воспроизвел находившийся на р. Варяже в 20 км к юго-западу от Новгорода Клопский Троицкий монастырь в обрамлении растений и густых зарослей.

Таким образом, можно думать, что оба рисунка выполнялись с натуры в декабре 1664 г. или июне 1665 г. Именно в это время художник находился неподалеку от избранных им объектов и имел время отобразить их на бумаге. О данных зарисовках, к сожалению, в своем дневнике Витсен не упоминает, что, видимо, объясняется дорожной спешкой. Замечается это и по одному из рисунков. Если изображение Новгорода имеет подписанное на обороте обозначение имени города, то рисунок монастыря — анонимен, и его опознание потребовало дополнительных розысканий.

На упомянутом анонимном рисунке распознается монастырь, состоящий из двух церквей, колокольни и хозяйственных служб и келий¹. Заметна незавершенность рассматриваемой композиции (рис. 28). На одном храме

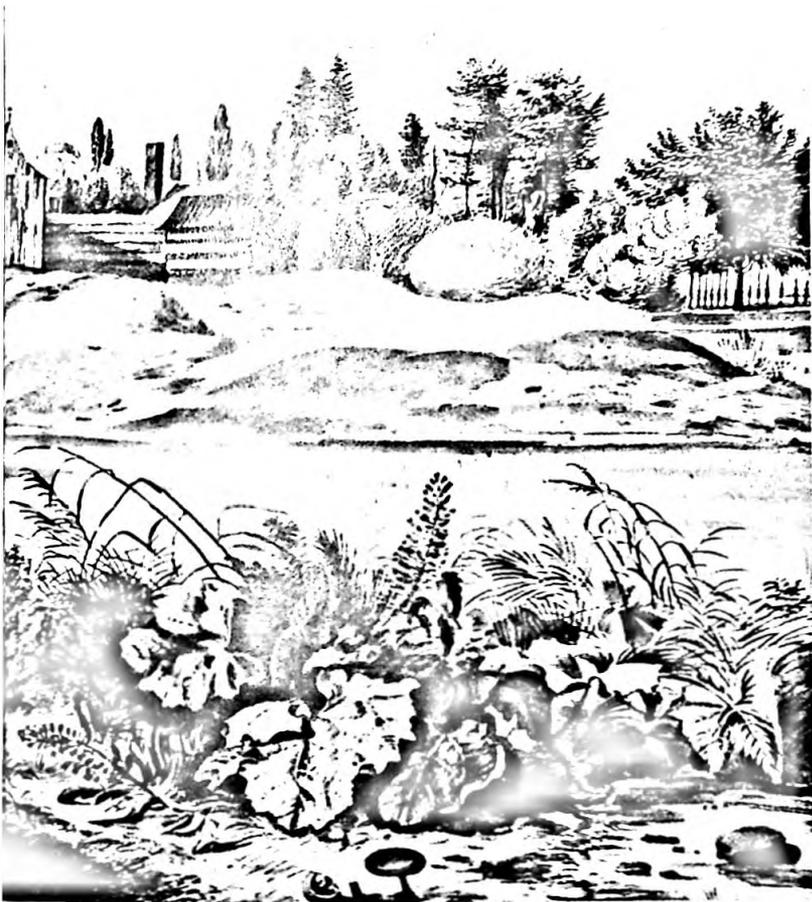
¹ Atlas Blaeu-Van der Hem. Bd. 24, Taf. 29, размер 66 x 41,8 см., два разворота, рис. тушью с размывкой

Рис. 27. Клопский Троицкий монастырь. Деталь

*Рис. 28. Клонский
Троицкий монастырь
у Новгорода.
Рисунок Н. Витсена.
Австрийская
Национальная
библиотека*

нет верха — представлен только основной объем с тремя треугольными фронтонами, другой — с одноэтажной пристройкой изображен довольно схематично. Такую незавершенность вряд ли можно объяснить состоянием самого комплекса. Скорее всего, речь идет об эскизе, который не был закончен сразу и дорабатывался по памяти. Так, главка церкви с пристройкой полностью прорезает восьмискатную кровлю здания, а проемы

колокольни как будто закрыты щитами и оформлены как декоративные ниши. В то же время, произведение Витсена не фантазия, оно обращает внимание своей конкретностью. Правдоподобны общее расположение построек, обращенных к зрителю западными фасадами, небольшая речка на переднем плане, а местность, на которой высятся здания — небольшая возвышенность (о всех этих подробностях мы еще вспомним ниже).

Витсен в своем дневнике не менее 13 раз при описании дороги от Печор до Клина упоминал о виденных им сколько-нибудь приметных монастырях. Три их них — Псково-Печерский, Снетогорский и обитель в Торжке — были им зарисованы: они или обозначены в подписи, или их удалось опознать по реальным деталям. Теперь перед нами еще одно неизвестное изображение монастыря. Естественно, следовало искать комплекс среди достопримечательностей, упомянутых в дорожных записях голландского путешественника. Все попугутные монастыри, насколько это возможно, были сопоставлены с рассматриваемой зарисовкой. Не приводя всех подробностей поиска, ограничусь его итогом.

Мое внимание привлек монастырь св. Троицы, отмеченный Витсеном при проезде села Ракомы и деревни Завал. Он назван большим, расположенным на острове, «в бухте озера, откуда берет начало река под названием Веряжа». По дороге в Новгород и далее в Москву, а затем на обратном пути из Москвы Витсен дважды проезжал это место и, несомненно, видел монастырь, различимый с дороги. Издатели дневника Витсена приняли упомянутые Витсеном монастыри за два самостоятельных, находящихся: один — в Троицком селе у Ракомы, другой — у Завала². Однако, в Троицком селе существовала только Троицкая церковь, а не монастырь³. Что же касается Завала, то в 1,5 км от этого населенного пункта действительно находится Клопский Троицкий монастырь. Сохранившиеся постройки монастыря, а также его описания и рисунки позволяют отождествить его с тем что, изобразил Витсен⁴ (рис. 28).

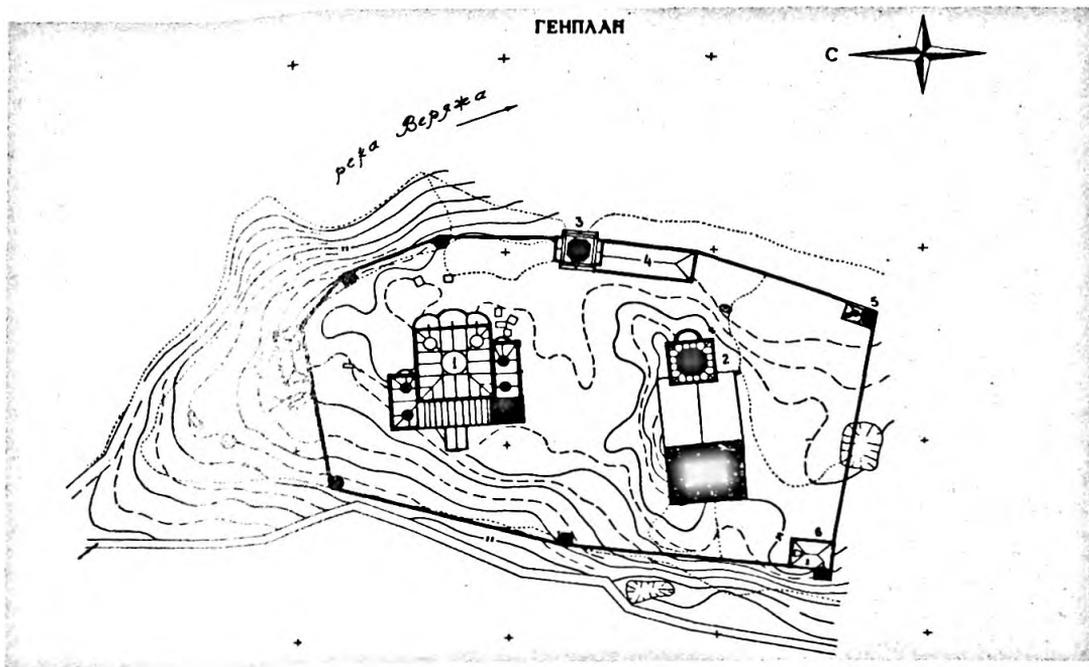
Клопский Троицкий мужской монастырь основан не позже 1408 г. Он расположен в 20 км к юго-западу от Новгорода, вблизи озера Ильмень, между р. Веряжей и ручьем, не имеющим названия, на небольшой возвышенности. В 1562 г. здесь на месте прежних, построены «повелением благочестивого государя царя и великого князя Ивана Васильевича» кирпичный храм св. Троицы и несколько позже Никольская трапезная церковь⁵. Обе постройки воплотили общерусские архитектурные черты, особенно сказавшиеся в облике главной церкви. Она была трехглавой четырехстолпной, трехапсидной,

² Село Ракома и деревня Завал разделены 15 км. Село Троицкое находится на берегу р. Ракомы, почти рядом с Ракомой. Троицкий Клопский монастырь располагается на дороге, соединявшей Завал и Ракому, ближе к Завалу
³ *Андрейшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914, с. 8

⁴ Благодарен за консультацию относительно Клопского Троицкого монастыря П. А. Раппопорту, Г. М. Штендеру, а также Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой, предоставившим географические материалы по архитектуре монастыря. Признателен Е. Н. Носову относительно сведений о географии Поозерья и истории его некоторых населенных пунктов.

⁵ *Макарий, архимандрит.* Археологическое описание, с. 474 сл.;

Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Л., 1939, с. 208–209

окруженной четырьмя приделами.

Фасады здания завершались фронтонами-палатками (рис. 30), как явствует из изображения на фресковой росписи конца XVII в. на южной стене придела Михаила Клопского. Что касается трапезной церкви, то она включала одностолпную палату, соединявшуюся с более высоким массивом собственно храма, который в XVII в. имел восьмискатное покрытие и увенчивался глухой главкой (что предполагает сферический свод самого здания)⁶. Между храмами высилась колокольня.

По описи 1617 г. в монастыре значилось две церкви, «колокольница каменная», келья, служня, житницы, коровий и конюшенный дворы⁷. Каменные постройки вряд ли изменились к 1661 г., когда монастырь зарисовал художник австрийского посольства А. Мейерберга (рис. 31)⁸. Рисунок Витсена, как подчеркивалось выше, незавершенный, отличается от австрийского большей схематичностью: не показаны завершение главного храма, его приделы, зато отображены архитектурные и ланд-

Рис. 29. Троицкий Клопский монастырь. Генеральный план. 1991 г. Новгородский филиал Института «Спецпроект-реставрация».

1 — Троицкий собор 1562 г.,
2 — Трапезная с церковью Николая XVI в.,
3 — колокольня 1805 г.,
4 — братский корпус 1806–1807 гг., 5 — восточная стена ограды с воротами и остатками башни и келий 1803 г., 6 — юго-западная башня начала XIX в., 7 — гостинный корпус начала XIX в.

⁶ Ср. Каргер М. К. Новгород. М.—Л., 1970, с. 186

⁷ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1, М., 1984, с. 97

⁸ Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб, 1903, рис. 17

шафтные подробности, позволяющие подтвердить правильность предложенной атрибуции. Действительно, Клопский монастырь, изображенный Витсеном, находился на небольшом всхолмлении, которое при подъеме воды превращалось в остров. На переднем плане рисунка показана небольшая речушка — безымянный ручей. Именно с этой, западной, стороны мимо «Клопска» проезжало голландское посольство. Если сравнить рисунок Витсена с видом, открывающимся с проезжей дороги, то местоположение основных построек монастыря на его листе вполне точно. Воспроизведено трехципцовое завершение фасада храма св. Троицы, что соответствовало его перекрытию «палатками». Именно такой тип перекрытия храма мы видим на рисунке 1661 г. и на упоминавшемся фресковом изображении монастыря конца XVII в.⁹ Фасад Троицкой церкви разделен на три части, соответствующие ее внутреннему членению. Двойные ниши, обозначенные в средней части здания, возможно, являются следами настенных киотов, характерных для сооружений того времени¹⁰.

Вторая каменная церковь с примыкающей к ней трапезной палатой — образец монастырского здания, тип которой зафиксирован в Новгороде, начиная с XV в.¹¹ На рисунке Витсена нет монастырской ограды (ее соорудили где-то в конце XVII в.), видны деревянные строения — все, видимо, существовавшие в действительности. Не вполне объяснимым является наличие колокольни, находящейся не у главного храма св. Троицы, а у трапезной церкви, и возможно, даже с ней сочлененной. В культовой архитектуре второй половины XVII в. такие примеры, однако, известны¹².

Клопский монастырь, видимо, производил своими постройками, фактически построенными по единому замыслу в 60 гг. XVI в., глубокое художественное впечатление. Это впечатление графически и пытался передать Витсен. Представительность реалистических подробностей позволяет не только опознать, но и оценить возвращенное культуре XVII в. графическое произведение.

⁹ Сравним также проект реконструкции Клопского монастыря, выполненный архитектором Л. Е. Красноречьевым (Материал Новгородского филиала института "Спецпроектреставрация").

¹⁰ Каргер М. К.

Новгород, с. 230

¹¹ Гладенко Т. В. и др.

Архитектура, с. 247

¹² Каргер М. К.

Новгород, с. 233

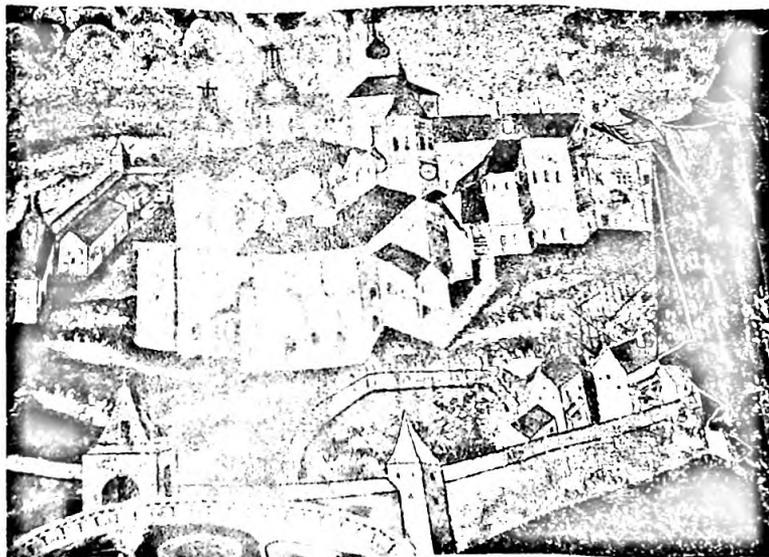

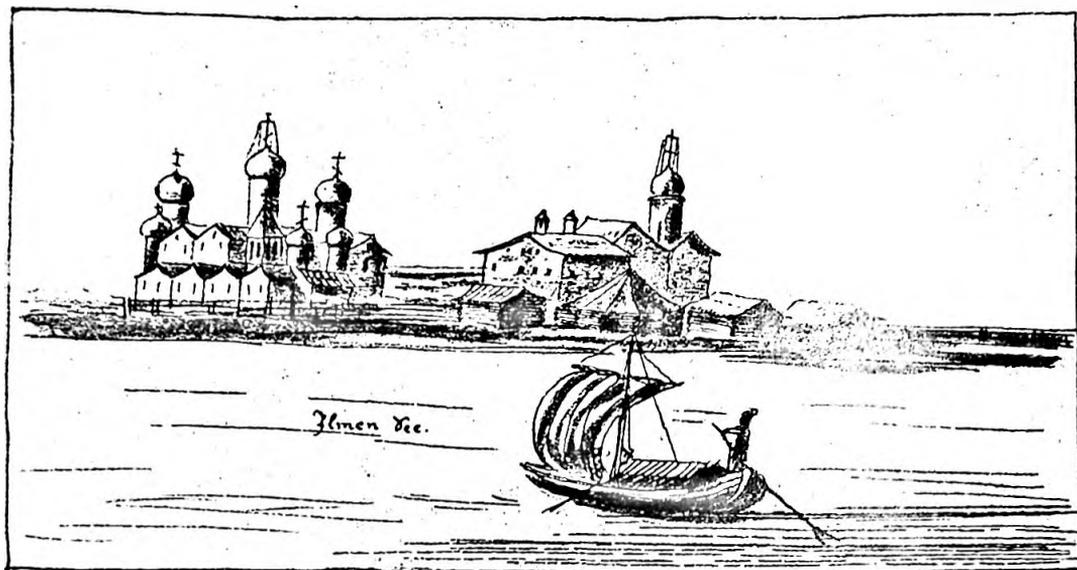
Рис. 30. Фрески на стене придела Михаила Клопского Троицкого собора. Конец XVII — начало XVIII вв. (фотография Новгородской реставрационной мастерской)

II

Обратимся теперь к впечатлениям Витсена от Новгорода, в котором он в декабре 1664 г. и июне 1665 г. пробыл в общей сложности 10 дней. Впервые город на Волхове открылся Витсену 26 декабря 1664 г., когда голландцев, подъехавших с юго-запада по псковской дороге к его Софийской стороне через нее не пропустили, а повезли в обход мимо наружных укреплений до их северной оконечности. Здесь посольский кортеж повернул на юг и берегом Волхова достиг моста, соединявшего Софийскую и Торговую стороны. На Торговой стороне, которую Витсен называет внешним городом или пригородом, гостей провели в Посольский двор, помещавшийся, как известно, на Большой Славенской улице¹³.

По сравнению с псковскими записи Витсена о Новгороде конспективны и менее подробны. Условия пребывания голландцев в городе на Волхове были более жестокими, чем во Пскове, со всякого рода ограничениями и строгостями. Власти стремились контролировать каждый их шаг: гостей не подпускали ни к реке, ни к укреплениям, ни к мосту через Волхов, ни, вероятно, к церквям. Ходили они только по Торговой стороне в окружении

¹³ Местоположение Посольского двора устанавливается по плану Э. Пальмквиста, который был в Новгороде в 1673 г. (Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // МИА, 31, М., 1952, рис. 11)

Die Heilige Dreifaltigkeit ein Kloster in Rußland darinnen dreußig mün,
che sind, lieget am Flumen Dec zwey meilen von Großnügarten.

Рис. 31. Клопский
Троицкий монастырь.
Вид с юго-запада.
Рисунок из альбома
А. Мейерберга. 1661 г.

15–16 стражников, Кремль и Софийская сторона города были для них недоступны. Не пропустили их и к проживавшему в Кремле воеводе.

Для того, чтобы добиться послаблений своего режима, посол и его свита попробовали льстить своим хозяевам, ссылаясь на открытость Нидерландов, где русским послам показывают все, вплоть до воинского снаряжения. При этом голландцы не скупились на похвалы городу, стране и царю. Однако, ни похвалы, ни просьбы, ни требования ни к чему не привели. На все давался стандартный ответ: «Такова воля Великого государя». Приходилось довольствоваться случайно увиденным, а иногда и подсмотренным.

Все эти обстоятельства объясняют, почему замечания Витсена о Новгороде, его топографии, постройках, населении имеют слишком общий характер. Урывками довелось ему познакомиться с расположением городских

районов, увидеть части укреплений с их деревянными и каменными башнями. Разглядывая издали Кремль, Витсен отметил его побеленные стены, золоченую главу Софийского собора, сотню домов внутри (возможно, по рассказам). Окружность Новгорода Витсен определил в 3 часа ходьбы, что приуменьшено. Иностранцы, видевшие город на Волхове в XVII в., писали, что окружность его стен составляла около мили¹⁴. На основании описей города второй половины XVII в. устанавливается, что периметр наружных стен каждой из его двух частей составлял около 5,5 км, а общая протяженность фортификаций, включая Кремль, Земляной город, Торговую и Софийскую стороны, приближалась к 13 км¹⁵. По длине своих оборонительных сооружений Новгород являлся крупнейшим городом средневековой Европы.

Значительную часть новгородских записей Витсена занимают описания церемоний и быта посольства, местных церковных обрядов, вида русского войска. Витсен наблюдательно отмечает разнородное вооружение солдат, горожан и сельских ополченцев, их одежду, музыкальные инструменты, цвет одеяний полков, количество увиденных подразделений: знамен, рот, полков. Бросились ему в глаза и старые голландские мушкеты, уже отмененные на их родине¹⁶.

Как бы ни скупы были сообщения Витсена о Новгороде, некоторые из них обладают определенной исторической документальностью и познавательностью. Таковы строки дневника о великолепии, богатстве и размахе торговли Новгорода, который напоминает Лондон, о том, что мост через Волхов сходен с Амстердамским и не уступает лондонскому через Темзу, о торговой стороне с ее хорошими рынками и лавками изобилующими всякими товарами. Упомянул Витсен также Шведский и Любекский торговые дворы, которые находились через улицу (Славную) один почти против другого и были разделены лишь караульной будкой. Первый был построен около 1626 г., второй основан на месте немецкого двора в 1603 г. Оба двора — традиционные места международной торговли — показаны на плане Э. Пальмквиста и ныне локализованы топографически¹⁷. Эти данные полностью подтверждают сообщение Витсена о взаимном

¹⁴ *Ерлезунда Петр Петрей. История о великом княжестве Московском. М., 1867, с. 46 (малая миля); Олеарий А.*

Описание путешествия в Московию, с. 124 (миля); Ловягин А. М.

Альбом Мейерберга. СПб., 1903, с. 22 (одна немецкая миля); Пальмквист Э.

Краткое описание города Новгорода и его местоположения (в окружности больше мили).

См. Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения, с. 132

¹⁵ Новгород Великий в XVII в.

Документы по истории градостроительства. Ч. II, М., 1986, с. 191 и 203

¹⁶ Европейским мушкетам с начала последней четверти XVI в. были присущи значительная длина (до 170 см), относительно крупный калибр, массивное ложе, тяжелый расширяющийся на конце приклад. Все эти признаки отличали эти мушкеты от более легких и компактных образцов ручного огнестрельного оружия зрелого XVII в. (ср. *Тарасюк Л. И. Из истории русского огнестрельного оружия XVI-XVII вв. // СА, 1965, 2, с. 120*)

¹⁷ *Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв. М., 1986, с. 85, сл., рис. с. 22*

местоположении этих дворов. Также точно подтвердился и еще один факт, сообщенный Витсеном, а именно, о восстановлении крепости. Речь идет о капитальном ремонте Окольного города Торговой стороны, осуществленном в 1665–1667 гг.¹⁸ свидетелями которого стали голландцы.

Характерная особенность показаний Витсена: он нигде не пишет о разрушениях и развалинах, характерных для Новгорода первых десятилетий XVII в. Видимо, к моменту приезда голландцев следы былой разрухи были уже незаметны, во всяком случае, не бросались в глаза. Преобладающая часть сведений о Новгороде — это невыдуманные, откровенные, порой критические свидетельства очевидца. Лишь немногие включения об Антониевом монастыре, легенде о плавании его основателя на жернове, языческом идоле и Перынь-Богородицкой церкви, где якобы он хранился, новгородском митрополите, одним из выборщиков патриарха, носят заимствованный характер. Они привлечены скорее всего в ходе последующей литературной обработки дорожных записей и повторяют то, что в Западной Европе было достаточно широко известно по книгам о России С. Герберштейна и А. Олеария¹⁹. Так Витсен, ссылаясь на русские хроники и античного автора III в. н. э. Ю. Юстиуса, воспроизводит с небольшими отклонениями версию Герберштейна о новгородских холопах, побежденных с помощью кнутов своими господами. В летописях такого рассказа нет; свое начало он ведет, вероятно, от Геродота, передающего подобную историю про скифов²⁰. В Новгороде старинная легенда оказалась, однако, не столь уже фантастической. Сравнимые с Холопьем горой средневековые Холопы городки зафиксированы на Волхове, неподалеку от Новгорода, и на Мологе²¹. Новгородские холопы, действительно, принимали участие в строительстве таких крепостей, что, в частности, устанавливается известием летописи о том, что в 1342 г. новгородец Лука Варфоломеев «скопив с собой холопов збоев, и поеха за Волок на Двину, и постави городок Орлицу» (Орлеу)²². О былой холопьем активности Витсену могла напомнить и топонимия некоторых мест Новгородской области.

¹⁸ Янин В. Л. Чертеж Пальмквиста и его место в истории новгородских фортификаций // Русский город. Вып. 3. М., 1980, с. 99–100, сл.

¹⁹ Ср. Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб, 1908, с. 118–119; Олеарий А.

Описание путешествия в Московию, с. 126, 129, 328

²⁰ Герберштейн С. Записки, с. 340

²¹ Благодаря Е. Н. Носова за его консультацию о его исследованиях Холопьяго городка на Волхове. Е. Н. Носов обратил мое внимание на то, что в районе упомянутого городка находится р. Рабейка и озеро Холопье. Н. Витсен не вполне точно указывает в данном месте Холопью реку.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 355

В целом, комментированное сообщение Витсена — одно из наиболее подробных иностранных свидетельств о Новгороде XVII в., привлекает рядом своих непосредственных, подлинных показаний и деталей. Это впечатление усиливается при рассмотрении сделанного голландцем рисунка города.

III

Новгород открылся Витсену из района Николо-Лятского монастыря, который находился на правом берегу р. Жилотуг, в том месте, где эта река берет свое начало из Волхова²³. Возможно, что этим местом был один из островков, располагавшихся в те времена посередине реки Волхов. На переднем плане рисунка показана, кажется, оконечность такого островка. Как бы то ни было, с избранного участка берега была хорошо видна вся южная часть города в полосе длиной примерно 2,5 км. Вид Новгорода захватил художника своими размерами и обилием построек. Не случайно, из всей коллекции рисунков Н. Витсена, рассматриваемый — самый значительный, его длина составляет почти 200 см. Изображение занимает шесть разворотов и окончательно оно отделялось, очевидно, не сразу, а позднее, по возвращении его создателя на родину²⁴ (рис. 32, 33).

Авторство рассматриваемого произведения доказывается гравюрой «Новгород», приложенной к французскому изданию 1719 г. книги А. Олария «Описание путешествия в Московию». На гравюре — явно несколько дополненной копии венского рисунка, имеется надпись *N. Witsen delineavit*, т. е. «Н. Витсен рисовал»²⁵ (рис. 34).

Панорама Новгорода, запечатленная Витсеном, представляет большой документальный интерес и, кроме того, знакомит с творческим восприятием художника и методами его работы. Новгород предстает привольно раскинувшимся у воды. Русло реки Волхов явилось своеобразной осью панорамы. С учетом того, что река, протекая через город, несколько изгибается, задний план рисунка представляется единым, хотя в действительности он разделен скрытым от зрителя речным пространством. Голландский путешественник стремился показать огромный город акцентируясь на отдельных объемах и

²³ Толстой М.

Святые и древности Новгорода. М., 1862, карта окрестностей Новгорода. Любезная консультация Е. Н. Носова.

²⁴ Atlas Blaeu-Van der Hem, Bd. 24, Taf. 28, шесть разворотов, размер 195 x 45,6 см, рисунок тушью с размывкой. На обороте надпись карандашом «Новгород».

²⁵ Гравюра

несомненно выполнена с рассматриваемого нами рисунка, но по сравнению с ним имеет отступление. Изменены подступы к городу — местами вместо воды нарисована суша, на заднем плане показаны некие горы, более условно и схематично воспроизведены некоторые сооружения. Становится очевидным, что по сравнению с рисунком гравюра вторична и ради занимательности дополнена экзотическими подробностями, особенно, что касается человеческих фигур и кораблей на ее переднем плане. Размер гравюры в книге из собрания БАН; 42 x 29 см

уделяя особое внимание архитектурным вертикалям. Юродской пейзаж насыщен монументальными постройками; они местами теснят друг друга, все вместе образуя ряд устремленных ввысь зданий: башен, церквей и монастырей. Для усиления эффекта картины пропорции построек удлинены, запечатленные сооружения заметно возвышаются над крепостными стенами. В череде башен, храмов и колоколен почти не видно жилых домов. Новгород представляют лишь внушительные, масштабные, в большинстве своем, каменные сооружения. Рельеф городского пейзажа передан, видимо, несколько несооразмерно. Так, массив Кремля почти не выделяется на местности (как это заметно, например, на рисунке Новгорода из альбома А. Мейерберга²⁶). Его стены почти сливаются или просто стыкуются со стенами окружающего Окольного города Софийской стороны. Кажется, что некоторые сооружения несколько увеличены, т. е. расположены ближе к художнику, чем то было на самом деле.

²⁶ Мейерберг А.,
Виды и бытовые картины.
рис. 18

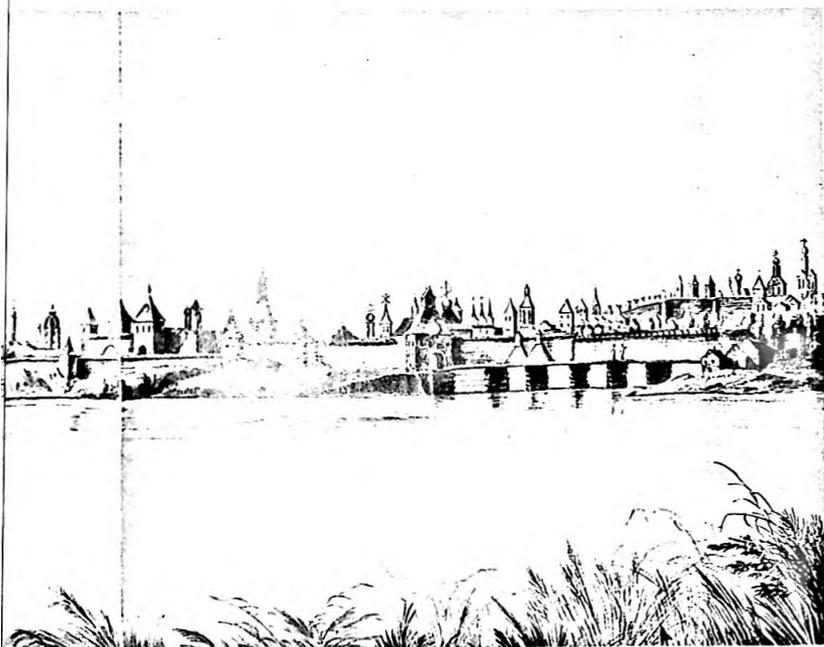
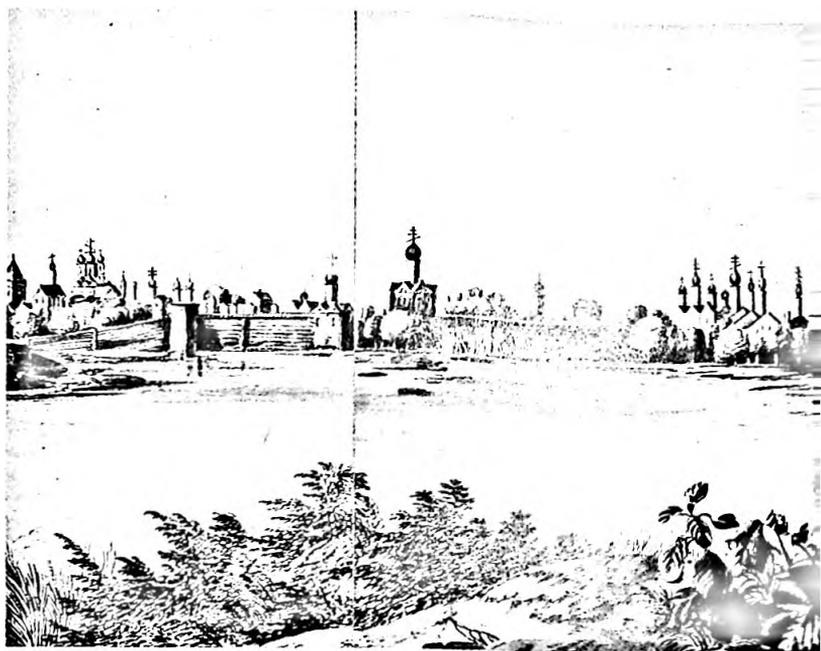

Рисунок Витсена Новгород отнюдь не путеводитель по городским кварталам. Некоторые постройки для мест их расположения вполне реальны, но условны и поданы скорее как некие символы, заполняющие пространство. Не обязательно в каждом из этих сооружений искать полное соответствие действительности. Перед нами оригинальная художественная интерпретация вида города. Здесь можно увидеть и зашифрованные обозначения, и достоверные детали, и вполне реалистические архитектурные комплексы. К примеру, у большинства храмов Новгорода показаны щипцовые фронтоны, что как раз и было характерно для XVI–XVII вв. Наоборот, позакомарные или трехлопастные покрытия — наследие предшествующих времен — на рисунке закономерно, за редчайшим исключением отсутствуют. Новгород Витсена поражает своим величием, обилием построек и их манящей привлекательностью. В достаточно ограниченной иконографии Новгорода XVII в. панорама Витсена — редкое и ценное произведение²⁷.

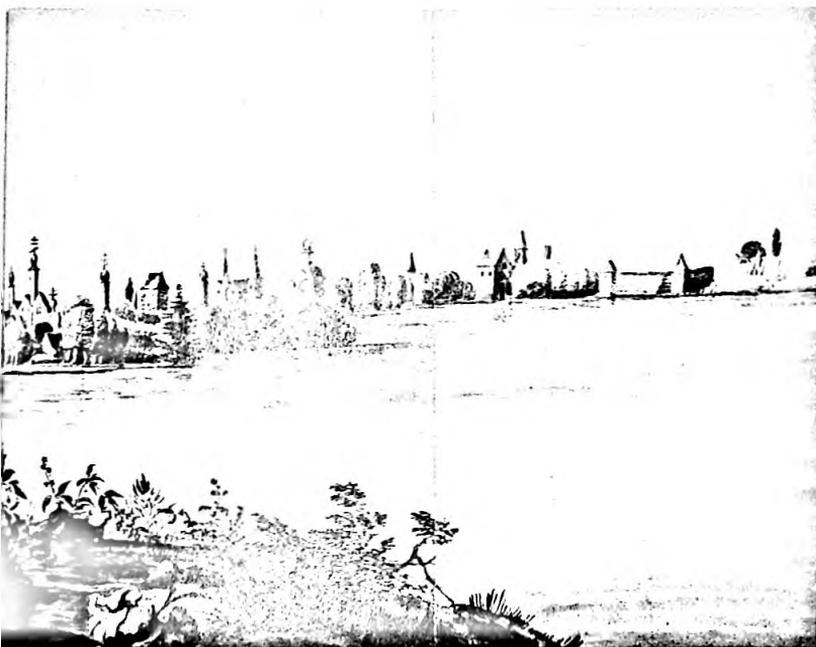
*Рис. 32. Новгород.
Рисунок Н. Витсена.
Австрийская
Национальная
библиотеки
(левая часть)*

²⁷ Благодарю В. Л. Янина, Г. М. Штендера, П. А. Раппопорта, Н. Н. Кузьмину и Л. А. Филиппову за любезные консультации относительно рассматриваемого рисунка Витсена «Новгород». Также Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Новые данные об оборонительных укреплениях Новгорода // ИИС. 3/13, 1989, с. 124, сл.

Левая часть рассматриваемого рисунка представляет Софийскую сторону Новгорода. На переднем плане видны деревянные крепостные стены Окольного города, которые тянутся вплоть до Алексеевской (?) каменной пятирусной башни. Она, как известно, сохранилась. По данным XVII в., ее поперечник составлял около 17 м, а высота с шатром около 27 м. В 1657 г. при восстановлении башни «сверх зубцов нарублено кругом в две стены вверх по осми венцов»²⁸. На рисунке эта башня не точно показана четырехугольной, но ее окошки-зубцы не примыкают вплотную к нижнему обрезу шатра, а показаны, как если бы над ними действительно была деревянная надстройка. Алексеевская башня находилась у южной оконечности укреплений Софийской стороны, а в северной части той же стороны ей соответствовала сходная с ней по конструкции каменная Петровская башня. Она, к сожалению, не сохранилась, но по свидетельству описей XVII в. можно установить, что вместе с шатром она возвышалась примерно на 25 м, а в поперечнике

²⁸ Новгород Великий в XVII в. Ч. I, с. 103, ср. Ч. II, с. 182–183

равнялась около 17 м. Оказалось, что и это, несомненно приметное в городском пейзаже, сооружение усматривается на голландском рисунке. Петровская башня видна в центре композиции за островком с деревянными домиками. Как и Алексеевская, она неточно показана четырехугольной. Возможно, грани башни — результат позднейшего домысла художника. В 1657 г. верх Петровской так же как и Алексеевской башен был надстроен деревом высотой в сажень²⁹. Эта надстройка снаружи, видимо, была настолько заметна, что показана на рисунке. Таким образом, Витсен в том или ином виде отобразил крайние высотные доминанты укреплений Софийской стороны и тем самым полностью обозначил ее фасад, обращенный к р. Волхов.

Наиболее подробно оборонительные сооружения этой части города представлены в левой части рисунка. Только на незначительной своей протяженности они закрыты от зрителя двумя каменными храмами Воскресения (1195–1196 гг.) и Ивана Милостивого (1421 г.) Воскре-

*Рис. 33. Новгород.
Рисунок Н. Витсена.
Австрийская
Национальная
библиотека
(правая часть)*

²⁹ Новгород Великий
в XVII в. Ч. I, с. 13;
Ч. II, с. 189

сенского женского монастыря на Мячине. Видно, что стены Окольного города устроены почти у самой воды или на невысоком валу и перемежаются тремя шести-гранными башнями и одной четырехугольной, расположенной на одном из бастионов Малого земляного города³⁰. Все эти башни распределены в порядке, соответствующем описаниям, выполненным в первой половине и середине XVII в.³¹ В 1665–1667 гг. данные укрепления были капитально отремонтированы и изменились. В частности, на участке, зарисованном Витсеном, была передвинута на новое место одна четырехугольная башня. Следовательно, Витсен зафиксировал состояние оборонительных сооружений до перестройки 1665–1667 гг.

Наименования деревянных башен, воспроизведенных на голландском рисунке, следующие, слева направо: Лебязья, Троицкая, Наугольная и, наконец, Спасская-Новинская. Последняя относилась к Малому земляному городу. Пролет стены между Наугольной и Спасской-Новинской перекрывал ров Малого земляного города, а такой же пролет между Спасской-Новинской и Дворцовой (последняя не видна — подступы к южной части Кремля). Все упомянутые башни, за исключением Наугольной, судя по упомянутым документам XVII в., были воздвигнуты на прежних местах в 1665—1667 гг. Они строились, по-видимому, трехъярусными, а в поперечнике составляли не менее 2,25–3 сажений³². Примыкавшие к ним прясла стен практически были равновелики башням (в 1675 г. эти прясла описаны составляющими лишь четверть высоты башен). Таким образом, рисунки Витсена в части воспроизведения стен и башен Окольного города Софийской стороны достоверны и подтверждаются сведениями письменных документов.

На рисунке Витсена хорошо распознаются сооружения Кремля, слишком заметного, чтобы не привлечь особое внимание художника. Повышенный интерес для исследователя, естественно, представляют постройки, которые ныне не сохранились или существенно перестроены. Отметим их. Рядом с Большим (Волховским) мостом различимы две башенки Тайничного городка, в котором помещался колодезь для снабжения Кремля водой. В соседстве с ними показана рухнувшая в 1745 г.

³⁰ Там же, рис.

«Реконструкция крепостных сооружений Новгорода на 1665–1667 гг.»

Авторы Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова.

На экспликации: Малый земляной город — 2.

В 1660 г. укрепления Окольного города Софийской стороны насчитывали 20 башен, Малого земляного города — 11 башен.

³¹ Новгород Великий в XVII в. Ч. I, с. 12, сл.

³² Новгород Великий в XVII в. Ч. I, с. 16 и 71; Ч. II, с. 176–182;

ср. Янин В. Л.

Чертеж Пальмквиста, с. 105

Пречистинская воротная башня с часами и караульней, увенчивающей шатер. Далее в южной части Кремля располагаются башни: Борисоглебская (ныне не сохранилась), Спасская воротная, Княжная, Раскат (Кокуй). Неподалеку от Спасских ворот высится полузатененная церковь Образа Спаса, находившаяся в черте Малого города (не сохранилась).

Весьма подробно изображены четырехрусные Пречистенские ворота. В год выполнения Витсенем его рисунка их начали перестраивать. Таким образом, художник запечатлел востройку, вскоре существенно изменившуюся в своих верхних частях (на верху появились надстройка для часов и, кроме центрального, два малых боковых шатра)³⁵. Характерно внимание Витсена к деталям сооружения. На фасаде башни он обозначил четыре окошка, что соответствует указанию описи 1667 г. о том, что «в той же башне на каменном своде (воротного проезда — А. К.) у решетчатого подъема (т. е. подъемной решетки) 4 окна»³⁴.

Выше упоминался Тайничный городок — иначе, деревянная крепость-колодец, расположенная у Тайничных ворот Кремля. Источники второй половины XVII в. отмечают в Кремле четверо водяных ворот³⁵, но лишь одни из них, Тайничные, были связаны со скрытым забором воды из Волхова³⁶. Следует при этом учесть, что в самом Кремле долгое время колодцев, по-видимому, не было. Тайник впервые упомянут в дошедшем до нас источнике 1638 г. уже существовавшим. Очевидно, его место казалось уязвимым и тогда здесь, вокруг колодца, построили выступающую в сторону Волхова крепостцу с двумя деревянными башнями. В описях Новгорода XVII в. Тайничный «город рубленной» детально описан и мы узнаем о его размерах, устройстве башен, даже направлении пищальных и пушечных бойниц³⁷. На рисунке Витсена часть «городка» скрыта мостом. Видны верхи двух башен с караульнями. По данным описи 1667 г., эти башни достигали 22 м³⁸.

Внутри изображенного Витсенем Кремля можно опознать шатровый верх часозвони. Построена она, как известно, в 1443 г., но в 1671 г. рухнула. Если ее видимое на рисунке покрытие первоначально, то речь идет о древ-

³⁵ Новгород Великий в XVII в. Ч. 1, с. 111–112; Монгайт А. Л.

Оборонительные сооружения, рис. 18

³⁴ Новгород Великий в XVII в. Ч. 1, с. 112

³⁵ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения, с. 91

³⁶ Отчетливо Тайничный городок показан на иконе «Богоматерь-Знамение» начала XVIII в.

из Михайловской церкви (Монгайт А. Л.

Оборонительные сооружения, рис. 17)

³⁷ Новгород Великий в XVII в. Ч. 1, с. 89, 102, 125

³⁸ Там же, с. 125

Рис. 34. «Новгород
город Московии».
Гравюра по рисунку
Н. Витсена

нейшей на Руси шатровой постройке. Вопрос этот требует дальнейших розысканий. В южной части Кремля выделяется звонница Софийского собора с тремя шатрами. Она была заложена в XV в. и долгое время оставалась трехпролетной.

Обратимся к правой части рисунка Витсена, представляющей Торговую сторону Новгорода. Ее панорама замыкается воротной башней и, далее, двумя башнями меньшего размера. Речь идет, по-видимому, о каменной проезжей Павловой (Воскресенской) башне и деревянных Варецкой и безымянной глухих башнях. В 1667 г. Павлова башня описана трехъярусной с шатровым верхом и предвратными боевыми выступами — «быками». На нашем рисунке покрытие башни иное — словами новгородской описи, «тесом на две стороны», а предмостных укреплений не видно³⁹. Витсен, похоже, зафиксировал эту постройку до капитального ремонта, начавшегося в 1665 г.

На переднем плане Торговой стороны различаются укрепления, находящиеся на берегу р. Волхов. С одной стороны, они ограничены зоной Волховского моста, с другой, некой, по внешнему виду каменной, четырехугольной башней. Последняя имеет зубцы, навесной бой, видна также воротная проезжая арка. Своей боковой стороной сооружение обращено к Волхову. Зафиксированная на рисунке башня расположена таким образом, что справа от нее видна группа храмов, включающая, очевидно, церковь Воскресения Павлова монастыря и соседние с ней церкви Зачатия и Апостола Якова, а слева — еще одна группа храмов, вероятно, церкви Петра и Павла на Славне (1367 г.) и Ильи на Славне (1198–1202 гг., перестроена в 1455 г.). С того места, где мог находиться художник, зрительно разделяла обе группы культовых построек именно Славенская башня. Она была проезжей и находилась на крайнем южном изгибе стен Торговой стороны, в месте впадения ручья Тарасовец в Волхов⁴⁰. Обозначенный на рисунке обнаженный бок Славенской башни объясним тем, что примыкавшие к ней со стороны Волхова, построенные в 1632–1634 гг.⁴¹, бревенчатые стены протяженностью 412 саженей согласно отписки 1649 г. подмыло и они «вывалились в воду»⁴².

³⁹ Там же, с. 137–138.

По нашим данным описей с конца XVI — начала XVII в. на Торговой стороне Новгорода было 38 башен и раскатов и 16 ворот. В их числе было три каменных и шесть полукаменных полудеревянных башен (Новгород Великий в XVII в. Ч. I.)

⁴⁰ Говоря более точно, на самом углу этой части фортификаций, в 10 саж. от Славенской находилась еще одна башня. Позже 1626 г. она в документах не упоминается.

⁴¹ Янин В. Л. Чертеж Пальмквиста, с. 103

⁴² Новгород Великий в XVII в. Ч. I, с. 88

В защите Торговой стороны образовалась значительная брешь, которую к моменту приезда Витсена еще не успели заделать.

Судя по описям Новгорода 1626–1650 гг., Славенская воротная башня была «большой четверостенной», в плане практически квадратной (5 x 5 саж.)⁴³. В документе 1667 г. после своего ремонта она представлена четырехъярусной⁴⁴, возможно, такой она была и в предшествующее время. На рисунке башня имеет верхние зубчатые бойницы, что может быть сопоставлено только с каменной, а не с деревянной конструкцией. Витсен изобразил башню четырехугольной, а в 1667 г. она описана шестиугольной. Следовательно, рисунок Витсена передает укрепления этой части Торговой стороны такими, какими они были до их капитального ремонта в 1665–1667 гг. Действительно, фортификации Торговой стороны мы видим сохранившимися частично, не везде заметна и их кровля. Словом, укрепления нуждались в значительном ремонте, что и произошло в 1665–1667 гг. Проезжая на обратном пути через Новгород в июне 1665 г., Витсен, видимо, застал начало этих работ и отметил в дневнике, что в Новгороде заняты восстановлением разрушенной крепости. Итак, изображение Торговой стороны Новгорода воспроизводит ситуацию 1650 — начала 1660 гг., что можно подтвердить еще одним примером.

На участке между Славенской башней и Волховским мостом в первой половине XVII в. по свидетельству описей размещалось 7 «глухих» деревянных башен и трое средистенных ворот. В 1649 г. их собирались подновлять, но в том же году береговые укрепления подмыло и они упали в воду.

В 1665–1667 гг. здесь построили новые укрепления, совершенно отличавшиеся от прежних. Они включали только одни проезжие ворота и две башни: Михайловскую воротную и Наугольную у Арсеньева монастыря. Часть берега осталась открытой, так как от «Арсеньева монастыря до Волховского мосту река Волхов замерзает с перезимья на малое время, а всю зиму не мерзнет»⁴⁵. Иными словами, новгородцы отказались от многобашенной системы обороны Торговой стороны вдоль берега

⁴³ Там же, с. 22, 74, 88 и 92

⁴⁴ Там же, с. 138

⁴⁵ Там же, с. 140

Волхова, считая ее достаточно недоступной и безопасной. Все сказанное имеет отношение к истолкованию видимой на панораме Витсена деревянной, скорее всего, «глухой башни» (она повернута боком). Вероятнее всего, это одна из безымянных четырехугольных башен, уцелевших после обрушения в воду в 1649 г.⁴⁶ Примерно на этом месте к 1667 г. будет отстроена Михайловская башня.

Торговая сторона, как и Софийская, насыщена церковными постройками. Узнается многоглавый Николо-Дворищенский собор (1113 г.)⁴⁷. Обращает на себя внимание небольшой храм, находящийся перед крепостной стеной, на самом берегу р. Волхов. Нет уверенности, что мы видим деревянную церковь Рождества Богородицы Арсениева монастыря, сооруженную около 1562 г.⁴⁸. Эта постройка входила в состав сооружений Ярославова дворища, располагалась близко к берегу реки, но нет указаний о ее нахождении за пределами укреплений. Трудно с точностью атрибутировать и крупную церковь, показанную в центре Торговой стороны. Сопоставима ли она с несохранившейся ныне церковью Святых отцов Ярославова дворища или с храмами Филиппа Апостола на Нутной улице (каменный с 1383–1384 гг., обновлен в 1526 г.); Знамения (переделан в 1682–1688 гг. на месте построенного в 1355 г.) или какими-либо другими, покажут будущие поиски.

Среди определяемых мест и построек Торговой стороны можно отметить «государев сад», расположенный перед Николо-Дворищенским собором, а также две высокие башни, крытые двускатными кровлями, по терминологии XVII в., «палаткой». Думаю, что это верхи крепостных башен. «Описание и роспись ремонта деревянного города на Торговой стороне» 1667 г. подтверждает, что некоторые из них были крыты не шатром, а «палаткой»⁴⁹. Дальнейшие розыскания, связанные с панорамой Витсена, могут привести к «расшифровке» и других поддающихся опознанию сооружений.

IV

Перейдем теперь к следующему рисунку Витсена, подписанному по нижнему обрезу «№ 1 двор дворянина

⁴⁶ Там же. Реконструкция крепостных сооружений Новгорода на 1665–1667 гг.

Авторы Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова, № 23

⁴⁷ Собор увенчивало 5 глав.

На рисунке Витсена их три, но остальные могли быть не видны.

⁴⁸ Макарий, архимандрит. Археологическое описание, с. 284;

Памятники отечественной истории. Вып. 3. Ч. 1–2

М., 1984, с. 77 и 329

⁴⁹ Новгород Великий в XVII в. Ч. 1, с. 132, сл.

(благородного) и № 2 деревня под Новгородом»⁵⁰. На рисунке под указанными номерами представлены слева — господский двор, а справа — деревенские избы с церковью (рис. 35). Деревня показана, по-видимому, не полностью: видна улица с несколькими домами. Изображение заключено в рамку, а сверху имеется светлая лента для надписи. Лента осталась незаполненной, а надпись внизу листа географически неконкретна — она или скопирована с первоначальной зарисовки, или нанесена на ее чистовой вариант по памяти для пояснения сюжета.

К сожалению, остается неизвестным, какое место под Новгородом изобразил художник. В дневнике упомянуты деревни новгородского края Юлино, Завал, Бронницы, Понеделье, Зайцево, Вины и другие, где останавливалось днем или ночевало голландское посольство. Автор дневника умалчивает о каких-либо зарисовках в этих местах, да и времени для этого было явно недостаточно. В большинстве своем придорожные населенные пункты принадлежали великому князю. Каких-то частновладельческих дворов Витсен не отмечает. Однако, исключения бывали. В погосте Березай, находившемся на дороге Новгород–Москва, по документам XVI в. значилась помещичья усадьба⁵¹, а в с. Выдропужск сам Витсен упомянул «большой двор собственность патриарха» Никона⁵². Эти населенные пункты, однако, вряд ли имеют отношение к рисунку голландского дипломата, так как находились слишком далеко от Новгорода, соответственно в 170 и 250 км.

Думается, что усадьбу «дворянина» и деревню следует искать в соответствии с надписью на рисунке, не в отдалении от Новгорода, а в его ближайших окрестностях. Таким местом могло быть с. Троицкое, расположенное всего в одном километре от села Ракомы. А в последнем, как упоминалось выше, голландское посольство, прежде чем въехать в Новгород, было задержано на 2 дня, и Витсен имел возможность со всеми деталями зарисовать приглянувшийся ему тамошние строения.

По данным описи 1501 г., с. Троицкое вместе с приписанными к нему Ракомой и еще четырьмя деревнями составляло ядро дворцовой волости Поозерье. В качестве

⁵⁰ Atlas Blaeu-Van der Hem. Bd. 24, Taf. 25, размер 30 x 522 см, акварель.

⁵¹ Невалин К. А.

О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб, 1853, прил. XIII, с. 201–202

⁵² Сообщение Витсена подтвердилось. В 1654 г. Выдропужск вместе с селами Едрово, Валдай, Рахино и Яжелбицы были пожалованы царем Алексеем Михайловичем Иверскому монастырю на Валдайском озере (Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание села Выдропужска Тверской губернии. М., 1902, с. 1)

⁵³ Неволин К. А.

О пятинах, с. 140

⁵⁴ Новгородские писцовые книги. Т. V, СПб, 1905, с. 287, сл

⁵⁵ Андреешев А. М.

Материалы по исторической географии Новгородской земли.

М., 1914, с. 8

⁵⁶ По любезному

сообщению

З. В. Дмитриевой

и В. М. Воробьева

в с. Троицком по данным переписной книги 1645/1646 гг.

(РГАДА, ф. 1209, № 761,

л. 2–4. об.) государев двор

не упомянут, но это

не значит, что его там

не было. Фискальная

направленность переписной

книги 1645/1646 г. была

такова, что такой двор

писцам отмечать было не

обязательно среди других

владельческих комплексов.

Быть может поэтому Витсен

и стал или не имел

возможности допытываться,

как называется деревня

и кто был в точности

владельцем усадьбы.

дворцовой продолжала существовать эта волость и в XVII в. Село Ракома принадлежало новгородским князьям еще в XI в.⁵³ В 1640 г. в селе находилась церковь св. Федора, 4 двора церковного притча и 60 дворов крестьянских и бобыльских. Что касается с. Троицкого, то на его месте была усадьба боярина Ивана Лошинского, конфискованная вместе с окружающими землями Иваном III в 1476 г. В 1478 г. великий князь устроил здесь загородный дворец, известный в источниках под именем «в Паозерье у Троицы»⁵⁴. Церковь св. Троицы была воздвигнута, по-видимому, одновременно с хорами и имела дворцовый характер⁵⁵. В 1646 г. в этом поселении (тогда оно называлось Поозерье) находились 6 дворов церковного притча и 1 двор бобыльский, также две государевых житницы, четыре овина. Вероятно, жили в Троицком и люди великого князя. Иными словами, в середине XVII в. Троицкое представляло собой небольшое дворцовое село, в котором, судя по всему, продолжал существовать и государев двор⁵⁶. В сельской провинции такого рода хоромы имели подчас скромные размеры и не всегда заметно выделялись.

Рассматриваемый рисунок Витсена, какое бы место под Новгородом он ни изображал, по своей реалистичности, обилию деталей и набору домостроительных компонентов незауряден и выделяется среди всех дошедших до нас современных своей эпохе графических произведений, изображающих деревянные постройки позднесредневековой России. На своем рисунке Н. Витсен запечатлел черты неповторимости и индивидуальности привлекших его деревянных сооружений и одновременно показал их типичные для своего времени элементы. Произведение голландского художника позволяет как бы заглянуть внутрь двора и деревни «дворянина» и, в определенной мере, представить себе их устройство.

Обратимся теперь к рассмотрению построек, представленных на рисунке Витсена. Хоромы «дворянина» показаны со стороны заднего двора. За круговой изгородью расположены сад и различные хозяйственные и складские сооружения, возможно, поварня, хлебня, конюшня, баня, ледник. За ними высятся постройки господского дома, состоящие из отдельных взаимосвязан-

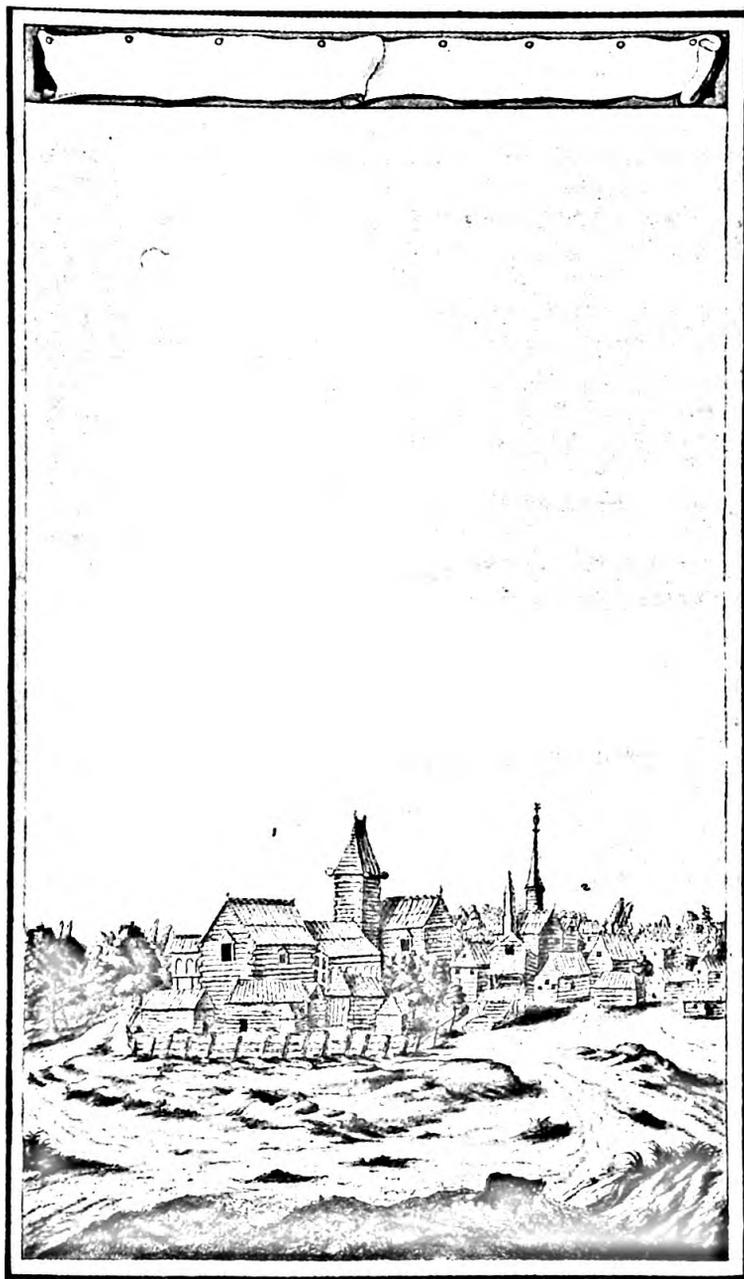

Рис. 35. «№ 1 двор
дворянина (благородного)
и № 2 деревня
под Новгородом».
Рисунок Н. Витсена.
Австрийская
Национальная
библиотека

- ⁵⁷ Благодарю А. А. Шенникова за все разъяснения относительно рассматриваемого «хоромного строения».
- ⁵⁸ Сравни Рабинович М. Г. Русское жилище XIII–XVII в. // Сб. Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 190, сл.
- ⁵⁹ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Л., 1980, с. 59
- ⁶⁰ Рабинович М. Г. Русское жилище, с. 227 и 230
- ⁶¹ Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955, рис. с. 261
- ⁶² Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура русского Севера. Л., 1981, рис. с. 55

ных между собой компонентов высотой в два и более яруса⁵⁷. Отчетливо различаются (слева-направо) высокое, крытое, с арочными проемами, крыльцо, выполненное из досок (в тот период более дорогих, чем бревна), рядом с ним горница с красным окном в торце. К горнице примыкают двухъярусные дощатые сени, также с арочными проемами на уровне второго яруса. С сенями сочленена башня-повалуша, соединенная в свою очередь еще с одной горницей, приметной по красному окну. Подобные хоромы можно было бы примерно так описать языком документов XVII в.: «горница большая на подклете, да повалуша на подклете, меж их сени с подсеньем, да другие сени с крыльцом и лестницей, да еще к ней другая ж горница на подклете»⁵⁸.

Видимая на рисунке часть «двора дворянина» насчитывает 16 жилых, хозяйственных и других камер. С учетом невидимых зрителю строений, помещавшихся со стороны ворот, общее число дворских сооружений (включая помещения в каждом ярусе дома), возможно, достигало 18–20. Владельческие дворы в XVI–XVII вв. состояли в среднем из 12–13 камер, в то время как крестьянские из — 2–3⁵⁹. В данном случае речь, несомненно, идет о жилище богатого феодала, может быть представители знати — боярина, князя и даже царя. Как уже упоминалось выше, в сельской местности великокняжеские дворы нередко были достаточно скромными, не намного представительнее помещичьей усадьбы⁶⁰.

Обращает внимание наблюдательность художника, воспроизведшего многие архитектурные детали «двора дворянина», имеющие достоверные аналогии. Видны наличники красных окон горниц. Для второй половины XVII в. они, насколько можно установить, редки. В тот период они являлись признаком богатого жилища. Похожие рассматриваемым, наличники с треугольным увенчанием усматриваются лишь в оформлении окон царского дворца в селе Коломенском⁶¹. В отделке крыльца, горниц и сеней усадьбы можно различить резные карнизы и причелины, на крышах — гребни с резными треугольниками (показаны зигзагом)⁶², выступающие через ряд торцы бревен стен повалуши и горниц, арочные проемы крыльца и сеней, «шишки» с шипами на кров-

лях горницы и повалуши. Воспроизведены даже тесины крыш горниц и сеней, расположенные внахлест двумя рядами.

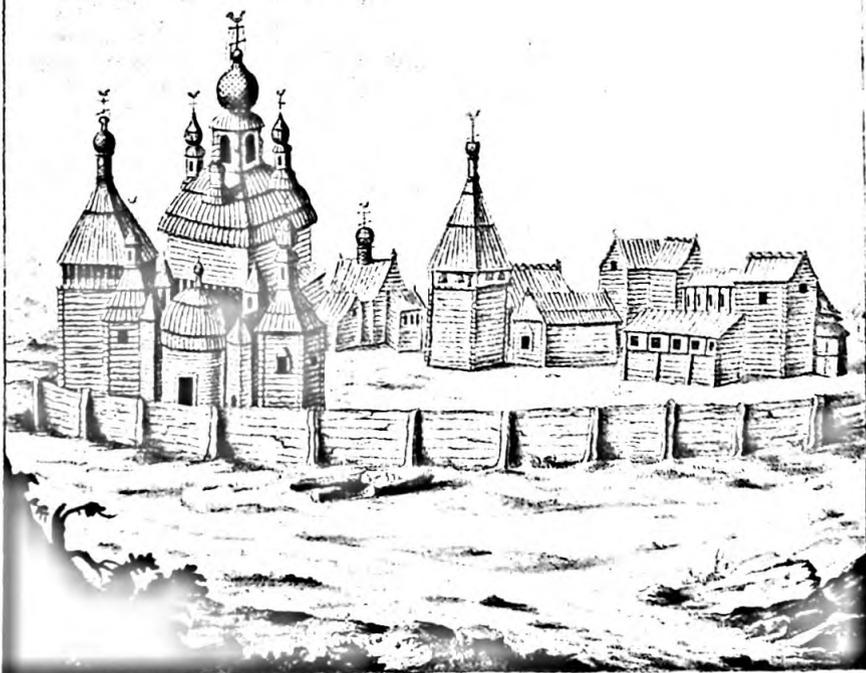
Справа от господских хором на рисунке Витсена представлены избы деревни. Расположены они как бы вразброс, без дворов, что было характерно для жилищ дворцовых и церковных людей, вообще непашенных крестьян. Своей длинной стороной, а иногда торцовой, дома выходят на улицу. У двух изб в торцовой стене проделаны, что было типичным для такого рода построек, три волоковых окошка, включая одно для пропуска дыма изнутри бесчердачной камеры. Среди однокамерных поземных домов видны, словами источников XVII в., «изба без верха», т. е. с плоской крышей. Такого рода сооружения без двускатной кровли известны в домостроительстве XVI–XVII вв, а в Приуралье и Сибири они существовали вплоть до конца XIX в.⁶³

К деревенской застройке относятся также связанные между собой две избы или горницы на подклетах и пристройка с вышкой, крыльцом и лестницей, ведущей на второй ярус. Виднеется главка деревянной церкви с голубем или петушком на кресте. По остроумному предположению А. А. Шенникова, в описанной довольно необычной по планировке связи можно опознать съезжую или мирскую избу с пристройками. Рядом мог быть и архив, предназначенный для хранения приказных и других документов (на рисунке это изба с одним окошком в торце).

Устройство и планировка зарисованной под Новгородом деревни основано на контрастном сочетании двора феодала и рядовой деревенской застройки. Такое сочетание не было оригинальным, но в столь наглядном виде встречается едва ли не впервые. Деревянные постройки, показанные на рисунке Витсена, настолько детальные и убедительны, что позволяют с особой реальностью представить исчезнувший мир древнерусской сельской деревянной архитектуры. Впрочем, запечатленный Витсеном господский двор можно представить не только в деревне, но и в городской среде. Свидетельства XVI–XVII вв. выказанному замечанию об универсальности богатого хоромного строения не противоречат.

⁶³ Шенников А. А. Русское деревянное зодчество начала XVII века по книге А. Х. Утеериса // Сб. Гос. русский музей. Современный художественный музей. Л., 1980, с. 136

MANNEN KLOOSTER, TE TORSOCK, VAN HOUT.

ТОРЖОК

I

Голландское посольство 8 января 1665 г. достигло г. Торжка. К городу подъехали с западной стороны, при этом голландцам открылась основная его часть, расположенная на высоких холмах на правом берегу р. Тверцы. Н. Витсену, судя по записям в его дневнике, город показался просторным, но редко застроенным; дома, обсаженные деревьями, теснились группами. Это соответствовало истине. Город в то время делился на несколько крупных районов, не сливавшихся между собой (рис. 37). Не случайно одному иностранцу, видевшему Торжок в начале XVII в., он представлялся в виде «большого местечка, где шесть или семь городов соединены в один город, но некоторые из них отстоят довольно далеко друг от друга; составляют они все же один город»¹.

Голландцы, вероятно, остановились в пригороде на Затверецкой стороне (наименование восходит к XV–XIX в.)². Отсюда панорама города складывалась из построенного на посаде, не названного Витсеном, мужского монастыря, — самого крупного в городе — Борисоглебского. Далее голландский путешественник упоминает некую «башню странного строения» — в действительности, то была деревянная церковь Вознесения, замыкавшая собой посад у Борисоглебского монастыря. Центральное положение панорамы занимала крепость-кремль с ее деревянными стенами и башнями. С одной стороны, пишет Витсен, ее омывала река, с другой — сухой ров. Кремль Торжка, как известно, занимал мыс, образованный рекой Тверцой и ручьем Здоровецу. Таким образом, его омывали не одна, а две речных протоки.

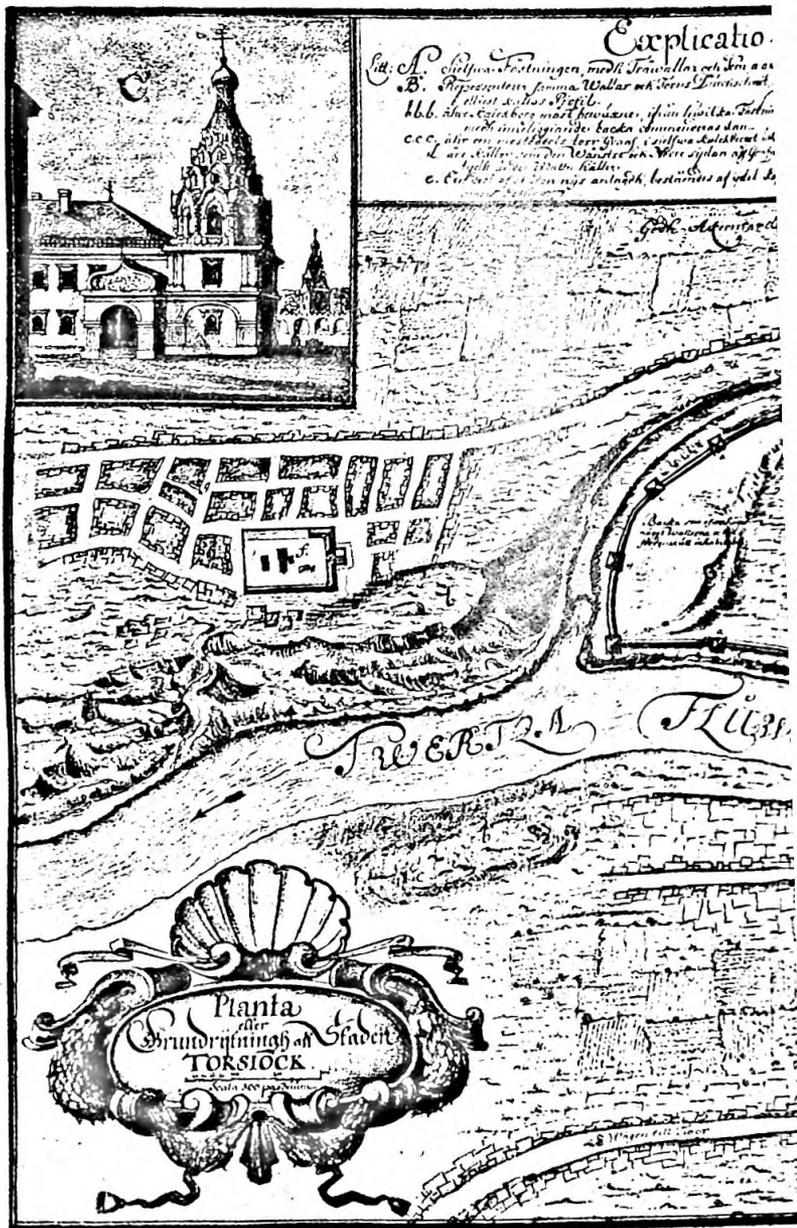
¹ Шербачев Ю. Н. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию 1602 г. М., 1911, с. 11

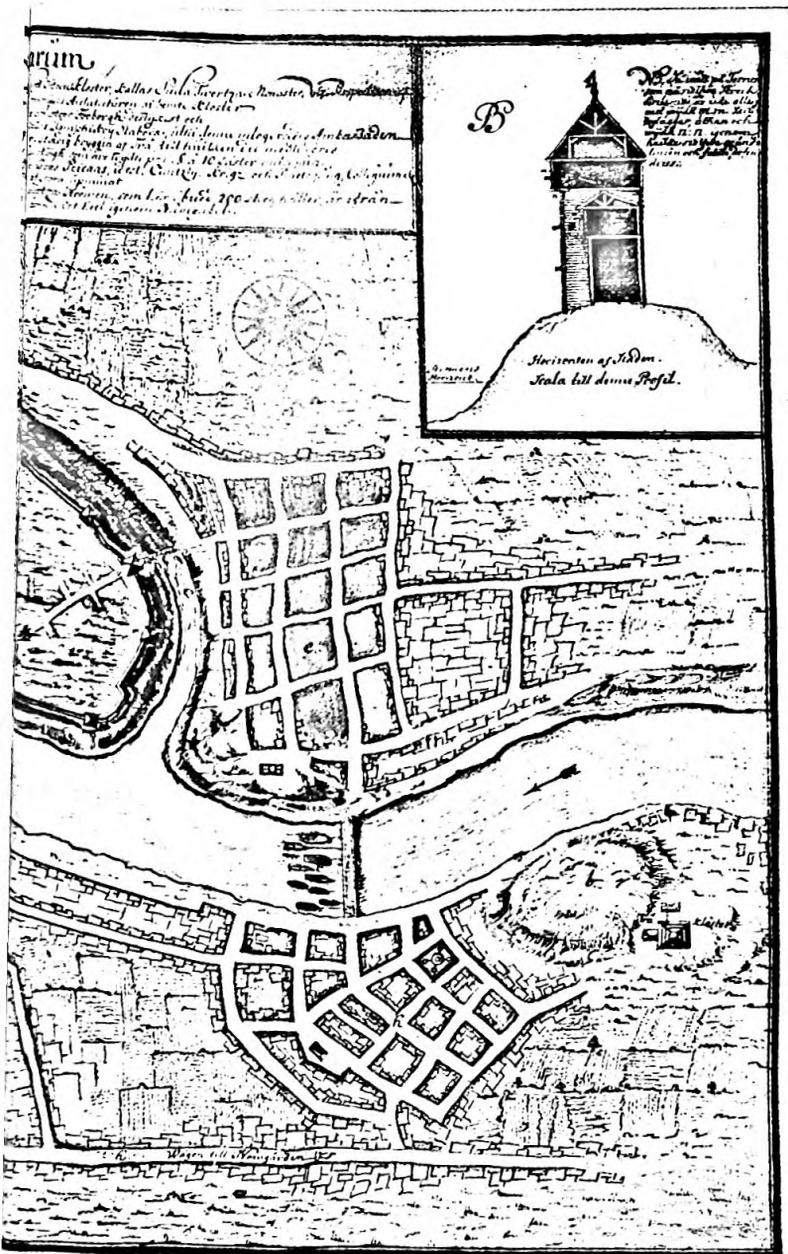
² О месте остановки посольства точно не сообщается. Однако, судя по тому, что Витсен разглядывал город именно с Затверецкой стороны, там и был постоянный двор для иностранцев. Подтверждается это и планом Торжка 1674 г. из альбома Э. Пальмквиста (рис. хх). На нем под литерой h значится ямщицкая слобода, в ней находится посольство (Линдеман И. К. Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 г. Тверь, 1906. Отд. II, с. 352)

Рис. 36. Мужской монастырь из дерева в Торжке (Борисоглебский монастырь). Рисунок Н. Витсена. Австрийская Национальная библиотека

Рис. 37. План Торжка из альбома Э. Пальмквиста о шведском посольстве в Россию в 1674 г. (перевод со шведского С. Г. Халипова).

Литеры:
 А — крепость с деревянной стеной и башнями — ааа;
 В — та же стена и башня в разрезе;
 ааа — холмы, возвышающиеся над крепостью и прилегающей местностью;
 ссс — сухой ров, высеченный в скале;
 d — ручьи, всегда наполняющие западную и северную части рва;
 e — часть города, только что выстроенная и состоящая из купеческих лавок;
 F — новый каменный монастырь (Борисоглебский — А. К.);
 С — часть этого же монастыря (колокольня и ц. Введения — А. К.);
 g — большой пригород;
 h — ямщицкая слобода, в ней расположено посольство;

l — деревянный мост, к нему причаливают суда; k — сюда причаливают суда, которые берут от 8 до 10 ластов груза; l — каменный приказ, в нем военная и судебная канцелярия и коллегия. Река Тверца шириной 200 шагов, отсюда судоходна. Отдельные надписи на плане.

Сверху:

«хорошая пашня»;

в левой части крепости:

«холм, который несколько выше валов, поэтому не может быть населен».

В правой нижней части плана — деревянный монастырь»

(Рождественский — А. К.).

На врезке В:

«как на башнях, так и на брустверах стен имеются не только бойницы, т. е. бойницы п. п., через которые защищается линия земли и подножье укреплений. Горизонт воды, горизонт города, масштаб к этому разрезу» (отсутствует — А. К.)

³ Ср. Р-я Н. Очерк Торжка. Памятная юнжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865, с. 118–119

⁴ Соответственно: *Altas Blaeu-Van der Hem*. Bd. 24, Taf. 19,

разм. 33 x 49 см, акварель; там же, Taf. 18, разм. 65 x 44,5 см, рис. два разворота тушью с размывкой;

там же, Taf. 20, разм. 29 x 50 см, акварель

⁵ Новгородская первая летопись, с. 25, сл.; *Раппопорт П. А.*

Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X–XV вв. М.–Л., 1961, с. 35;

Малыгин П. Д. Культурный слой средневекового Торжка // КСИА, 195, М., 1989, с. 48

⁶ *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 196

⁷ Псковские летописи, с. 144–145

Витсен отмечает еще женский монастырь, очевидно, Воскресенский, который находился неподалеку от того места, где остановилось посольство. Есть также запись в дневнике о посещении дома одного купца. Витсен описал наряды горожанок³, сообщил, как в разных частях города выполнил три рисунка. Они все сохранились и носят подписные наименования, а именно «Мужской монастырь из дерева в Торжке», «Торжок», «Башня в Торжке»⁴.

Записи Витсена о Торжке, за исключением некоторых бытовых и «этнографических» подробностей, достаточно краткие. Это, однако, с лихвой восполняется замечательными по обилию деталей рисунками. Единственные в своем роде, эти графические листы тем более ценны, что изображенные на них строения удается точно опознать. Теперь скажем о Торжке, его истории и постройках.

Торжок, первоначально Новый Торг, впервые упомянут в летописи под 1139 г.⁵, но основан, возможно, еще в X — начале XI в. Был расположен на основной дороге, связывавшей Новгород с Низовской Русью. По меткому выражению М. Н. Тихомирова, город можно назвать своеобразными воротами Новгорода⁶. По активности политических, военных и торговых событий, пожалуй, трудно найти другой, равноценный Торжку, город Новгородской земли. Новгородцы оберегали Торжок. Переход его в чужие руки блокировал торговлю, в том числе и подвоз к столице продовольствия и, тем самым, дестабилизировал общую обстановку. Судя по письменным источникам, Торжок уже в домонгольское время достиг значительного развития, его окружала своя волость (Бежецкий верх, Помостье). Новоторжцы образовывали сильный отряд. В период новгородской самостоятельности Торжок был укреплен, в нем существовали дворы посадника, князей, бояр, купцов, черных людей, построены все, существовавшие в течение всего средневековья, три каменных храма⁷. За обладание городом с его богатым рынком и развитым посадом XIII–XIV вв. боролись Тверь и Литва, а с 1478 г. он перешел в подчинение к Москве. В XVI в. Торжок выдвинулся в состав процветающих и населенных русских городов, но в начале XVII в., в

«лихолетье» его экономика пришла в упадок. Разорение сопровождалось обнищанием и гибелью ремесленников и торговцев. О былой самостоятельности города свидетельствует интереснейшая для его истории писцовая книга 1625 г. Согласно этому документу, в Торжке того времени насчитывалось 933 двора, клетей и других построек. Среди них было много пустых мест и брошенных строений. Кроме того, в писцовой книге 1625 г. отмечены 24 церкви и не менее 7 монастырей⁸.

Возрождение городской жизни наступило в 40-е гг. XVII в. В 1639 г. очевидец А. Олеарий записал: «Как ни мал город Торжок, в нем все-таки 30 церквей и часовен, которые ежедневно посещаются, одна из них каменная довольно красива, если судить по наружному виду». Речь, несомненно, идет о Спасо-Преображенском соборе, находившемся в кремле, иначе «городе». «Но именно туда, — сокрушается Олеарий, — никого из нас не хотели пустить»⁹. Примерно в таком же виде застал Торжок Витсен. Его, судя по всему, тоже не пустили в кремль. Ограничения, однако, не помешали иностранцу перебраться через Тверцу, с близкого расстояния зарисовать кремль со стороны Здорова, затем, обогнув это укрепление, обойти весь посад, начиная от рыночных рядов — торгова и кончая окраинной Вознесенской церковью. По пути Витсен с одной из береговых возвышенностей зарисовал Борисоглебский монастырь с такими подробностями, которые, должно быть, заняли немало времени. Таким образом, наш путешественник практически беспрепятственно обошел все главные районы города и зафиксировал его наиболее приметные сооружения, включая и запретные для разведывания оборонительные (рис. 38). Упрекнуть Витсена в бездействии никак нельзя. Его любопытство может даже показаться рискованным. К иллюстрациям Торжка, известным по книгам путешественников по России С. Герберштейна, А. Олеария, а также приложенным к сочинениям А. Мейерберга и Э. Пальмквиста¹⁰ теперь добавляются три подробнейших рисунка Витсена. Именно эти, вне всякого сомнения достоверные, произведения не только помогают проследить весь путь прогулок Витсена по незнакомому городу, но и позволяют судить о многих исчезнувших ныне его постройках.

⁸ Писцовая книга г. Торжка и посада. Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865, с. 1–77
⁹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию, с. 535
¹⁰ Герберштейн С. Записки о московитских делах, рис. с. 117; Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб, 1903, рис. 40. Для отыскания объектов, виденных в Торжке Витсеном, привлекается план этого города, помещенный в альбоме Э. Пальмквиста (Линдeman И. К. Разбор сведений, рис. к с. 351)

II

Переходим к характеристике рисунков в той последовательности, в которой они отмечаются Витсеном в его дневнике, и начнем с того, который озаглавлен «Мужской монастырь из дерева в Торжке» (рис. 36).

Строения монастыря, обнесенные круговым забором, показаны несколько сверху. В рассказе о путешествии между тем отмечено, что монастырь располагался на высоком берегу Тверцы. Для достижения избранного ракурса художнику было необходимо видеть свою натуру с еще более возвышенного места. Таковое, судя по плану Торжка Э. Пальмквиста, действительно существовало к северо-востоку от монастыря. Место, выбранное художником, позволяло ему охватить взглядом весь интересовавший его комплекс.

Все показанные на рисунке строения — деревянные. Возникает необходимость, во-первых, проверки достоверности изображенного, во-вторых, опознания, насколько это возможно, отдельных сооружений. Трудность заключается в том, что последние не просто сопоставить, с тем каменным Борисоглебским монастырем, каким он сформировался в последней трети XVII—XIX вв.¹¹ Значительные каменные работы развернулись здесь в 1671–1673 гг. На месте деревянной была построена каменная церковь Введения во храм с трапезною и колокольней¹². К 1684 г. были закончены каменная ограда, Святые ворота и храм Воздвижения у этих ворот¹³. Уже в 1674 г. каменное строительство продвинулось настолько, что Э. Пальмквист назвал монастырь новым каменным и поместил в своем альбоме его некоторые каменные постройки и план. Различные постройки из камня воздвигались и позже. Так, на месте сломанного в 1784 г. древнего Борисоглебского собора в 1785–1788 гг. архитектор Н. А. Львов воздвиг новый¹⁴. Таким образом, Витсен застал монастырь в начале 1665 г. действительно деревянным, до начала его перестройки в 1670 г. Одну неточность голландского путешественника все же следует исправить. Главный Борисоглебский храм монастыря, основанного, по-видимому, в середине или во второй половине XII в., являлся издревле не деревянным, а каменным¹⁵. Таким, судя по упоминанию споровших в 1372 г.

¹¹ Андреев Л. В.

Историческое ядро Торжка и его главные архитектурные ансамбли // Архитектурное наследство, 1981, рис. 3, схема плана Борисоглебского монастыря в конце XIX в.

¹² Постройку церкви относят к 1629 г.

Подтверждений этому нет. Иная, с моей точки зрения правильная дата — 1673 г. указана:

Амвросий. История

российской церковной иерархии. Ч. III, М., 1813, с. 420

Ср. Илиодор, иеромонах. Историко-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря.

Тверь, 1861, с. 41–43

¹³ Илиодор, иеромонах.

Историко-статистическое описание... монастыря, с. 45

¹⁴ Там же, с. 12, 18, 22, сл.

¹⁵ Первые храмы Бориса и Глеба в Новгороде и Смоленске стали строить не ранее середины или конца XII в. (Новгородская первая летопись, с. 27 сл.).

Вероятно, и торжокский монастырский храм построен не ранее середины или конца XII в. (Малыгин П. Д.

К топографии Торжка XII–XIII вв. // История и

археология Новгородской земли. Тез. Новгород, 1987, с. 39–40]

каменных церквей Торжка, он, вероятно, был и в XIV в.¹⁶ Каменным он назван в одном из списков XVII в. и «Повести о разорении Торжка», восходящей к XIV в., а также в Писцовой книге Торжка 1625 г.¹⁷ В то время храм окружала паперть, а с юга и севера к нему примыкали придельные церкви Ефрема (1577 г.) и Иоакима и Анны (1589 г.)¹⁸. Упомянутые сооружения различимы и на рисунке Витсена. В его левой части виден высокий, кубического объема, одноапсидный пятиглавый собор. Судя по расширению к своему основанию и башенкам, он окружен папертью. К северо-востоку от храма виден башнеобразный деревянный придел Иоакима и Анны. Ему соответствует примерно такой же придел с юго-востока. Возможно, что церковь Ефрема следует считать не этот придел, а соседнюю с ним высокую четырехугольную постройку с дощатым верхним ярусом и венчающим шатром, своим видом напоминающую ворота с надвратной церковью. Так ли было на самом деле, сказать невозможно.

Все пристройки к главному храму Бориса и Глеба показаны Витсеном деревянными. Сам собор на рисунке также кажется деревянным, он как бы обшит досками. Для XVII в., действительно, известны деревянные кубоватые пятиглавые храмы. Возможно, что в это же время стали использовать и деревянную обшивку стен. Все же полагаю, что изображенный Витсеном собор не деревянный, а, в соответствии с показанием источников, каменный, правда, может быть, с деревянным верхом, устроенным в следствии разрушений начала XVII в. Отмечу некоторые признаки каменного здания, которые можно усмотреть на его изображении. Так, характерные для деревянных сооружений торцы бревен по углам отсутствуют. Ясно различимая полукруглая апсида, тоже, очевидно, была каменной, а не деревянной. Обращает внимание несколько выпуклое (как у апсиды) покрытие собора. Оно выдает, судя по всему, скрытый кровлей каменный свод. Верх храма увенчан световым барабаном и боковыми фигурными главками, типичными для каменных церковных сооружений середины XVII в.¹⁹ Верх Борисоглебской церкви подчеркнуто декоративен. На иконе, написанной около 1780 г., с видом Борисоглебского

¹⁶ Псковские летописи, с. 144–145

¹⁷ Будовниц И. У.

Повесть о разорении Торжка в 1315 г. // ТОДРЛ. Т. 16, Л., 1960, с. 451;

Писцовая книга, с. 24–26

¹⁸ Илиодор, иеромонах.

Историко-статистическое описание... монастыря, с. 21

¹⁹ История русского искусства. Т. IV. М., 1959, рис. на с. 147 и 149;

Ильин М. А.

Каменная летопись Московской Руси. М., 1966, с. 191. Благодаря

П. А. Раппопорта за ценные консультации относительно архитектурных аналогий постройкам Торжка.

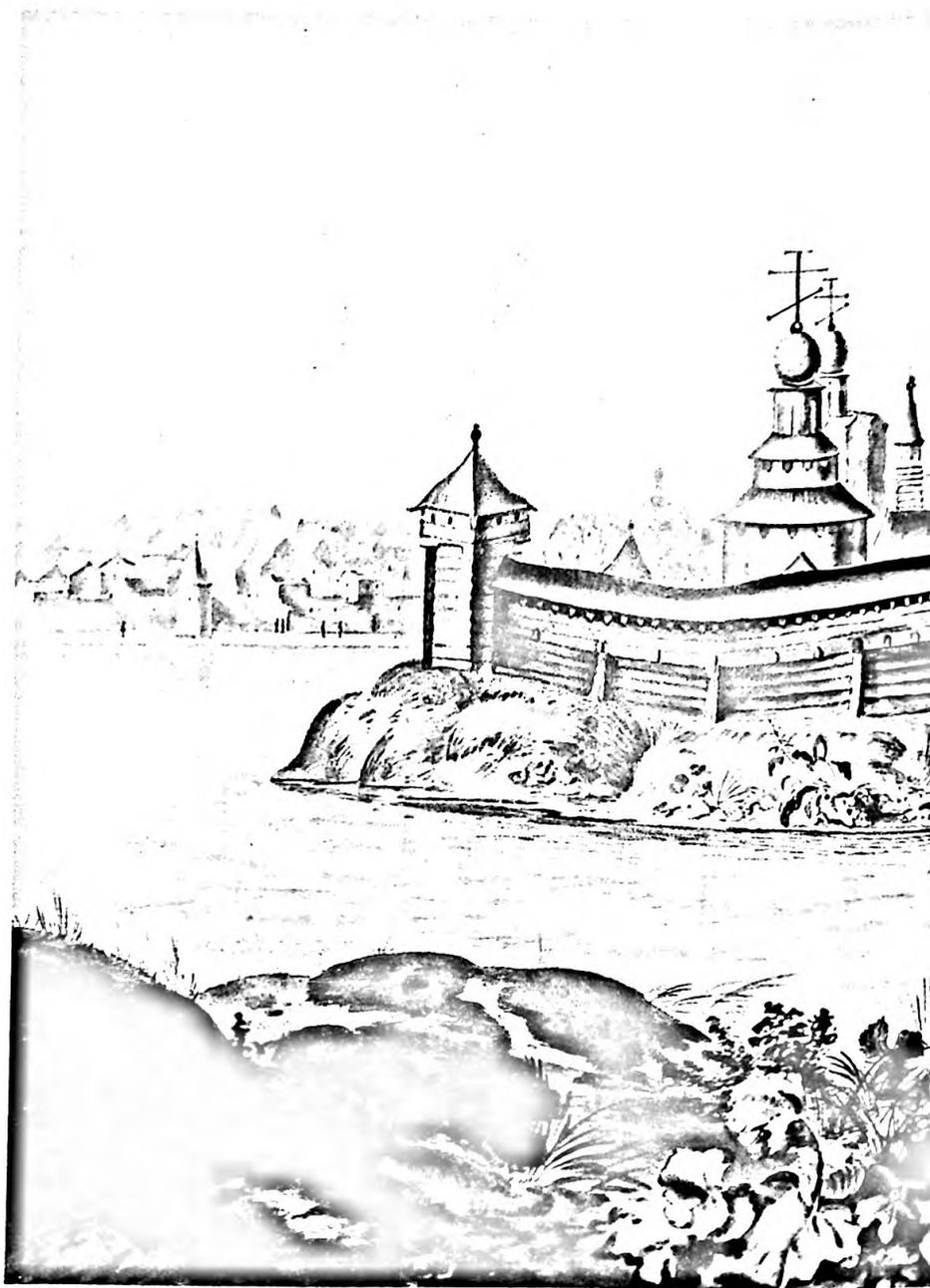
²⁰ Жизневский А. К.

Описание Тверского музея // Древности. Т. 9, вып. 2–3. М., 1883, с. 125–126, рис. на с. 129;

Уваров А. С.

Икона преподобных Ефрема и Аркадия Новоторжских чудотворцев, Тверского музея. Сборник мелких трудов. Т. I. М., 1910, с. 152–153. табл. 86.

Как бы ни датировать икону (1720 г. или 1780–1784 гг.), на ней представлен храм Бориса и Глеба до его сноса в 1784 г.

монастыря этот же храм показан без прежних боковых, ложных главок²⁰. Сопоставление этих двух изображений подтверждает, что первоначальный верх здания, очевидно, не раз перестраивался.

В центре рисунка Витсена показана одноглавая прямоугольная в плане церковь, окруженная постройками. Ее можно отождествить с церковью Введения во храм. Правда, изображена она не вполне точно — вызывает сомнение ее ориентировка. Однако, ее пристройки вполне реальны. Согласно писцовой книге 1625 г., ц. Введения была трапезной и, кроме того, имела келарскую или ризничную комнату²¹. В 1673 г. прежняя деревянная церковь была заменена каменной.

В центре монастырского двора Витсен изобразил шатровую колокольню. Согласно писцовому документу 1625 г., она была «круглой о шти углах»²², т. е. в плане шестиугольной. На рисунке видны две грани колокольни, что не исключает еще четырех, не видимых для зрителя.

Правее колокольни виден комплекс деревянных, вероятно, жилых, административных и хозяйственных построек — пример не так часто встречающийся в изобразительных материалах по русской позднесредневековой деревянной архитектуре²³.

Перечислим монастырские, так сказать, светские пристройки последовательно, слева направо, с указанием их возможной функции. К колокольне примыкает изба с красным, судя по наличнику, окном, возможно, это помещение для делопроизводства, например, приказная изба. К избе подступают две высокие, очевидно, двух- или трехъярусные постройки, каждую из которых можно истолковать как повалушу или клеть на подклети. Рядом расположены крыльцо с пятью окнами в дощатой стене, а за ним сени с окнами, устроенными также в дощатой конструкции. Сени подходят к высокой горнице на подклети. За ней частью видна округлая в плане постройка — поварня с дощатыми стенами. Ее верный признак — «фонарь» для выхода дыма на кровле — в данном случае двухъярусный²⁴. В обрисованных строениях с сенями и крыльцом могли находиться настоятельские покои и проживать старцы. Своим видом эти взаимосвязанные постройки напоминали господские

²⁰ Писцовая книга, с. 24;

Илиодор, иеромонах.

Историко-статистическое описание... монастыря, с. 42

²¹ Писцовая книга, с. 26

²² Благодарю

А. А. Шенникова за подробное обсуждение этой темы и высказанные им деловые замечания.

²³ Шенников А. А.

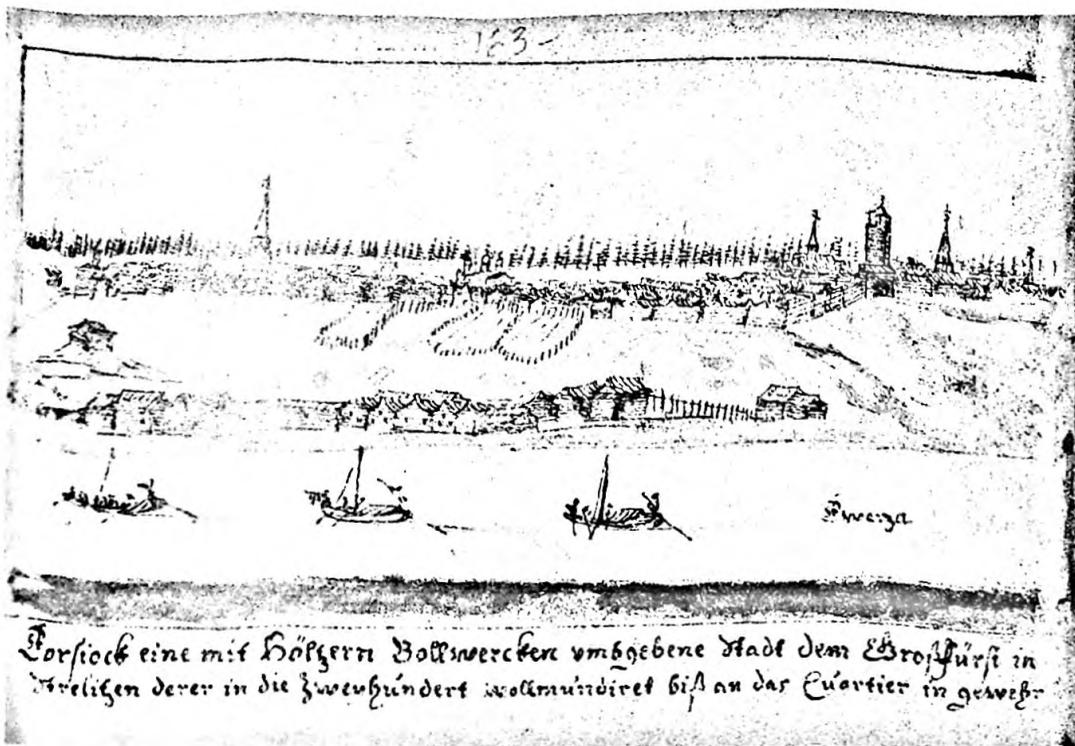
Устройство и назначение поварни // Доклады отделений и комиссий Географического общества. Вып. 15, с. 111, сл.

²⁴ Мильчик М. И.,

Ушаков Ю. С.

Деревянная архитектура русского севера.

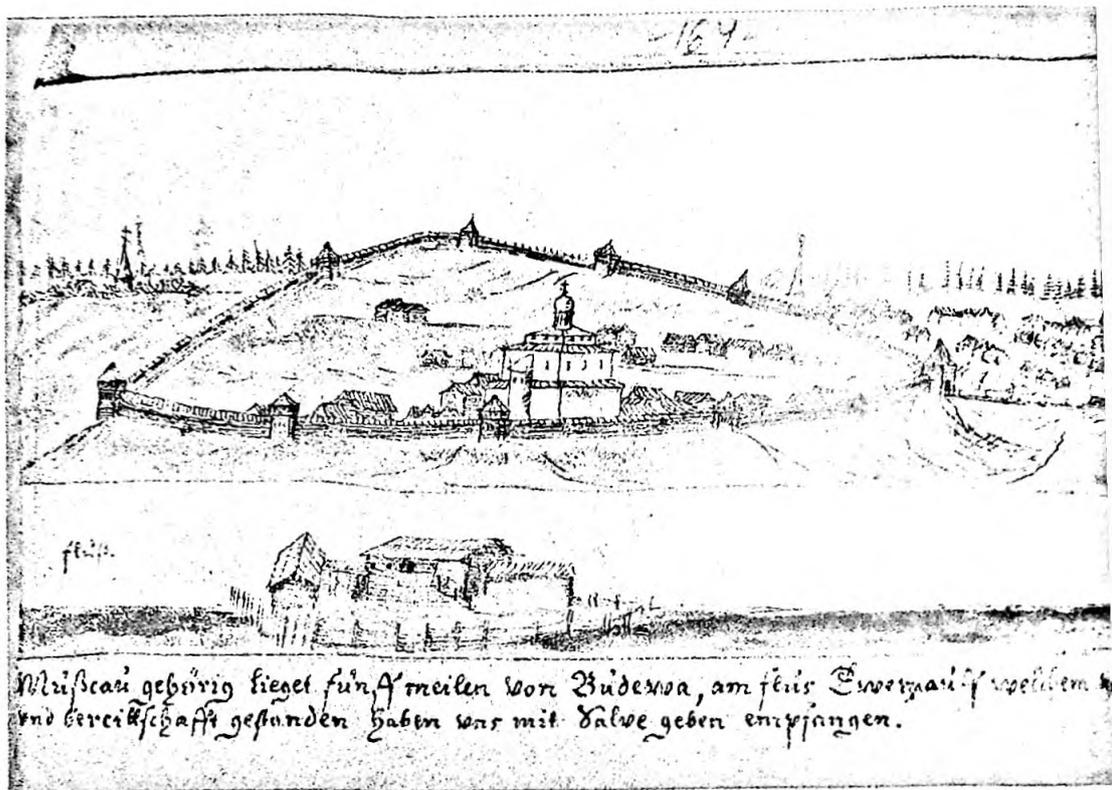
Л., 1981, рис. 74, ср. 7 и 9

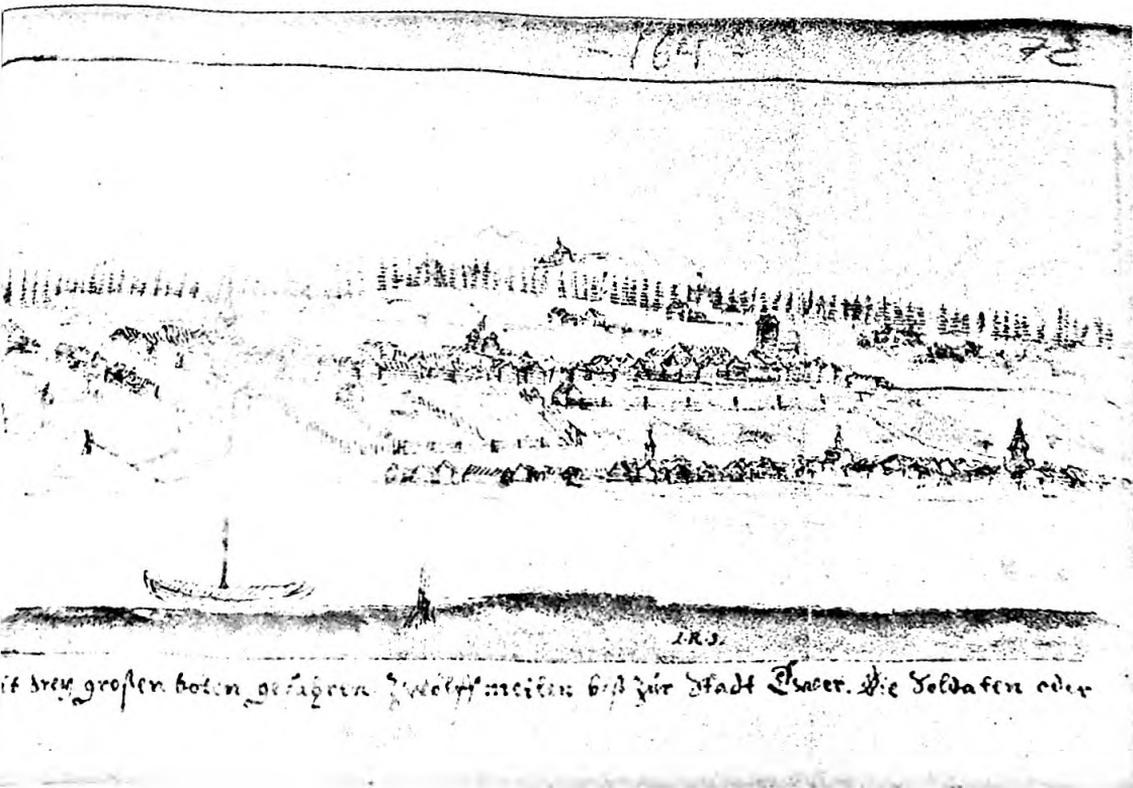
хоромы, только перенесенные в монастырь. Жилые, хозяйственные и административные строения монастыря имели, таким образом, хоромный городской характер²⁵. Конечно, их было больше, чем показано на рисунке. Писцовая книга 1625 г. упоминает в монастыре хлебню, погреба, конюшенный и коровий дворы. Возможно, что часть этих построек не была изображена Витсеном, потому что была скрыта сооружениями, представленными на переднем плане.

В целом Борисоглебский монастырь в архитектурном отношении предстает как бы разделенным на две зоны — церковную и мирскую. Это придает ему черты своеобразия и вносит нечто новое в наши представления об устройстве монастырей позднесредневековой России. Возможно, что такое наблюдение приложимо и к некоторым другим средневековым монастырям.

Рис. 39. Торжок в 1661 г.
 Рисунок из альбома
 А. Мейерберга.
 Левая часть.

Насколько документальна рассматриваемая композиция Витсена? И общее построение зданий, и их группировка, и индивидуальные особенности жилых и церковных сооружений, а также такие мелкие детали, как голубки на крестах, купола, покрытые лемехом, двух-, трехрядные тесовые кровли, красные и волоковые окна, гребни крыш с резными треугольниками и украшениями в виде шара, дымоходный фонарь поварни — все это убеждает в том, что художник передал все виденное, не выдумывая, почти с протокольной достоверностью. Это еще одно подтверждение источниковедческой ценности путевых зарисовок Витсена.

ist bey großen hohen besagten Zwickhwecken bey der Stadt Torzhok. Die Soldaten oder

III

Следующий рисунок Витсена, озаглавленный «Торжок», показывает укрепленную часть этого города (рис. 38). Крепость, или «город» издревле занимала мыс, образованный при впадении ручья Здоровец в р. Тверцу. Площадка мыса была таким образом отделена с двух сторон речными протоками, а с третьей — напольной стороны — рвом и валом, который некогда окружал все городище. Плато крепости находилось на двух уровнях: его низменная часть возвышалась над уровнем Тверцы на 8 м, верхняя юго-западная — на 18 м²⁶. Расположение крепости рассматривалось в XVI–XVII вв. как неблагоприятное, просматриваемое и поражаемое с соседних холмов²⁷. Здесь сказались некоторые архаи-

Рис. 39. Торжок в 1661 г.
Рисунок из альбома
А. Мейерберга.
Правая часть

²⁶ Раппопорт П. А.
Очерки по истории,
с. 35–36, рис. 21

²⁷ Линдеман И. К.
Разбор сведений, с. 351

ческие черты крепости — ведь заложена она была в доогнестрельную эпоху и в период пороха и пушек оказалась недостаточно обороноспособной.

Иностранцы, побывавшие в Торжке, рисовали его кремль обычно со стороны р. Тверцы. Им открывалась внутренность «города» с круговыми деревянными стенами и каменным Спасо-Преображенским собором в центре (рис. 39)²⁸. На исходе средневековья деревянные укрепления Торжка располагались на валу и ограждали периметр всего крепостного мыса. Они включали 11 башен: 4 проезжих и 7 глухих²⁹. Местоположение этих узлов обороны отличалось постоянством. Сохранились описания «города» Торжка, выполненные в 1678, 1710 и 1783–1784 гг.³⁰. Они практически соответствуют друг другу и в сочетании с сохранившимися рисунками XVII в. могут помочь определению частей крепости, увиденной и зарисованной Витсенем в 1665 г.

Сопоставив все имеющиеся в наличии данные и используя съемку местности городища, можно достаточно точно реконструировать план оборонительных сооружений Торжка XVII–XVIII вв. (рис. 40).

По описи 1710 г., наиболее подробно документирован кремль Торжка, восстановленный после пожара 1618 г.; длина его стен составляла 677 саженей. Башни и стены были поставлены на вал — «осыпь» высотой не менее 3 м; высота деревянных стен приближалась к 2 сажням, а башен (их поперечник — 10–11 саженей) — 3 с лишним сажени. Стены кремля были двухъярусными, их увенчивал стрелковый ярус боя, башни — трехъярусными. Верхние боевые ярусы стен и башен были устроены таким образом, что обеспечивали не только фронтальный и фланговый, но и «навесной огонь» к подножию укреплений.

Эти технические подробности отражены на чертеже разреза крепостной стены и башни, помещенном в альбоме Э. Пальмквиста (рис. 41), который стал своего рода хрестоматийным и постоянно воспроизводится в работах, посвященных устройству древнерусских крепостей эпохи позднего средневековья. Не отрицая определенной типичности рисунка из альбома Пальмквиста, замечу, что те же оборонительные сооружения,

²⁸ Изображения Кремля

Торжка представлены:

Герберштейн С.

Записки о московских делах, с. 117

(гравюра начала XVII в.);

Мейерберг А. Виды

и бытовые картины, рис. 40

(панорама города 1661 г.);

также план Торжка из

альбома Э. Пальмквиста

1674 г. Имеются

свидетельства о том, что

деревянными укреплениям

Торжка XVI–XVII вв.

предшествовали каменные.

Этот факт требует

дальнейших изысканий

(*Линдеман И. К.*

Разбор сведений, с. 356 сл.;

Малыгин П. Д.

К изучению оборонительных

укреплений средневекового

Торжка //

Археологические

исследования

в Верхневолжье.

Калинин, 1983, с. 71 сл.)

²⁹ На рисунках количество

башен составляет 10–12.

Число башен (11) не

менялось в течение всего

XVII в., поэтому речь идет

о неточностях художников.

³⁰ *Линдеман И. К.*

Разбор сведений,

с. 370, сл.;

Дополнения к актам

историческим. Т. 9. СПб,

1875, с. 313–314

³¹ К сожалению, присланная

Венской Национальной

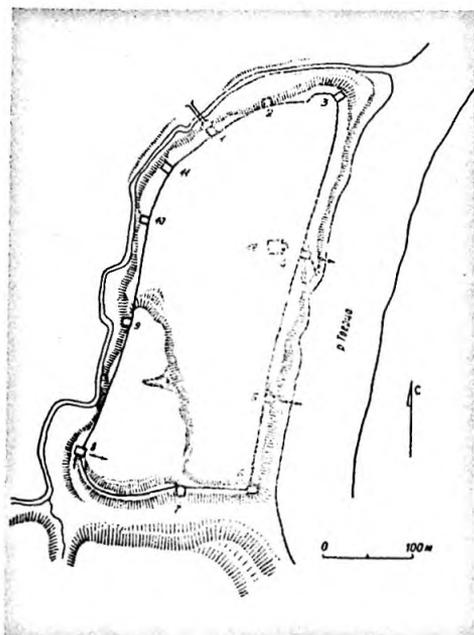
библиотекой фотография

крепости в правой части

укорочена на несколько

см. по сравнению

с оригиналом.

запечатленные Витсеном, менее грешат в своих пропорциях и размерах.

Как упоминалось выше, Витсен зарисовал крепость с северной стороны, от торгога. Это удостоверяется и рельефом местности, и разворотом представленных на рисунке сооружений (виден, в частности западный фасад Спасо-Преображенского собора). Элементы крепости точно идентифицируются: слева направо на переднем плане видны Петровская угловая, Глухая, Спасская и, далее, еще одна Глухая башни³¹. Всего Витсен, где точно, где схематично, изобразил 10 башен кремля, 11-ая (Тайничная) оказалась скрытой церковными постройками.

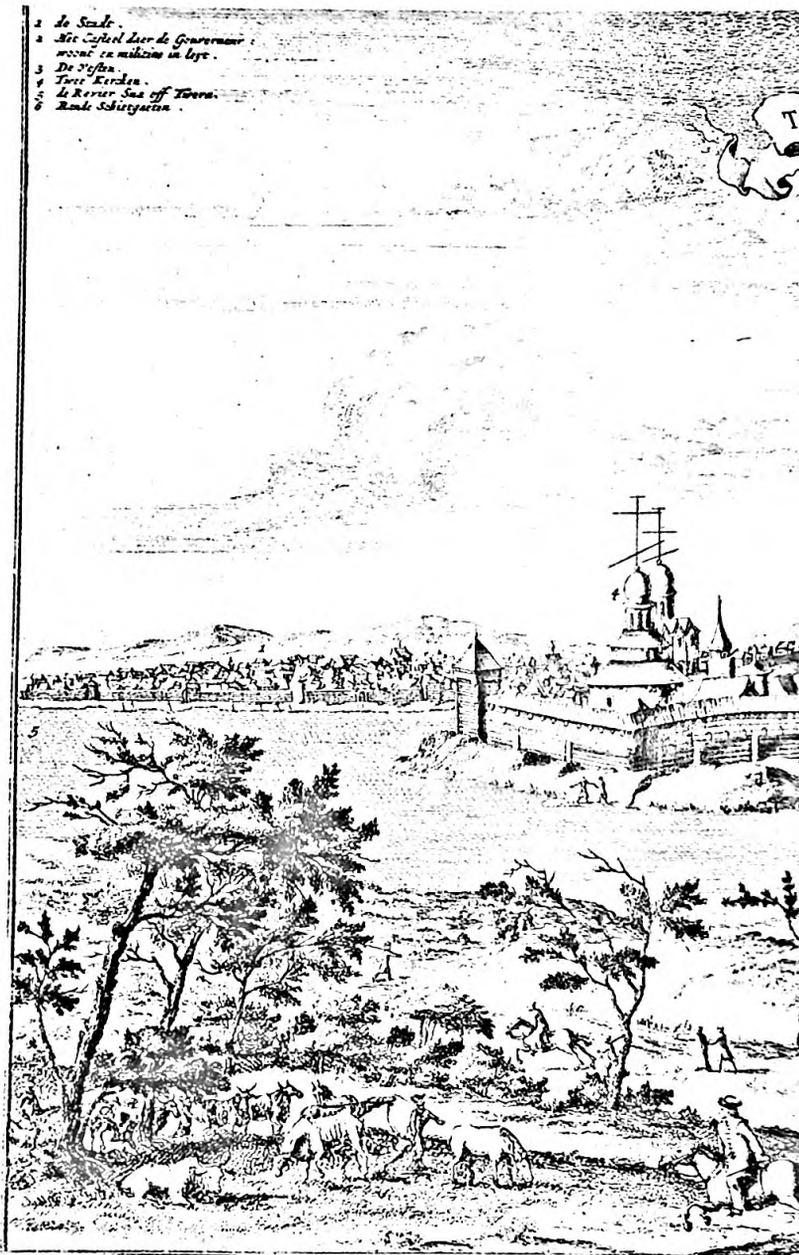
Башни крепости обозначены почти одинаковыми: шатровые, в плане четырехугольные, выражаясь языком документов XVII в., «рублены в четыре стены», они увенчаны выступающим стрелковым ярусом боя. Стены имели выносной стрелковый бруствер на консолях. Бруствер составлял примерно половину всей четырехметровой высоты преграды, что, с учетом его обычной вы-

Рис. 40. Крепость Торжка XVI-XVII вв.

Схематический план. Реконструкция автора. Стрелками обозначены воротные башни: 1 — Спасская проезжая башня; 2 — Глухая башня; 3 — Петровская угловая башня; 4 — Спасская проезжая башня; 5 — Тайничные ворота; 6 — Наугольная башня; 7 — Борисоглебская башня; 8 — Михайловская угловая проезжая башня; 9 — башня у Пороховой казны (Глухая); 10 — Тайничная башня; 11 — Глухая башня; 12 — Спасо-Преображенский собор

Рис. 41. Крепость Торжка. Стена и башня. Разрез. Рисунок из альбома Э. Палькхвиста

- 1 Le Sault.
- 2 Sic. Capital d'un de Gouverneur :
voici sa milice en l'air.
- 3 De N'istia.
- 4 Trois Eglises.
- 5 Le Rerur. Sa eff. Tourn.
- 6 Rode. Schirgatin.

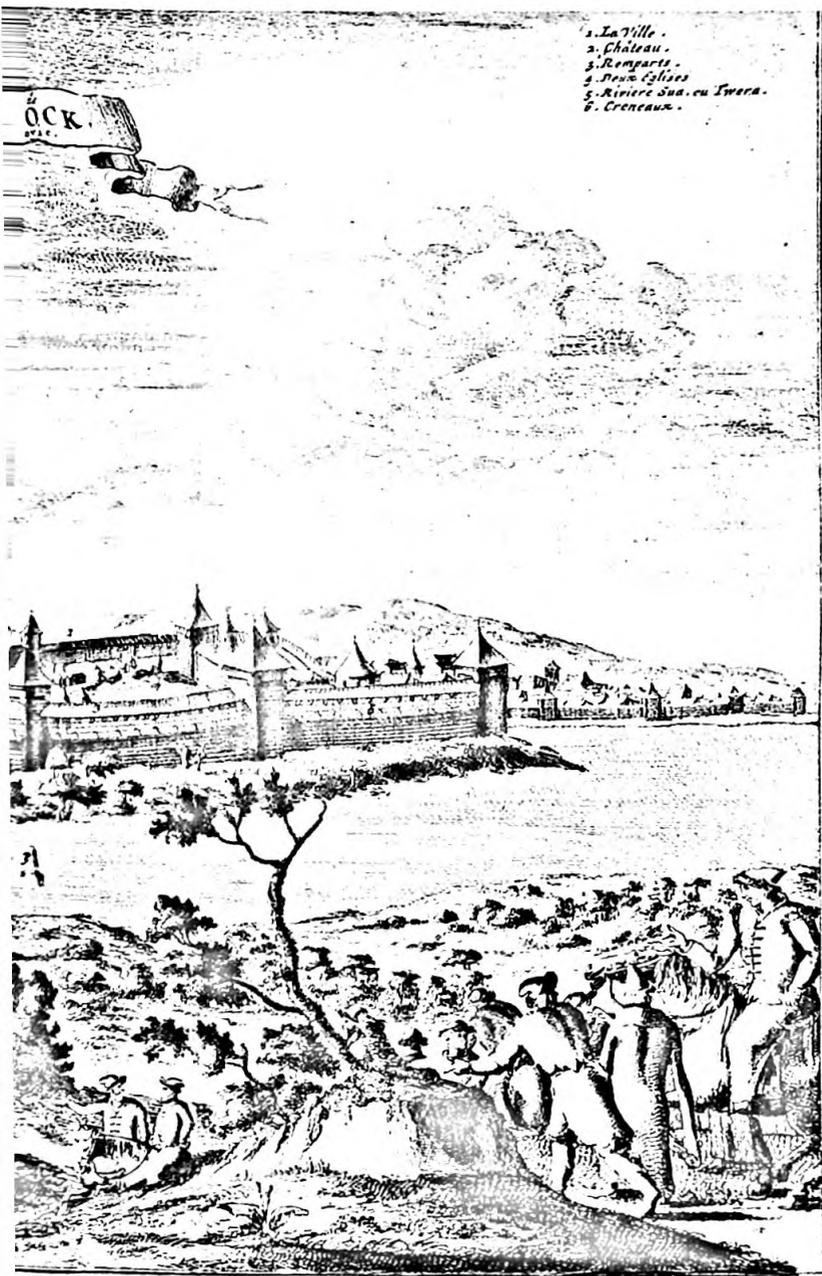

Рис. 42. «Город Торжок в Московии».

Гравюра по рисунку Н. Витсена.

- 1 — город;
2 — замок, где находится воевода и военные;
3 — укрепления;
4 — две церкви;
5 — река Тверь;
6 — бойницы (горизонтальные и навесные в брестере стены)

соты 1,8–2 м, скорее всего, соответствовало действительности. На рисунке же в альбоме Пальмквиста бруствер занимает треть высоты стены, что, по-видимому, неточно³². В своем дневнике Витсен сообщал, что стена образована 14 бревнами. Если высота стены составляла 2 сажени без трети, то составляющие ее бревна имели толщину 6–7 вершков³³. Древнерусской строительной практике такие примеры известны. На внешней стороне стены обозначены регулярные разделители, точнее, торцы бревен, выступающие в местах переруба стены. Перед нами стена, рубленая тарасами: то есть ее наружная и внутренняя части соединены поперечными перемычками. Для оборонительных сооружений XVII в. такое устройство характерно. Близкие к художнику части крепости показаны достаточно внимательно — таково значительно изгибающееся прясло между Петровской и Глухой башнями. Рисунки из альбома Мейерберга и Пальмквиста, на которых в этом месте виден коленчатый изгиб преграды, это подтверждают. Несколько изогнутыми обозначены Витсеном и другие прясла стен, что вполне правдоподобно, так как стены ставились на древнем, местами криволинейном валу. Характерна и следующая подробность: провал берега неподалеку от Петровской башни. Как свидетельствуют сохранившиеся письменные материалы XVII в., этот провал образовался на месте сгнившей деревянной трубы, которая выводила воду из крепости через вал в реку. Как писалось в челобитных 80 гг. XVII в., от того «трубяного промая» на данном участке укреплений осыпался даже городской вал³⁴.

Не все в рисунке Витсена равноценно, некоторые части крепости, особенно на дальнем плане, показаны схематично. Так, у Спасской башни нет прилегающего проезжего моста, на стенах не помечены бойницы, не везде видны торцы бревен, обозначавшие, как упоминалось, тарасную конструкцию. Судя по всему, рисунок местами выполнялся как эскиз. Первоначальный набросок позже был, несомненно, подправлен, а затем гравирован. Именно эта, несколько приукрашенная гравюра «Город Торжок в Московии», была опубликована в 1719 г. (рис. 42). Она уснащена фантастическими подробностями. Достаточно сказать, что кремль Торжка показан

³² У некоторых русских крепостей (Олонец, Якутский острог) бруствер, действительно, занимает треть высоты стены.

³³ 26,4–30 см. На рисунке из альбома Пальмквиста стена, включая стрелковый бой, сложена из 36 бревен. Вряд ли эта цифра в данном случае верна.

³⁴ Архив Новоторжского Воскресенского женского монастыря. Старица, Веригин Е. А. Новоторжский Воскресенский женский монастырь. Тверь, 1910, с. 24–25

на некоем экзотическом острове в окружении гористого пейзажа³⁵.

Внутренность крепости намечена Витсеном едва застроенной. В действительности, как свидетельствует писцовая книга 1625 г., на крепостном дворе помещалось не менее 600 различных построек, включая дворы знати, горожан, крестьян, стрельцов, охотников, священнослужителей, осадные дворы, клети, житницы, резиденцию воеводы, съезжую и губную избы, тюрьму, пороховую и свинцовую казну. Плотность застройки была свойственна кремлю и в более позднее время. Витсен упоминает о местонахождении в городе только воеводы, дьяка и писцов. Внутри кремля он не был и не удивительно поэтому, что его внимание, кроме укреплений, привлекли лишь наиболее крупные сооружения, которые возвышались над стенами.

Таков Спасо-Преображенский собор, построенный в 1364 г. на месте более ранней деревянной Спасской церкви³⁶. Собор представлял собой четырехстолпное, одноапсидное сооружение. Фасады имели трехлопастное покрытие³⁷. Формы собора аналогичны «большим храмам» Новгорода второй половины XIV в.³⁸ На рисунке Витсена мы видим часть характерного трехчастного западного фасада со шпильковым покрытием в каждом членении. Очевидно, верх собора подвергся переделке и вместо плавных приобрел остроугольные очертания. В 1812–1822 гг. обветшавшее здание собора было сломано и на его месте было воздвигнуто новое³⁹.

Неподалеку от северной стороны Спасо-Преображенского собора стояла до 1840 г. первоначально деревянная, а затем каменная церковь Николая Чудотворца. Впервые она упомянута в Писцовой книге 1625 г. как «клеукая»⁴⁰. Возможно, что именно ту Николаевскую церковь, еще деревянную, и изобразил Витсен на переднем плане своего рисунка⁴¹. Мы видим ярусную церковь, состоящую из трех убывающих объемов. Охарактеризовать тип здания, однако, затруднительно. Скорее всего, речь идет о церкви, построенной не из убывающих цилиндров, как это изобразил Витсен, а, например, из двух или трех восьмериков, опирающихся на четверик (на рисунке он заслонен от зрителя стеной). Постройки

³⁵ *Olearius Adam. Voyages tres curieux ex tres renommez, faits en Moscovie, Tartarie et Perse.*

A Leide, chez Pierre Vander Aa. Vol. 1–2, 1719, tab. p. c. 32

³⁶ Новгородская первая летопись, с. 368–369; Макарий, архимандрит. Археологическое описание, с. 291

Церковь существовала уже в XII в.

(Малыгин П. Д. К топографии, с. 38)

³⁷ Герберштейн С.

Записки о московских делах, рис. на с. 117

³⁸ Седов В. В., Петров Д. А. Каменные храмы в городах, монастырях и погостах Новгородской земли. Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. Псков, 1987, с. 28

³⁹ Ильядор, иеромонах. Историко-статистическое описание... монастыря, с. 115

⁴⁰ Там же, с. 117;

Писцовая книга, с. 3.

В кремле Торжка, упоминается в Писцовой книге, также храм Афанасия и Кирилла «дервян». Он находился рядом с собором. Николаевская церковь располагалась на некотором удалении от собора «внутри города», судя по рассматриваемому рисунку Витсена, с северной стороны.

⁴¹ Под кровлей церкви показаны то ли консоли, то ли детали аркатурного пояса точно такие же, как на стрелковом ярусе боя деревянной стены кремля.

Рис. 43. «Башня в Торжке»
(церковь Вознесения).
Рисунок Н. Витсена.
Австрийская
Национальная
библиотека

EEN TOORN IN TORSOCK.

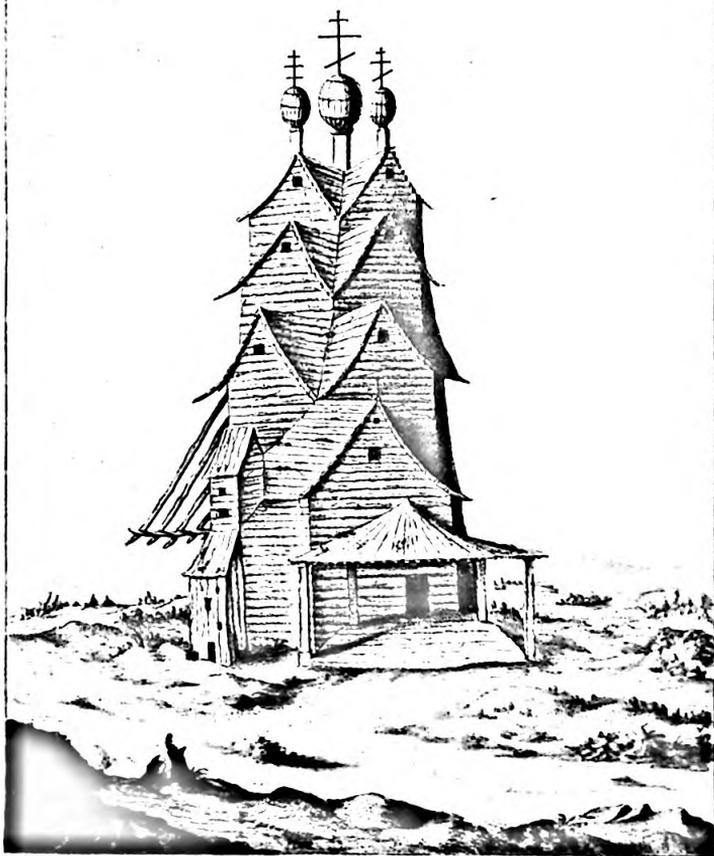

Рис. 44. Церковь
Вознесения.
Фотография 1910 г. Г
Фотоархив. ИИМК РАН

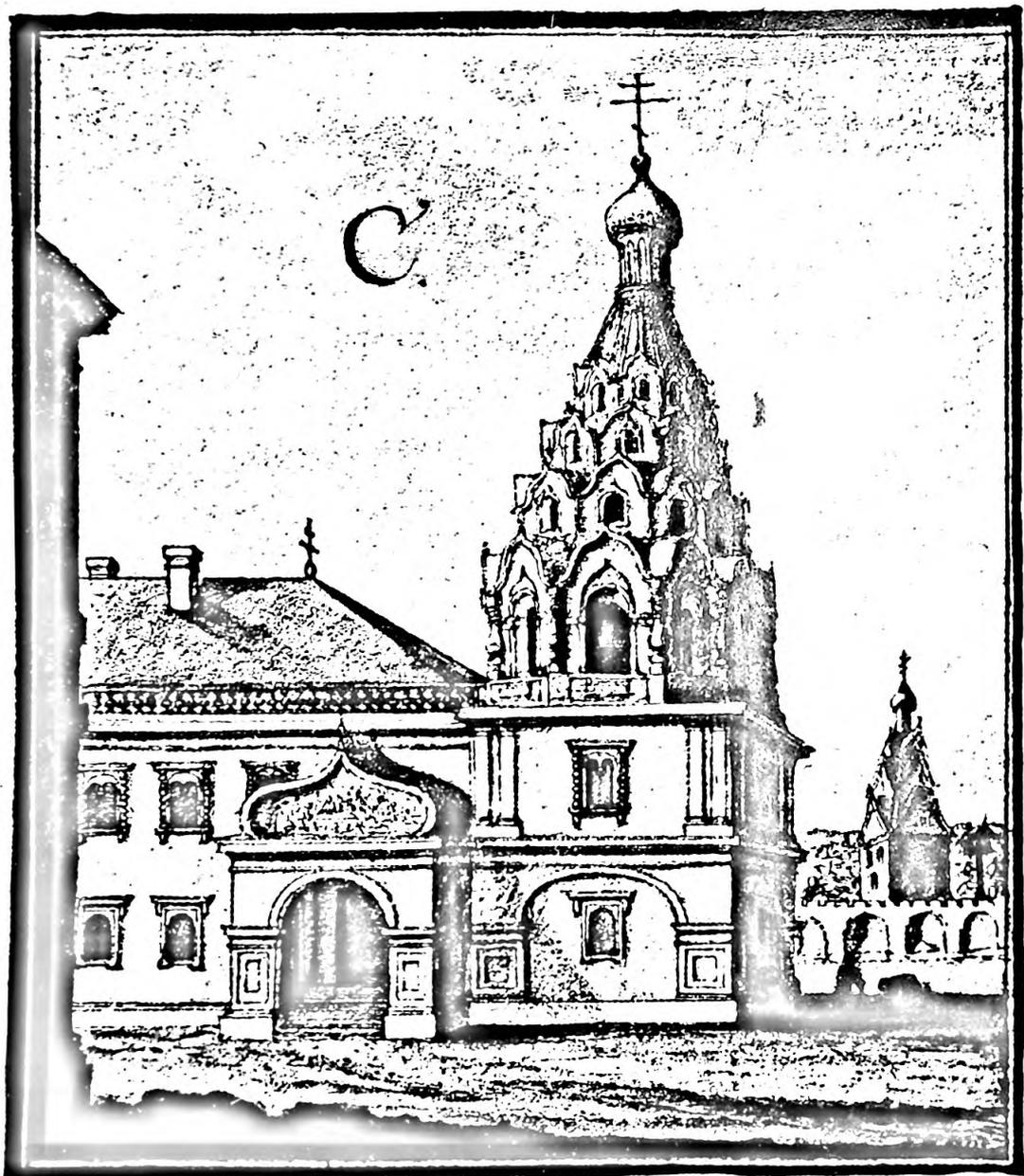

такого типа получили широкое распространение в Средней и Северной России в первой половине XVIII в., но возникли, по-видимому, в более раннюю пору. Допустимо, что Витсен зарисовал храм слишком обобщенно, и грани фасадов здания он по каким-то причинам вовсе не обозначил. Как бы то ни было, перед нами новоопознанный памятник городской архитектуры Торжка, считавшийся безвозвратно исчезнувшим.

В целом, внимание Витсена достаточно реалистично передает укрепленную часть Торжка. Особенно привлекают внимание достоверные изображения деревянных стен и башен и подробности их устройства. Рассматриваемый рисунок относится к тем ценным графическим произведениям, которые важны для изучения архитектуры среднего по размеру русского города эпохи позднего средневековья.

IV

Одно из городских строений Торжка удивило Витсена необычностью своих форм. Он назвал свой рисунок «Башня в Торжке» (рис. 43). В действительности, на нем представлен башенеобразный трехглавый храм, состоящий из трех убывающих четвериков, крытых на восемь

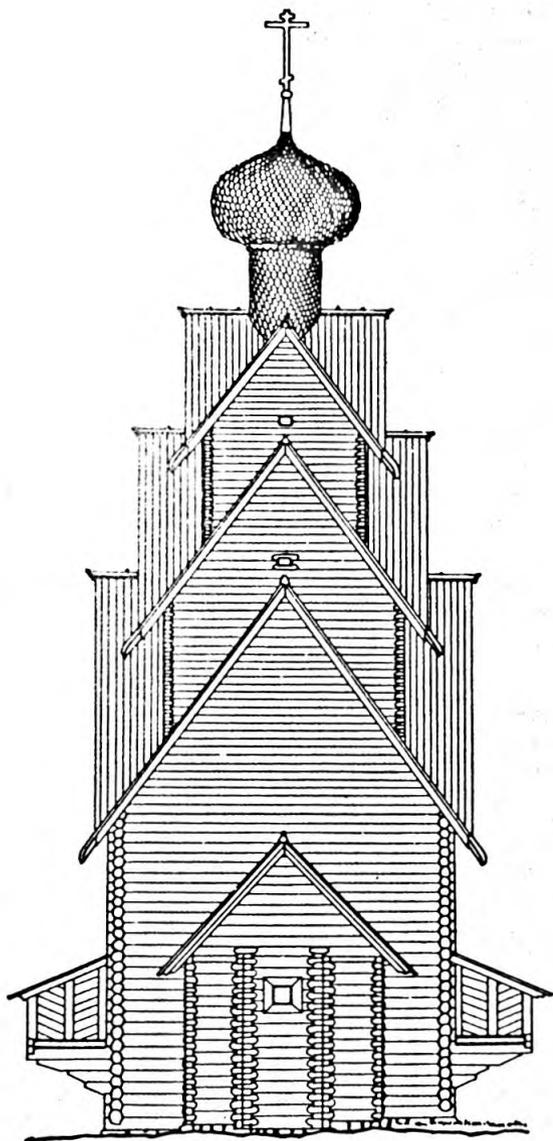

Рис. 45. Колокольня церкви
Введения Борисоглебского
монастыря и церковь
Вознесения (справа).
Рис. из альбома
Э. Пальмквисти

Рис. 46. Церковь Иоанна
Предтечи конца XVII в.
Ширковский погост
Тверской области.
Проект реставрации
А. Ополонникова

скатов. Основание храма — четырехугольная клеть — дополнена высокой пристройкой с крыльцом, по всей видимости трапезной, и какими-то небольшими примыкающими помещениями. Храм показан с западной стороны: видны стропила навеса, возможно, закрывавшего алтарь. Многоярусность и наличие острроверхих кровель, расположенных по вертикали, придают композиции здания особый динамизм и устремленность ввысь.

В описанной постройке безошибочно угадывается древняя городская Вознесенская церковь. Она находилась на берегу р. Тверцы, среди построек посада в районе Борисоглебского монастыря. Эта церковь сохранилась, но в измененном виде (рис. 44). Ее нижняя часть по-прежнему включает трапезную, высокую двухсветную клеть и соединенный с ней алтарь, а верхняя представляет собой сочетание уменьшающихся кверху восьмериков. Высота церкви до креста составляет около 30 м.

Приведенное сопоставление показывает, что история строительства здания распадается по меньшей мере на два основных этапа. На первом, его устройство определяло построение четверик на четверике, на втором — восьмерик на восьмерике. И в первом и во втором случаях речь идет о разных типах башнеобразных ярусных церквей, существовавших в Средней и Северной России в период позднего средневековья и в новое время.

Строительная биография церкви неоднократно излагалась в литературе⁴². Прибавим некоторые новые подробности. Впервые, как уже существовавшая, церковь Вознесения упомянута в Писцовой книге Торжка 1625 года. Храм кратко определен как «древян клетушки»⁴³. Известно далее, что в 1653 г. здание было возобновлено и несомненно приобрело тот вид в каком зафиксировано в 1661 г. на панораме г. Торжка в альбоме Мейерберга. На этом рисунке, в его левой части, среди посадского строения можно разглядеть высокую пирамидальную церковь с ярусными острроверхими фронтонами, расположенными один над другим (рис. 39). Нет сомнения, что это и есть церковь Вознесения, существовавшая к этому времени в своем характерном виде. Храм вызывал неизменный интерес у иностранцев, и не случайно, вслед за художниками австрийского посольства Мейерберга,

⁴² Илиодор, *неромонах*. Историко-статистическое описание... монастыря, с. 122;

Виноградов А. Н. Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII вв. // Записки Русского

Археологического общества. Т. VI. СПб, 1893, табл. XIII, 19;

Димитрий, архимандрит. Монастыри и приходские церкви г. Торжка и их достопримечательности. Тверь, 1903, с. 91–94;

Галашевич А. А. Памятники деревянного зодчества Калининской области (ярусный тип храма) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982, с. 105–107, рис. 5–7

⁴³ Писцовая книга, с. 27

его изобразил в 1664 г. Витсен, а в 1674 г. Пальмквист. Последний верно поместил церковь Вознесения за Борисоглебским монастырем, показав ее в створе с колокольней Введенской церкви этого монастыря (рис. 45).

Серьезная переделка церкви, возможно повлекшая за собой изменение ее общей композиции, произошла в 1717 г. В церковных документах эту дату связывают с устройством нового храма⁴⁴. Остается добавить, что в 1806 г. к церкви приделали паперть, а в 1854 и 1883 гг. ее обновляли. После всех перестроек от здания середины XVII в. сохранилось немного. Обнаруженные в XIX в. на третьем и четвертом ярусах храма слюдяные окошки с оловянными переплетами, а также довольно толстые, составляющие стены бревна толщиной 35, 44 и 70 см, вероятнее всего, не древнее XVIII в. Допустимо, однако, что общий план постройки не изменился.

О первоначальном облике сооружения можно судить на примере ц. Иоанна Предтечи конца XVII в. в Ширковом погосте Тверской области (рис. 46)⁴⁵. Конструкция и устройство ее почти полностью повторяют торжковские. Объем храма создается убывающими по мере подъема четвериками. Шипцовые покрытия придают зданию легкость и визуально увеличивают его высоту (до креста около 40 м). Храмы такого типа воздвигались в XVII в., но типологически восходят, вероятно, к XVI в. Высказано мнение, что они могли повлиять на развитие форм каменного шатрового зодчества русского севера⁴⁶.

Имеются материалы о том, что в Торжке, кроме Вознесенского, строились и другие деревянные ярусные столпообразные храмы. Такова упоминавшаяся выше крепостная церковь Николая Чудотворца. Причислим сюда и деревянную церковь Воскресения, находившуюся в Воскресенском девичьем монастыре на Ильинской горе у Ямщицкой слободы, где в XVII в. находился по-сольский двор. Здание было возведено после 1633 г. и к 1686 г. пришло в такую ветхость, что завалилась пристроенная к нему паперть. В описании 1685–1686 гг. отмечено, что церковь была «костровая с четырьмя уступы, а на ней три креста обиты белым железом, ветха». «Костровым» в том же описании назван и второй деревянный монастырский храм Благовещения⁴⁷.

⁴⁴ Илиодор, иеромонах. Историко-статистическое описание... монастыря, с. 122

⁴⁵ Галашевич А. А. Памятники, с. 103–105, рис. 1–2

⁴⁶ Булкин В. А., Овсянников О. В. Каменные шатровые храмы Сийского монастыря // КСИА, 160. М., 1980, с. 122

⁴⁷ Веригин Е. А. Новоторжский Воскресенский, с. 10–11, 60 и 64

« Ополоников А.,
Островский Г.
Русь деревянная.
М., 1981, с. 55,
рис. на с. 51;
Кирпичников А. Н.
Каменные крепости
Новгородской земли.
Л., 1984, с. 99–100
« Писцовая книга,
с. 21, сл.;

Выпись из тверских
писцовых книг Потапа
Нарбекова и подъячего
Богдана Фадеева
1626 года. Тверь,
1901, с. 23

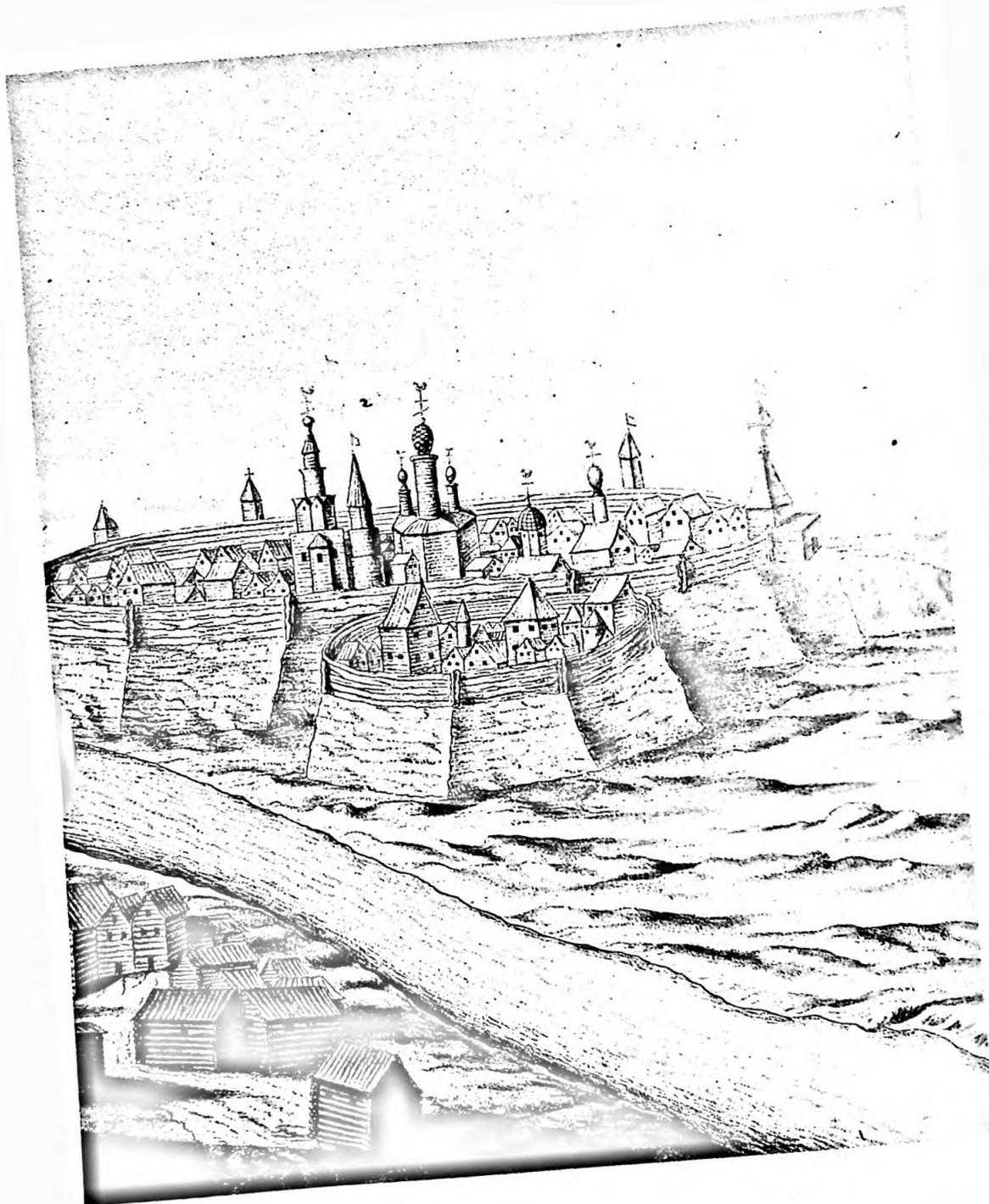
⁵⁰ Равным образом,
не знаем мы, какие
элементы конструкции
верха имела
ц. Воскресения,
были ли это четверики
или восьмерики,
или и то и другое

Слово «костер» означало боевую башню, однобашенное укрепление, бревенчатый пирамидальный сруб⁴⁸, а в данном случае, высокую ярусную башнеобразную постройку. Определение подобного типа перекрытий, как «костровая с четырьмя уступы» можно расшифровать как «уступчатая пирамида». Если такое толкование верно, то оно характеризует не только наружный облик монастырской Воскресенской церкви, но и подходит к описанной выше посадской Вознесенской.

В документах XVII в. на примере построек не только Торжка, но и Твери упоминаются деревянные церкви клетские, шатровые и костровые⁴⁹. Каждый из этих терминов имеет определенный типологический архитектурно-технический смысл. Первые два определения пояснений не требуют. Что касается третьего, то он, как упоминалось выше, по-видимому, обозначал деревянные ярусные церкви ступенчато-пирамидального профиля. Понятие «костровый», вероятно, было приложимо к нескольким разновидностям ярусных форм, например, «с уступы». Как бы то ни было, все три упомянутые выше термина отражали строительную практику своего времени и применимы для конкретных характеристик определенных образцов древнерусского культового деревянного зодчества.

Возвращаясь к конструктивному совпадению посадской и монастырской церковью разных районов Торжка (ведь обе они соответствуют описанию «костровые с четырьмя уступы»), можно в целях проверки поставить вопрос о том, какую же из этих построек изобразил Витсен на своем рисунке. Такие детали монастырской постройки, как паперть (у посадской церкви Вознесения паперть устроена в 1806 г.) и само ее нахождение в комплексе монастырских строений не позволяют считать церковь Воскресения объектом зарисовки Витсена. Эти детали, будучи реальными, не остались бы им не зафиксированными. К тому же неизвестно существовала ли в Воскресенском монастыре в 1665 г., т. е. во время проезда через Торжок голландского посольства, церковь именно с уступчато-ярусным верхом или подобным возникло ближе к 1685 г. в результате более поздней переделки уже существовавшей монастырской постройки⁵⁰.

Итак, рисунок Витсена передает церковь Воскресения — постройку архитектурно оригинального, ныне очень редкого типа. Запечатлено одно из немногих сооружений Торжка, которое, хотя и в перестроенном виде, сохранилось до сих пор. Бесспорна возросшая историческая ценность этого сооружения, отразившего в своем устройстве несколько веков развития различных конструктивных форм деревянных столпообразных ярусных церквей эпохи позднего средневековья и нового времени.

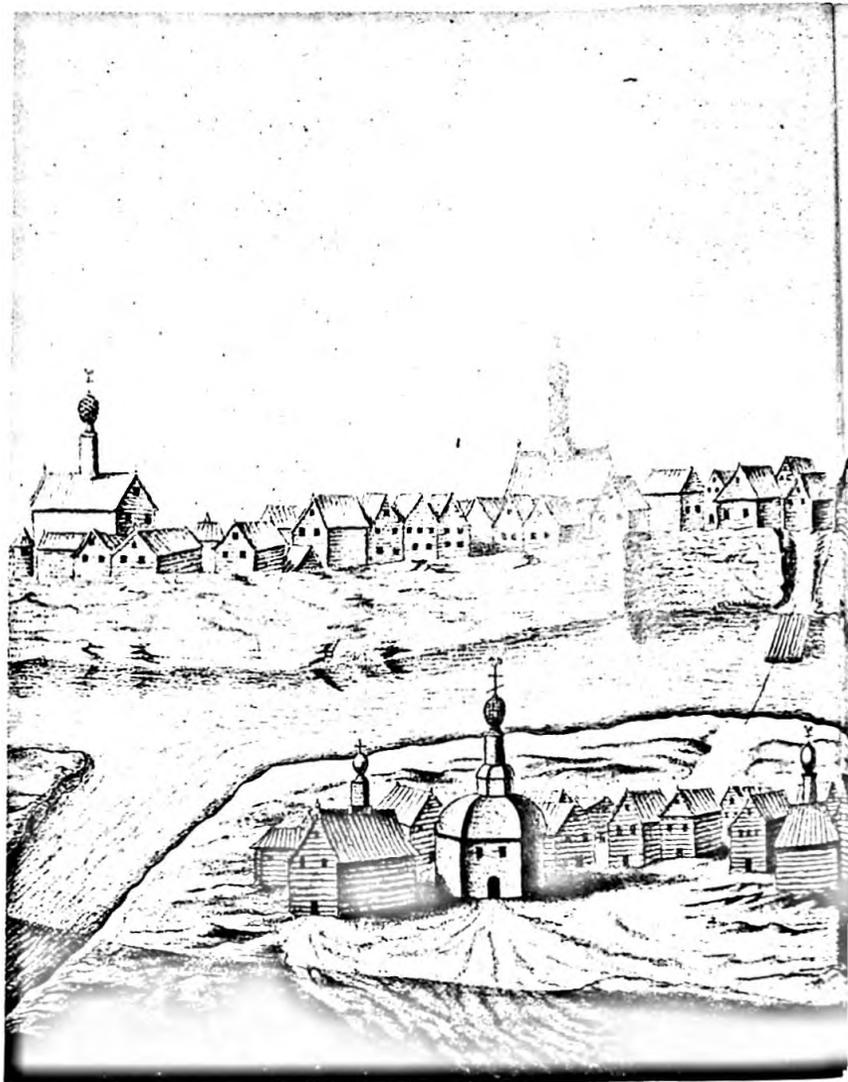
ТВЕРЬ

I

Голландское посольство 13–14 января 1655 г. оказалось в Твери. Впечатления Витсена, изложенные в его дневнике, выглядят достаточно отрывочными. Город кратко описан раскинувшимся по обеим сторонам Волги. На левом берегу путешественник отметил несколько заселенных участков, которые он назвал городишками или деревушками. Речь шла о располагавшихся здесь Заволжском и Затверецком посадах. На правом высоком берегу находились замок-кремль и основная часть города с рынком и резиденцией воеводы. По русским источникам, на правобережье, кроме кремля, существовали Загородский и Затмацкий посады. Укрепления замка отмечены Витсеном как запущенные; иностранцев туда не пустили. Голландец разглядел на каком-то городском кладбище белокаменные надгробия и деревянные доминины — наследие древней традиции сооружать при погребении «домики мертвых».

Записи Витсена обогащает его рисунок¹. Ему удалось зарисовать панораму кремля и Загородского посада. На передний план изображения также попали дома и церкви Заволжского посада (рис. 48). В дневнике о рисунке, правда, не сказано, но на гравюре «Тверь укрепленная и не укрепленная», приложенной к сочинению А. Олеария 1719 г., стоит подпись «*Nicolaas Witsen delineavit*» (Николаас Витсен рисовал)² (рис. 49). По сравнению с оригиналом гравюра схематизирована и приукрашена горами, деревьями, человеческими и конскими фигурами, ладьями. Все это подрывало интерес исследователей Твери к этому изображению, которое, по замечанию одного краеведа, не представляет сходства с тем описанием города, которое можно составить по Писцовым книгам³.

¹ Atlas Blaeu-Van der Hem. Bd. 24, Taf. 8, разм. 43 x 61 см, два разворота, рисунок тушью с размывкой.
² Olearius Adam. Voyages, рис. на с. 32.
³ Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в. Тверь, 1889, с. 7

Иное дело сам рисунок. На нем действительность отображена более достоверно, кроме странного добавления в виде холма с постройками, помещенного перед кремлем. Речь идет, несомненно, о Федоровском монастыре, находившемся на островке в устье р. Тмаки, в непосредственном соседстве с кремлем. Смещение островка со

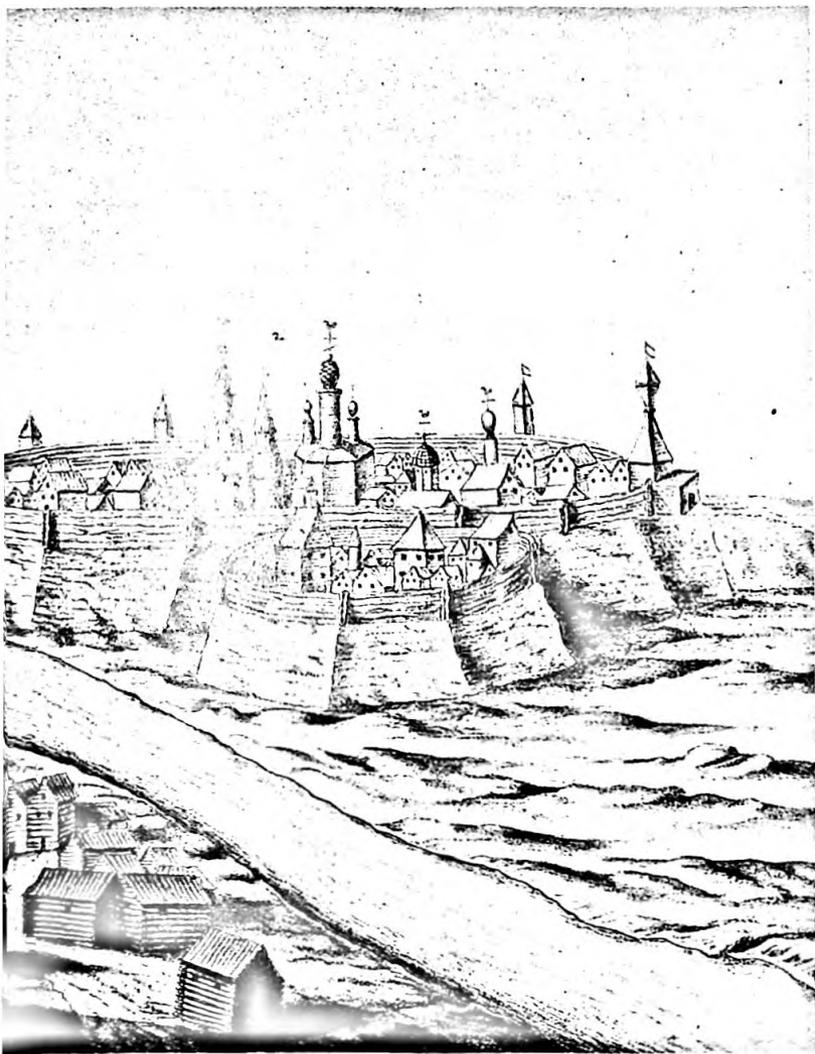

Рис. 48. «Тверь».
Рисунок Н. Витсена.
Австрийская
Национальная
библиотека

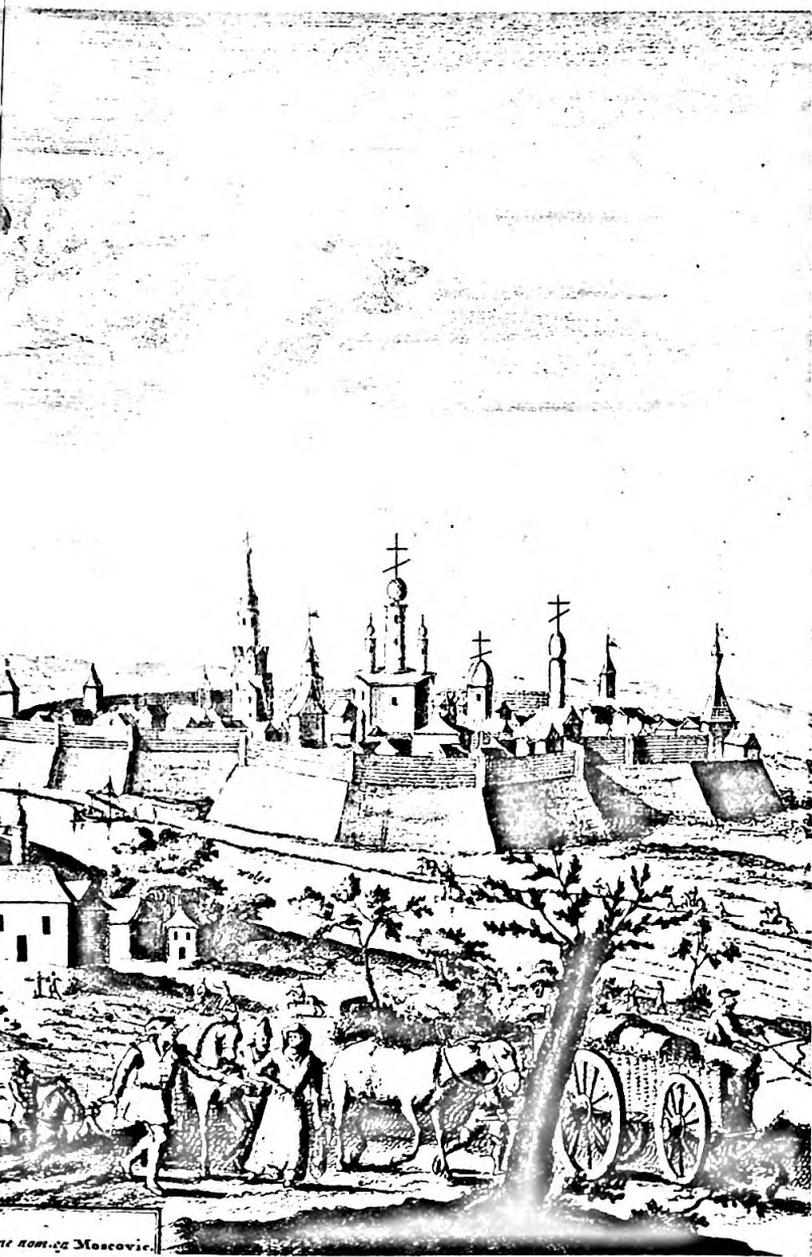
своего первоначального места на рисунке Витсена можно объяснить только тем, что панорама города рисовалась по частям и, вероятно, на отдельных листах бумаги. Позже, очевидно в Голландии, листы были смонтированы по памяти, что и привело к неточностям и сдвигам. Произвольно, например, показаны изгиб Волги у города

ONBEWALT.
BEWALT CH

T
Ville Capitale de Des

Рис. 49. -Тверь укрепленная
и не укрепленная.
Гравюра по рисунку
Н. Витсена

те горы Московіе

Рис. 50. Тверь в 1634 г.
гравюра из книги
А. Олеария

⁴ *Олеарий А.*
Описание путешествия
в Московию, рис. к с. 27;
Мейерберг А.
Виды и бытовые картины,
рис. 42;
Рубцов М. В.
Тверь в 1674 г. //
Сборник трудов
членов Псковского
Археологического
общества. Псков, 1897.
по Пальмквисту.
Тверь, 1902;
Линдеман И. К.
Разбор сведений,
рис. к с. 352

и устье Тверцы. К тому же, на некоторых частях панорамы отдельные постройки воспроизводились с долей условности. Это, например, проявилось в необычной удлинённости глав церквей. Что касается деревянной застройки города, то она кажется вполне реальной, не противоречит этому и некая одинаковость домов — следствие, вероятно, послепожарного типового строительства городских кварталов. Подобные случаи имели место и в других позднесредневековых русских городах.

Произведение голландского путешественника дополняет немногие изображения Твери XVII в., приложенные к сочинениям А. Олеария, А. Мейерберга и Э. Пальмквиста (рис. 50)⁴. В этом ряду рисунок Витсена, пожалуй, наиболее подробный и информативный. Он возвращает науке представление об облике города и его постройках 60-х гг. XVII в. Русские источники: писцовые

книги Твери 1616, 1626, 1677, 1685–1686 гг. и планы города конца XVII — первой четверти XVIII вв.⁵ не только сопоставляются с объектами на рисунке Витсена, но и подтверждают их достоверность.

В момент посещения Витсеном Твери город переживал не лучшие времена: разруха «смутного времени», последующие пожары (один из них случился в 1661 г.), мор 1655 г. — все это отрицательно сказалось на его развитии. В 1629 г. в городе пустовало 1450 дворов и 11 церквей и монастырей. В крепости и на посадах живущими значились тогда только 544 двора⁶. В то время приходят в упадок ряд монументальных построек периода тверской независимости. Не удивительно, что иностранцам Тверь казалась захудалой, мало примечательной. Медленное возрождение городской жизни началось в 1660–1670 гг. После длительного перерыва возобновилось каменное строительство. В 1685 г. в Твери уже насчитывалось 1706 дворов, 4582 жителей. По этим показателям город лишь приблизился к своему состоянию, в каком находился в начале XVII в. Какие бы беды ни испытала Тверь, даже в кризисные времена истории она не теряла своего значения как важный ремесленный, торговый и транспортный населенный пункт в центре государства, на северо-западных подступах к Москве. Тверские иглы, замки, полотна, другие изделия домашнего обихода расходились по всей России. Не один век в городе существовал большой квартал кузнецов⁷. В 1674 г. в аннотации к плану города Э. Пальмквист записал: «Русские считают это место ключом всего государства, потому что здесь пролегает для приезжих с запада единственный проезжий путь через Волгу»⁸.

Витсен застал город на определенном этапе его восстановительного подъема после пожара 1661 г., когда его последствия были уже во многом преодолены. Ряд построек зафиксирован голландцем в том виде, в котором они будут существовать еще в начале XVIII в., к возведению других только начали приступать.

Обратимся теперь к характеристике сооружений, представленных на самом рисунке.

⁵ Дозорная книга города Твери 1616 года.

Тверь, 1890;

Выпись из тверских писцовых книг;

Комаров Б.

Чертеж города Твери до перепланировки XVIII века //

Архитектурное наследство.

6, М., 1956, с. 150, сл.;

Соколов И. И.

План г. Твери 1-й четверти

XVIII в. // Из истории

Калининской области.

Калинин, 1964, с. 174–192

и цветная вкладка;

Шенков А. С.

Опыт реконструкции плана

Твери конца XVII в. //

Архитектурное наследство.

28, М., 1980, с. 29–36

⁶ Овсянников Н. Н.

Тверь в XVII в., с. 69–70

⁷ Тихомиров М. Н.

Россия в XVII столетии.

М., 1962, с. 190–195

⁸ Линдемэн И. К.

Разбор сведений, с. 353

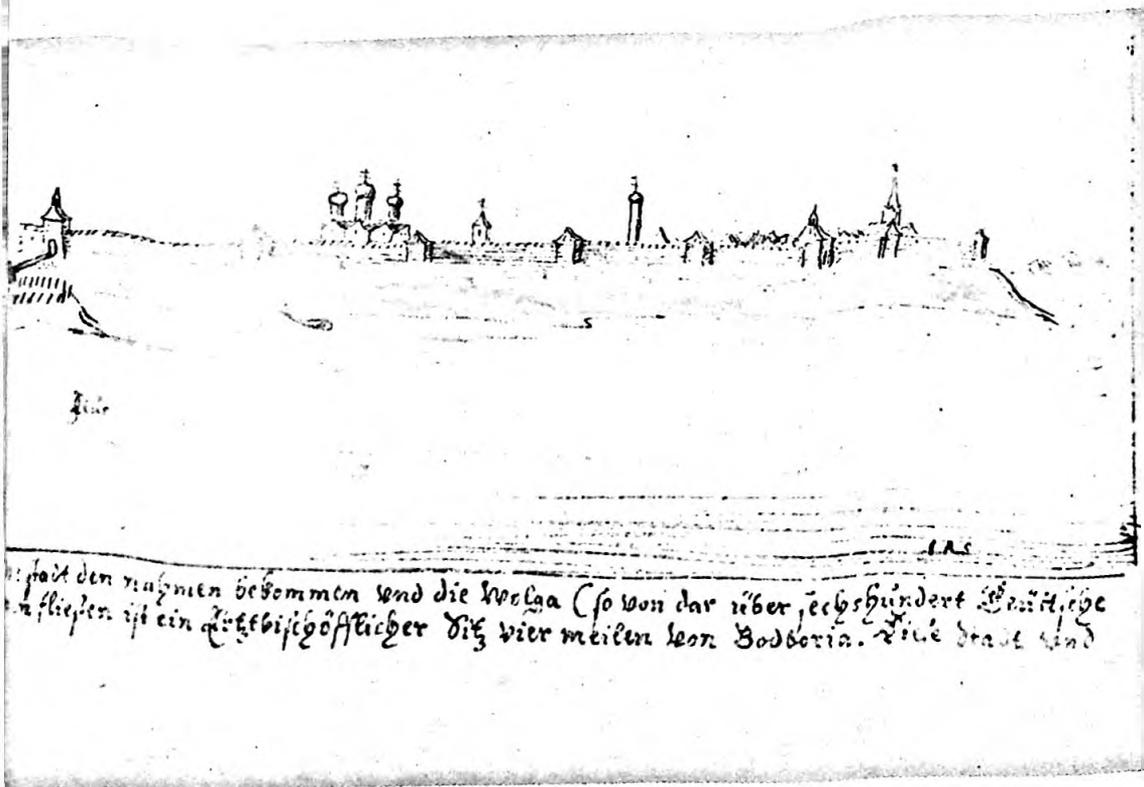
Рис. 51. Тверь в 1661 г.
 Рисунок из альбома
 А. Мейерберга

II

Правая часть рисунка отведена кремлю Твери. Он занимал мыс, образованный р. Волгой и Тмакой (рис. 48). Своего максимального распространения этот центральный укрепленный район города достиг, по-видимому, в 1317 г., когда тверской великий князь Михаил Ярославич заложил большой град кремник⁹. Площадка кремля была окружена валом общей длиной почти 1600 м и высотой, считая от дна рва, не менее 25 м¹⁰. В XVII в. навальные сооружения включали стену с 18 башнями, из которых четыре, а именно, Владимирская, Благовещенская,

⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV вв. Т. II. М., 1962, с. 390 Там же, об истории создания тверских укреплений.

¹⁰ Соколов И. И. План, с. 179, № 19

Тмацкая и Волжская были воротными. Примерный глазомерный план всех этих укреплений в 1674 г. зачертил Э. Пальквист. В отличие от Витсена, ему удалось незаметно проникнуть внутрь кремля, снять сетку улиц, расположить (правда, не всегда достоверно) на чертеже храмы (рис. 52). Планы отдельных сооружений настолько детальные, что, похоже, скалькированы с каких-то русских чертежей. Шведский соглядатай застал Владимирскую башню перестроенной в камне: прилегающие к ней стены примерно на четыре метра были каменными, далее к ним примыкали деревянные¹¹. На момент приезда в

¹¹ РГАДА, ф. 1209, кн. 470 по Твери 1685–1686 гг., л. 2; (глубоко благодарен Н. П. Войскобойниковой за предоставление архивного выписок, связанных с Лисцовой книгой Твери 1685–1686 гг.); Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в., с. 8

город Витсена укрепления были еще полностью деревянными. Судя по описанию Твери 1685–1686 гг., высота башен достигала 10 сажень, ширина 2–5 сажень. Иными показаны эти укрепления на рисунке Витсена: со стороны Волги они представляли стену без башен. Последние кое-где высились со стороны р. Тмаки, а со стороны Волги показаны только Волжские ворота; подобное состояние крепостных сооружений объясняется пожаром 1661 г. Незадолго до пожара крепость Твери зарисовали художники австрийского посольства А. Мейерберга¹². На этом изображении воротные башни Владимирская и Волжская обозначены несколько более крупными, чем остальные, высота последних почти равновелика прилегающим стенам. Башни же, зарисованные Витсеном, значительно возвышались над верхним урезом стен, из чего можно заключить, что они не те, что были до пожара 1661 г., а уже восстановленные в новых, более высоких объемах.

На изображении Витсена обращают внимание Волжские ворота (в правой части кремлевского комплекса). Они состоят из двух объемов: выступающего к фронту раската — строения без крыши, с воротной аркой в его первом ярусе, и примыкающего к нему с тыла четырехугольного сооружения с высоким шатром, как бы суженным в своей верхней трети. Речь идет о своеобразном декоративном оформлении кровли — устройстве, зафиксированном у русских деревянных церковных построек XVII в. определенного, весьма своеобразного типа¹³. Увенчания кровель такого рода храмов представляло рубленый восьмерик (или четверик) основанием вверх, перекрытый многоскатным шатриком (рис. 48–49). Описанная необычная декоративная форма верха здания не фантазия художников, так как она повторяется на ряде изображений, выполненных разными авторами¹⁴. В сочетании с оборонительными сооружениями мы видим такой верх впервые и истолковывать этот факт возможно только, допустив, что в башне «под биконическим четвериком» находилась надвратная церковь (хотя ее шпиль Витсен увенчал не крестом, а флагом). Традиция устройства надвратных церквей восходит на Руси к XI в. Возводили их и позже, в частности, и в тверском кремле.

¹² Мейерберг А. Виды и бытовые картины, рис. 42
¹³ Там же, рис. 31, 34, 45;

Олеарий А. Описание путешествия в Московию, рис. к с. 8, 193, 356;

Шенников А. А. Русское деревянное зодчество начала XVII века по книге

А. Хутеерса //

Современный художественный музей.

Л., 1980, рис. 8 и 141

Хутеерис назвал церковь с кровлей описанной выше формы, «башней с ратушей и канцелярией». Это верно лишь в том смысле, что в данной постройке могли, например, совмещаться церковь, канцелярия и архив.

¹⁴ Малков Ю. Г.

Новгородская земля

в рисунках Антониса

Хутеерса (1615 г.) //

Древний Новгород.

История, искусство, археология. Новые исследования. М., 1983, с. 350–352, рис. 142

При тверском великом князе Борисе Александровиче (1425—1461 гг.) над одной из проездных башен была устроена церковь «Вход во Иерусалим»¹⁵. Если предложение, объясняющее существование Волжской воротной башни-храма, верно, то мы располагаем редчайшим изобразением особого воротного комплекса русского города XVII в. Не исключено, что в тот период храмы имелись и в некоторых других воротных сооружениях Твери.

Пространство кремля показано тесно застроенным одно-, двух-, а иногда, как представляется, и трехъярусными срубными домами, некоторые постройки между собой сдвоенны и строены — черта для того времени вполне реальная¹⁶. Такие комплексы — двойни или тройни — объединялись сенями, протянутыми вдоль срубов или устроенными между ними. На торцах домов видны характерные световые и волоковые окошки. Отчетливо различимы двухскатные кровли — все без труб. Дома не имеют карнизов, а следовательно, и чердаков. Даже у состоятельных людей они отапливались по-черному. Строения с «белыми» покоем появляются ближе к концу XVII в. По документам второй половины XVII в., в кремле существовали владычный и вовеводский дворы, приказная или съезжая изба, дворы знати и рядовых горожан. Кроме хором здесь высились многочисленные клети, горенки, чуланы, бани, конюшни, сушилка, поварни, погреба и т. п.¹⁷. Большинство этих дворских построек, будучи невысокими, были или не видны или заслонены от художника более объемными сооружениями.

На фоне домовой застройки отчетливо выступают церкви. Их число соответствовало реальности. Рассмотрим эти постройки в последовательности справа налево (рис. 48). Первым здесь оказывается храм Николы в Капустниках с двухскатной кровлей и высоким подглавьем. Сведения о его создании относятся к 1403 г.¹⁸ В Писцовой книге Твери 1626 г. храм упомянут как «древен клецки»¹⁹. В 1661 г. постройка сгорела, а в 1674 г., судя по плану города Э. Пальмквиста, была уже каменной (с пятью главами) с расположенной рядом колокольней²⁰. Переделки церкви проходили в 1736 г. и 1759 г.²¹

Таким образом, Витсен зафиксировал храм в то время, когда он, будучи восстановленным после пожара 1661 г.,

¹⁵ Воронин Н. Н. Зодчество, с. 396

¹⁶ Благодарю

А. А. Шенникова за подробные консультации о постройках на рассматриваемой панораме Твери.

¹⁷ Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в., с. 21, сл

¹⁸ Чередеев К.

Биографии тверских иерархов.

Тверь, 1859, с. 40

¹⁹ Выпись из тверских писцовых книг, с. 13

²⁰ Чередеев К.

Биографии, с. 87—88

²¹ Владиславлев В.

Краткие исторические сведения о монастырях и более замечательных церквях г. Твери. Памятная книжка Тверской губернии на 1863 г. Тверь, 1863, с. 100; Карманов Д. И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893, с. 124

Рис. 52. План Твери

из альбомы

Э. Пальмквиста

о шведском посольстве

в Россию в 1674 г.

(перевод надписей

со шведского

С. Г. Халипова).

Литеры:

А — крепость;

В — город, наполненный

лавками купцов;

С — пригород,

в котором размещено

посольство;

D — большой пасаг,

называемый

Воскресенская слобода;

E — тот же пасаг,

где живут ящичики;

F — Петровский (Отрочь)

монастырь, который

недавно построен

из камня;

g — Ниха (Федоровский)

монастырь каменный;

h — три каменных

монастыря в крепости;

i — дом воеводы и

архиепископа;

k — сливная плотина и

мельница на р. Тмаке;

l — деревянные церкви;

т — верхние (Волжские)

ворота, не имеющие

стражи, через которые я

прошел (в кремль);

п — мост и вход

в крепость;

o — пришедшие в упадок

деревянные укрепления;

р — башня

(Владимирская)

с прилегающей частью,

которые недавно были

обмурованы камнем.

Надписи на плане:

сухой ров, малый посаг

(вдоль берега Тмаки),

хорошая пашня, большое

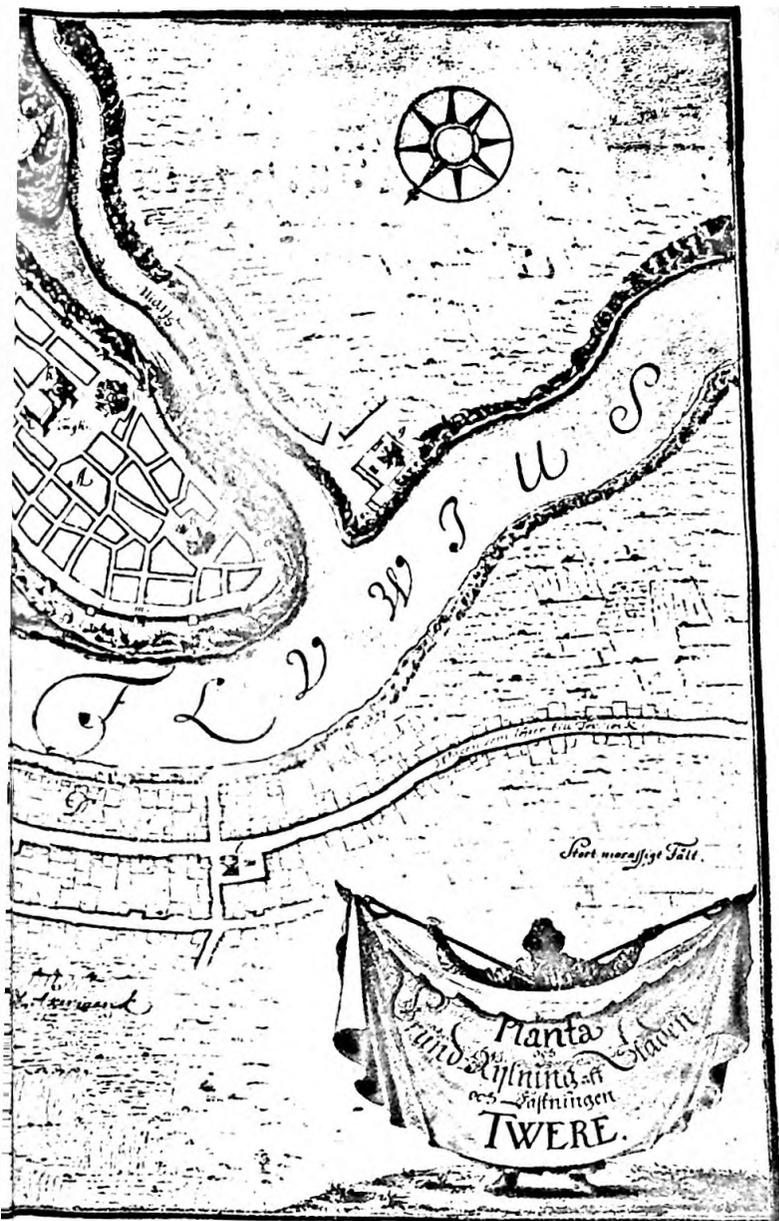
заболоченное поле

(две последние надписи

на месте Заволжского

посага)

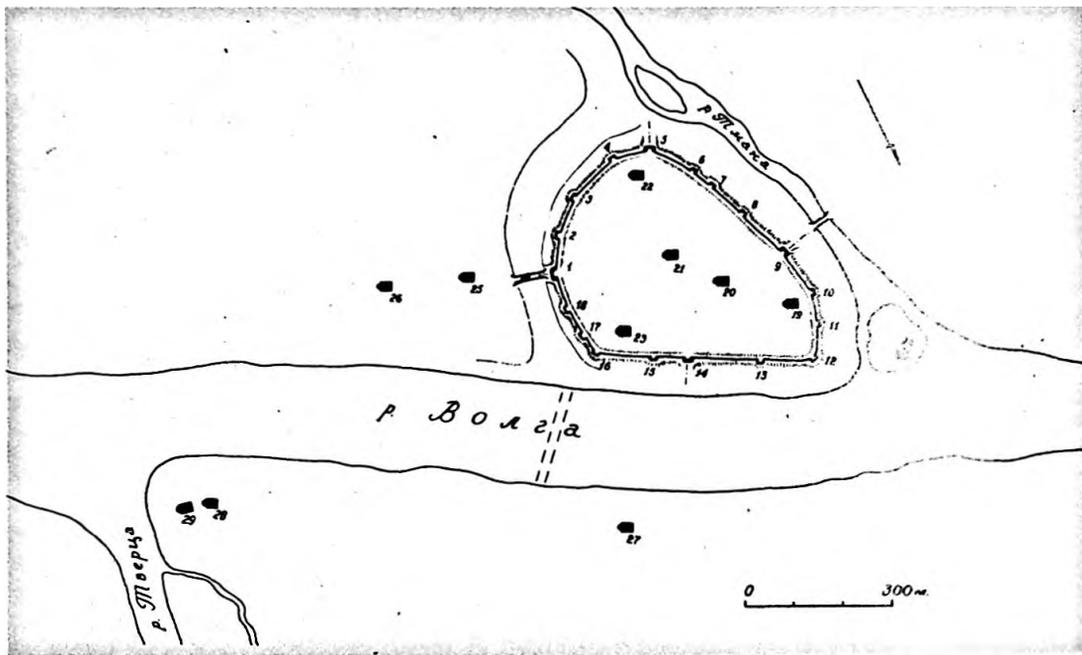

Рис. 53. Архитектурные объекты Твери XVII в., отраженные на рисунке Н. Витсена. Схематическая реконструкция автора.

- 1 — Владимирская проезжая башня;
- 2 — Степановская башня;
- 3 — Богомленская башня;
- 4 — Благовещенский раскат;
- 5 — Благовещенские ворота;
- 6 — Степановская глухая башня, что против озера;
- 7 — бык;
- 8 — башня, что против приказной избы;
- 9 — Тмацкие ворота;
- 10 — Никольская башня;
- 11 — Мельницкая башня;
- 12 — Наугольная башня;
- 13 — Спечевская башня;
- 14 — Волжская проезжая башня;

какое-то время был деревянным и, очевидно, так же как и в начале XVII в., клетким.

Левее храма Николы Витсеном показан другой, находившийся в северной части кремля около береговой стены. Зрителю видны двухскатная кровля и увенчивающий ее граненый барабан с куполом. Возможно, здание было каменным. Судя по местоположению, это домовая церковь Происхождения честных древ креста Господня «на сенях», устроенная до 1635 г.²² и входившая в состав Владычного двора. Известно, что этот храм сгорел в 1661 г. и в дальнейшем был воостановлен на старинных подклетах уже каменным²³. Сам Владычный двор — наиболее значительный комплекс построек кремля — занимал обширную территорию, простиравшуюся от северных дверей собора Спаса до Волжских ворот. Именно в северо-западной части этой резиденции тверских иерархов и помещался упомянутый храм²⁴. Возможно, что Витсен запечатлел это сооружение, оказавшееся самым высоким на Владычном

дворе, в новопостроенном после 1661 г. виде.

В центре кремля высится трехглавая церковь с много-частным фасадом. Обращает на себя внимание центральное удлиненное подглавье. Так Витсен изобразил Спасский собор — главную святыню Твери. Этот храм был заложен в 1285 г., в дальнейшем неоднократно обновлялся, а в 1634–1635 гг. был перестроен. Почти до конца XVII в. здание сохраняло традиционные архитектурные черты. Так, например, его боковые фасады членились на три части, каждая из которых увенчивалась шпильцом. Верх церкви имел три главы, устроенных не позже 1353 г.²⁵ В таком виде представлен Спасский собор в альбоме Мейерберга (рис. 51). Нечто похожее, но в более схематичном исполнении, мы видим на рисунке Витсена. Однако упрекать художника в небрежности было бы несправедливо. Дело в том, что в 1661 г. Спасский собор также пострадал от пожара и, будучи восстановленным, предстал перед голландским путешественником с измененными деталями: исчезли прежние шпильцы, появился прямой карниз и покрытие при сохранении многолопастности стало уплощенное, возможно, несколько обновилась и главы церкви. Еще в 1616 г. «верхи у храму наделаны деревянные»²⁶. Стали они каменными в результате работ 1634–1635 гг. или нет, неизвестно, но, затронутые пожаром 1661 г., и при воссоздании, могли изменить свои пропорции.

Капитально переделали храм в 1689–1696 гг. В сохранившихся описаниях он предстает белокаменным с большими кирпичными сводами, пятью главами и позакומרным покрытием, четырьмя столбами и пятью алтарями, тремя папертиями. Приделы Введения и Великого князя Михаила своими отдельными главами прибавили к имевшимся пяти еще две главы²⁷. Таким образом рисунок Витсена запечатлел Спасский собор в том виде, каким он был между 1661 и 1689 гг., своими архитектурными формами напоминая о временах тверской независимости.

Рядом с собором слева показано трехъярусное ба-шенобразное с шатровым верхом здание, которое можно было бы сопоставить с соборной колокольней. О существовании колокольни, служившей архитектурной

15 — бьк, что на
Владычне трубе;
16 — Владимирский
раскат;
17 — Пречистенская
башня;
18 — башня,
что против богодельни;
19 — ц. Николая
в Капустниках;
20 — ц. Происхождения
честных древ креста
Господня;
21 — Спасский собор;
22 — ц. Благовещения;
23 — ц. Рождества
Богородицы;
24 — ц. Фегора
Стратилата Фегоровского
монастыря;
25 — ц. Знамения
Богородицы;
26 — ц. Ильи Пророка;
27 — ц. Воскресения
Христова;
28 — ц. Жения пречистой
Богородицы Отрочь
монастыря;
29 — ц. Петра
Митрополита Отрочь
монастыря

²⁵ Владиславлев В.
Краткие исторические
сведения, с. 97

²⁶ Чередеев К.
Биографии, с. 87–88;

Овсянников Н. Н.
Тверь в XVII в., с. 21

²⁷ Соколов И. И.
План, вкладка 3

²⁸ Воронин Н. Н.
Зодчество, с. 138

²⁹ Дозорная книга
города Твери., с. 13

³⁰ Владиславлев В.
Краткие исторические
сведения, с. 91;
Чередеев К.

Биографии, с. 13–14,
30, 77, 88, 92–93;

Воронин Н. Н.
Зодчество, т. II, с. 137–140;

Метрика собора
Преображения господня.
Архив ИИМК РАН,
ф. III, № 6761

- ²⁸ Воронин Н. Н. Зодчество, с. 394
²⁹ Дозорная книга города Твери., с. 27
³⁰ Чередеев К. Биографии, с. 113; Метрика собора Преображения Господня. Архив ИИМК РАН, ф. РIII, № 6761
³¹ Владиславлев В. Краткие исторические сведения, с. 92
³² Воронин Н. Н. Зодчество, с. 395.
³³ Выпись из Тверских писцовых книг, с. 23

примечательностью кремля, сообщают письменные источники²⁸.

Дозорная книга 1616 г. упоминает о «колокольнице большой»²⁹. Известно, что в 1739 г. ее перестроили в каменную. Колокольня в то время была трехъярусной, а среди бывших на ней колоколов находились отлитые в 1629 и 1666 гг.³⁰. В первом ярусе «столпа» помещалась церковь Иоанна Милостивого³¹. Этот храм, «что в Твери под колоколы», возник в более раннее время, находился рядом с собором и колокольней³², отмечен в письменных источниках конца XVI в. и назван в Дозорной книге 1616 г. Существовала ли церковь Иоанна в качестве самостоятельной постройки в середине XVII в. и позже, неизвестно. Можно только сказать, что совмещение храма под колоколы и колокольни произошло не позже 1739 г.

Более вероятно, что изображенное Витсенем сооружение — не колокольня (проемы для колоколов не показаны), а церковь Благовещения, которая находилась у Благовещенских ворот кремля и упоминалась во всех описательных документах Твери XVII в., начиная с Дозорной книги 1616 г. В Писцовой книге Твери 1626 г. этот храм обозначен как «древян костровой»³³.

Судя по рисункам Твери XVIII в., церковь неоднократно перестраивалась. Витсен же изобразил ее сходно с описанием 1626 г. В разделе о Торжке уже говорилось, что костровые храмы являлись башнеобразными постройками ступенчато-пирамидального профиля. Тверская церковь, представлявшая на рисунке Витсена трехъярусное шатровое сооружение, конструктивно вполне соответствует понятию костровой. Если высказанное заключение верно, то на голландском рисунке мы видим оригинальную разновидность храма башенного типа XVII в., а именно костровую церковь.

Ряд церковных построек кремля завершает многоярусный храм, состоящий из убывающих объемов, заканчивающихся шатровой вышкой. Один из ярусов здания оформлен как восьмерик с пощипцовым покрытием. Затруднительно сказать, насколько достоверны подробности данного изображения, но атрибуция постройки может быть предложена. В зоне рассматриваемого сооружения, расположенного в восточной части кремля,

*Рис. 54. Церковь
и кладбище
у Ивангорода.
Гравюра из книги
А. Олсаря*

судя по данным письменных источников, находились Афанасьевский монастырь и входившие в комплекс великокняжеского двора церкви Бориса и Глеба и архангела Михаила. Эти постройки времен тверской самостоятельности восходили к концу XII — второй четверти XV в. В 1610–1620 гг. они пришли в упадок и стояли в руинированном виде. В последний раз поименно эти церкви упоминались в тверских писцовых книгах 1627–1628 гг.³⁴ В 1635 г. обрушенные храмы, а также и сами княжеские палаты разбирались на камень для перестройки Спасо-Преображенского собора³⁵. Таким образом, во времена Витсена в восточной части кремля не было ряда прежних храмов, однако, сохранялись две деревянные церкви. Одна, упоминавшаяся выше, — Благовещенская, другая — Рождественская, находившаяся в районе, где крепостной ров упирался в Волгу.

Именно это сооружение, по-видимому, и фигурирует на панораме Витсена. Рождественская церковь отмечена во всех сохранившихся описательных документах Твери, начиная с Дозорной книги 1616 г.³⁶. Отмечено, что

³⁴ Выпись из тверских писцовых книг.

1627–1628 гг. Вып. I. Тверь, 1916, с. 32 сл.

³⁵ Воронин Н. И. Зодчество, с. 391;

Щенков А. С. Опыт реконструкции плана Твери, рис. 1, 5

³⁶ Дозорная книга города Твери., с. 13

Рис. 55. Тверской град.
Прорисовка центральной
части иконы: князь
Михаил Ярославич
и его мать Ксения

она стояла «на болоте», а во второй половине XVII в. была дополнена приделом Иоанна и Анны³⁷. М. В. Рубцов справедливо усмотрел изображения этого храма на гравюре из книги А. Олеария, а также на иконе тверского князя Михаила Ярославича и его матери Ксении. На обоих рисунках мы видим ярусные храмы, состоящие из трех убывающих объемов, с луковичными главами³⁸. Примерно такой же облик эта постройка, вероятно, не раз обновлявшаяся, сохраняла и в первой четверти XVIII в.³⁹. Полагаю, что именно ярусный храм Рождества и изобразил Витсен.

В рассмотренной постройке Н. Н. Воронин, обратившись к упомянутой выше иконе князя Михаила Ярославича и его матери Ксении (рис. 55), признал, однако, церковь Иоанна Милостивого, построенную около 1413–1420 гг., а не церковь Рождества XVII в. Н. Н. Воронин исходил при этом из того, что данная икона, где в средней части представлен «град Тверь», восходит к первой половине XV в., следовательно, и изображенная здесь постройка примерно того же времени⁴⁰. Подобную догадку высказывали еще тверские краеведы, а в дальнейшем, по-своему, ее развил Э. А. Рикман⁴¹. Не входя во все подробности аргументации даты протипа иконы, а также помещенного на ней изображения кремля, думаю, что эти заключения вряд ли верны. К пересмотру утвердившегося в науке мнения о времени создания иконы

³⁷ Рубцов М. В.
Тверь в 1674 г., с. 28 и 30

³⁸ Воронин Н. Н.
Зодчество, рис. 193 и 195

³⁹ Соколов И. И.
План, вкладка № 12

⁴⁰ Воронин Н. Н.
Тверской кремль в XV веке
// КСИА. 24, 1949,

с. 85, сл.;

Воронин Н. Н.
Зодчество, с. 391 сл.

⁴¹ Соколов А.
Святой благоверный
великий князь Михаил
Ярославич Тверской.

Тверь, 1864, с. IV;

Овсянников Н. Н.
Тверь в XVII в., с. 13;

Рубцов М. В.
Тверь в 1674 г., с. 28;

Рикман Э. А.
Новые материалы по
топографии древней
Твери. // КСИА. 49,
1953. с. 39, сл.

(начало XVII в.) и ее предполагаемых оригиналов подталкивает публикация плана Твери первой четверти XVIII в., а также анализируемый рисунок Н. Витсена. Названный план свидетельствует, что в кремле в начале XVIII в. существовали постройки, в большинстве воздвигнутые на одно-два столетия позже XV в. Именно эти постройки в схематическом виде и оказались представленными на иконе Михаила и Ксении. Уместно привести здесь несколько конкретных примеров. Застройка кремля представлена на иконе с юго-восточной стороны, а укрепления в своеобразном развороте — с юго-западной, южной, юго-восточной и северной сторон. Видны трое ворот: в центре Владимирские, а по сторонам Волжские и Благовещенские. Все имеют боковые дополнения, снабженные окнообразными бойницами⁴². Речь в одном случае идет о каменных стенах длиной в 2 сажени, отходивших от боковых сторон Владимирской башни. Далее каменные отводы стыковались с продолжающими их деревянными стенами⁴³. Нечто похожее представлено и на плане Твери первой четверти XVIII в. Весь этот каменный воротный комплекс был сооружен на месте деревянного в 1674 г.⁴⁴. Что касается представленных на иконе других ворот кремля, то о существовании возле них околобашенных сооружений ничего не известно. Возможно, что на иконе эти ворота изображены по образцу Владимирских.

Во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. в кремле, как отмечалось, находилось пять отдельных храмов. Все они обозначены на плане первой четверти XVIII в. и почти все, за исключением одного, (не видно), показаны Витсеном. Их можно соотнести с изображенными на иконе Михаила и Ксении, где мы видим (справа налево) главы церквей в Капустниках и Происхождения честных древ креста Господня, далее ярусный храм Рождества, соборную деревянную колокольню, собор Спасо-Преображения с 4 главами, наконец, купольную церковь Благовещения. Очевидец, видевший икону еще в XIX в., отмечал у Спасо-Преображенского собора не четыре, а семь глав, что соответствовало оформлению верха этой церкви в конце XVII в.⁴⁵. Возможно, что при публикации прориси иконы часть глав

⁴² Н. Н. Воронин принял боковые каменные докладки за особые стрельницы, охранявшие будто бы ворота. (Воронин Н. Н. Зодчество, с. 393). Стрельницы, упомянутые в рассказе об осаде Твери московской ратью в 1375 г., в действительности, боевые башни. Насколько можно судить, особых башен у ворот кремля Твери ни в XIV, ни в XVII вв. не было. На иконе Михаила и Ксении ясно показано, что каменные отводы не выступали в сторону поля, следовательно, предместными узлами обороны их считать нельзя.

⁴³ Аналогичный пример встроенности каменной башни с боковыми каменными отводами в систему деревянных стен имел место в Тихвине в 1669 г. (Мильчик М. И. Древнерусский архитектурный ансамбль на чертежах и иконе XVII в. // История СССР, 1974. Т. 2, с. 205 и рис. 2)

⁴⁴ Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в., с. 8

⁴⁵ Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в., с. 13.

не была воспроизведена по невнимательности копииста. На основании позакомарного покрытия собора, а также луковичной формы его глав, существовавших будто бы только до 1616 г., Н. Н. Воронин датировал икону началом XVII в. Однако, на плане Твери первой четверти XVIII в. отчетливо видны завершающие полукружия и луковичные главы собора, следовательно, препятствия для более поздней датировки иконы снимаются.

Перед собором видится ограда Владычного двора. Некое башнеобразное сооружение с окнами в правой части иконного изображения может быть истолковано или как продолжение ограды Владычного двора или как новопостроенные в 1712–1714 гг. «палаты светлейшего князя» А. Д. Меншикова⁴⁶, а не великокняжеский дворец времен тверской самостоятельности — во второй половине XVII в. он был разобран.

Писатель, видевший икону Михаила и Ксении в конце XIX в., находившуюся в Спасо-Преображенском соборе, заметил, что она «написана масляными красками и принадлежит несомненно новейшему времени»⁴⁷. Об этом свидетельствует и та манера, в какой выписаны фигуры членов княжеской семьи. Что касается «средника» с видом «града Твери», то его возводят, как упоминалось, к прототипу XV в., созданному во времена, когда «оживился интерес к канонизации князя Михаила, (он погиб в Орде в 1318 г. — А. К.) и даже появился посвященный ему придел в Спасском соборе»⁴⁸. Эта фраза Н. Н. Воронина не точна. Михайловский придел Спасского собора впервые упомянут в Дозорной книге 1616 г.⁴⁹ В летописных источниках XIV–XV вв. о нем сведений нет. Вновь внимание к судьбе князя-мученика после долгого перерыва возникло после 1635 г., когда его останки были найдены, перенесены на новое более почетное место и помещены в новой раке в 1655 г. В итоге всех сопоставлений можно думать, что икона Михаила и Ксении писалась не ранее 1635 г., а скорее всего, при архиепископе Митрофане (1739–1752 гг.), ревностном почитателе и украшателе тверских святынь⁵⁰. Если при написании средника иконы и пользовались каким-то более ранним оригиналом, то при всем его довольно архаическом начертании он вряд ли был древнее последней

⁴⁶ Соколов И. И.

План, с. 178–179, № 13

⁴⁷ Тюменев И. Ф.

От Ржева до Углича //

Исторический вестник,

1896, 2, с. 548 и 551

⁴⁸ Воронин Н. Н.

Зодчество, с. 392

⁴⁹ Дозорная книга

г. Твери, с. 13

⁵⁰ Чередеев К.

Биографии, с. 78 сл.;

Соколов А.

Святой благоверный

великий князь, г. IV

и рис. к с. 25

четверти XVII в. Не исключаю и того, что икона частично писалась заново. Местный иконник последовательно воспроизвел на доске главнейшие, наиболее приметные элементы современного ему архитектурного пейзажа. Сказанное отнюдь не умаляет значения иконы, как источника сведений, помогающих точнее и подробнее определить некоторые постройки Тверского кремля, какими они были в XVII — начале XVIII вв. К числу этих сооружений и относятся церковь Рождества и Спасский собор, представленные на панораме Витсена.

III

Перед кремлем на особом возвышении Витсен показал группу деревянных построек — одно-, трехъярусных домов и круглых башенок, обнесенных круговой деревянной оградой. Как упоминалось выше, речь идет о комплексе Федоровского монастыря, помещавшемся на островке в устье реки Тмаки у северо-западной оконечности кремля в соседстве с Затмаукиным посадом (рис. 48). Очевидно, при монтировке панорамы монастырский островок превратился в возвышенность, был неловко сдвинут в сторону и оказался перед кремлем на берегу Волги⁵¹. Сам монастырь зарисован достаточно детально. Отсутствие храма, возможно, скрытого от зрителя крупным планом не должно смущать.

В письменных источниках Федоровский монастырь отмечен как существовавший в 1317 г. В 1323–1325 гг. в нем цареградским игуменом Иоанном построена, возможно, вторая в Твери после Спасского собора каменная церковь св. Федора⁵². В 1447 г. тверской великий князь Борис Александрович отстроил здесь двор и «град». Так в этом месте возник своеобразный княжеский замок, совмещенный с монастырем. Остров, наряду с кремлем, стал самостоятельным укреплением Твери. Над созданием рубленного замка трудились искусные мастера — «мужи хитры»⁵³. Как долго просуществовала укрепленная княжеская резиденция, неизвестно. Источники XVI–XVII вв. о ней не упоминают. В Писцовой книге Твери 1625 г. отмечено, что на монастырском островке каменный храм Федора Стратилата стоял без кровли: «да на монастыре келья архимандричья, да две кельи

⁵¹ Монастырский храм разобран в 1773 г., не существует и островок, в XIX в. почти полностью слившийся с сушей

⁵² Воронин Н. Н. Зодчество, с. 145

⁵³ Лихачев Н. П.

Икона Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче.

СПб, 1908, с. 23–25

⁵⁴ Выпись из тверских писцовых книг, с. 95

⁵⁵ Зверинский В. В.

Материалы для историко-топографического исследования

о православных монастырях в Российской империи.

Т. III. СПб., 1897, с. 206

⁵⁶ РГАДА, ф. 1209, кн. 470

по Твери 1685–1686 гг., л. 181. Ср. Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в., с. 77.

В пересказе

Н. Н. Овсянникова эти кельи названы комнатами.

По-видимому, автор располагал другим списком Писцовой книги 1685–1686 гг.

По мнению

А. А. Шенникова, для второй половины XVII в.

«комната» — термин

редкий, но возможный

для обозначения

комфортабельного покоя

в хоромном строении.

⁵⁷ Благодарю

А. А. Шенникова за консультацию о деревянных постройках Федоровского монастыря и соображения о

возможном использовании

в средневековой России

обогревательных печей

типа гипокауста.

крестьянских.⁵⁴ Возрождение монастыря произошло в середине XVII в. В 1655 г. он был приписан к Иверскому Валдайскому монастырю и стал числиться за патриаршим домом⁵⁵. Патриарх Никон построил здесь, словно в подражание былому княжескому замку, огражденные патриаршие хоромы. Именно их мы видим на рисунке Витсена, по всей видимости, уже в законченном виде. Писцовая книга г. Твери 1685–1686 гг. описывает эти постройки следующим образом: «Да в монастыре же патриарши хоромы три кельи, да ести на подклетах ветхи, келья строительская двойная поземная с сенми ветхая, две кельи поземные хлебная да столовая, промежу ими сени, ветхи; келья поземная с сенми строение старца Моисея, да анбар сушильной, сушило сенное, поварня квасная новая, сушило над погребом, погреб теплой, Святые ворота рубленные в брус, ограда кругом монастыря деревянная, рублена в замок ветха, крыта тесом»⁵⁶. Перед глазами возникает целый комплекс усадебных построек. На первом месте упомянуты три кельи на подклетах — скорее всего, отдельные двухъярусные сооружения представительского назначения. На рисунке Витсена как раз выделяются три высокие башнеобразные постройки, в которых и можно опознать упомянутые кельи. Примечательно, что у двух из этих строений показаны карнизы — свидетельство устройства отдельных чердаков. В свою очередь появление чердаков — один из признаков перехода к отоплению «по-белому». По предположению А. А. Шенникова, кельи, в которых останавливался патриарх, могли отапливаться не по-черному, а нагретым воздухом. В этой связи А. А. Шенников высказал предположение о том, что не являлись ли видимые на рисунке башенки монастыря специальными надворными обогревательными печами типа гипокауста⁵⁷. Такое предположение по-моему допустимо и требует дальнейших изысканий. В описании 1685–1686 гг. узнаются и некоторые другие постройки, которые можно усмотреть на рисунке Витсена, например, двойные и одинарные кельи, соответствующие изображенным вдвоенным или отдельно стоящим домам. Итак, патриаршая резиденция с высокими теремами в окружении

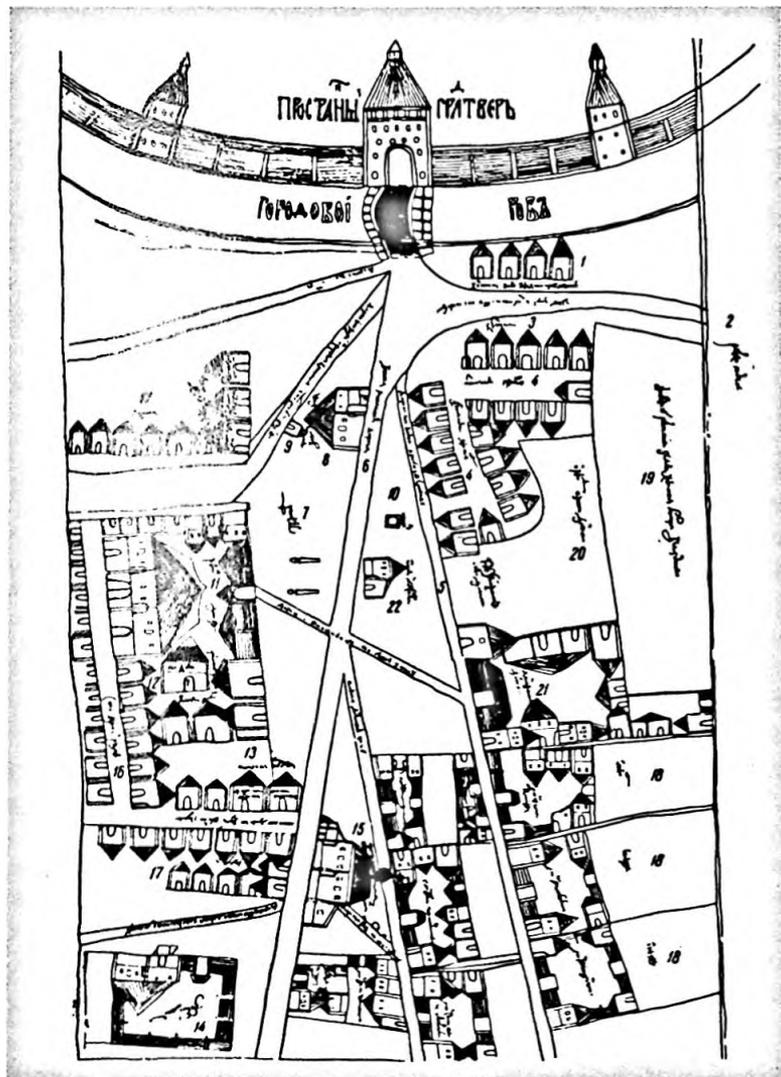

Рис. 56.
Загородской посаг
Твери. Чертеж конца XVII в.

- 1 — кузницы возле городского рева;
- 2 — река Волга;
- 3 — кузницы;
- 4 — Кузнечная площадь;
- 5 — дорога, что ходят в Рыбачью слободу;
- 6 — Большая Московская дорога;
- 7 — площадь;
- 8 — богодельня;
- 9 — часовня;
- 10 — колодец;
- 11 — гостинный двор;
- 12 — важня;
- 13 — пеночные амбары;
- 14 — земский двор;
- 15 — церковь Знамения;
- 16 — сапожный ряд;
- 17 — ряды;
- 18 — огороды;
- 19 — на берегу реки Волги земля Кирилло-Белозерского монастыря;
- 20 — огород Алешки Долгова;
- 21 — двор Алешки Долгова;
- 22 — конская илба

келей и других строений — оригинальный строительный комплекс, владение церковного иерарха, может быть теперь достоверно опознан благодаря рисунку голландского путешественника.

IV

Левую часть рассматриваемого рисунка Витсена занимает вид Загородского посада, с юго-востока примыкающего к кремлю. Видны, по большей части двухъярусные, дома (не считая их бесчердачного отделения), с двухскатными кровлями, световыми и волоковыми окошками⁵⁸. За домами высятся две церкви (рис. 48). По отечественным письменным и графическим источникам конца XVII — первой четверти XVIII вв. установлено, что в этой части города находился торговый, ремесленный и административный центр. Здесь же размещались Ёстинный, Земский и Кружечный дворы, кузницы, сплочный ряд, таможенная и конская избы. Ближе к Волге располагались усадьбы с огородами посадских людей⁵⁹. Именно эти владельческие постройки, хорошо различимые со стороны Волги, тщательно выписаны на рисунке Витсена. Некоторые из них сдвоены и строены. Группы домов повернуты под разными углами. Такое расположение, равно как и устройство этих зданий, подтверждается планом Загородского посада Твери конца XVII в.⁶⁰. На этом плане (рис. 56) зафиксированы в береговой части Волги, расположенные вплотную друг к другу, владельческие дворы и примыкавшие к ним огороды. Входы во дворы обращены к дороге «что ходят в Рыбачью слободу». Дворы по периметру застроены в некоторых случаях сдвоенными и строеными двухъярусными домами и хозяйственными постройками. Сопоставление рисунка Витсена и плана конца XVII в. убеждает в реалистичности изображений посадских построек, представленных голландским путешественником.

На этом же рисунке безошибочно определяется и деревянная церковь Знамения, первая от кремля; она показана имеющей двускатную кровлю, одну главу и удлиненный основной объем. Примерно такой же эта церковь представлена на плане конца XVII в.⁶¹. Совпала и такая деталь, как наклон торцовых покрытий кровли. Впервые церковь Знамения упоминается в переписных книгах Твери 1709 г.⁶², но, судя по всему, возникла до 1665 г. на одном из тех мест, где стояли разрушенные в начале XVII в. деревянные церкви⁶³.

⁵⁸ У двух домов показаны карнизы, свидетельствующие о существовании чердаков.

⁵⁹ Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в., с. 34, сл.;

Рикман Э. А. Новые материалы, рис. 4

⁶⁰ Рикман Э. А. Новые материалы, рис. 4

⁶¹ Рикман Э. А. Новые материалы, рис. 4

⁶² Владиславлев В. Краткие исторические сведения, с. 101

⁶³ Вблизи ц. Знамения найден намогильный крест с надписью 1540 г.

(Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в., с. 52),

по-видимому, — след прицерковного кладбища.

Однотипна со Знаменской и более дальняя от крепости деревянная церковь Ильи Пророка. Известно, что в 1689 г. ее возвели в камне на месте деревянной⁶⁴. Эта, последняя, именовавшаяся церковью царя Константина с приделом Ильи Пророка, упомянута в источнике 1626 г.⁶⁵, следовательно, существовала в начале XVII в. Таковы некоторые постройки Загородского посада Твери, какими они были на исходе средневековья. Облик посада, зафиксированный на рисунке Витсена, обогащает наши представления об этом районе города по сравнению с тем, что известно о нем по русским и иностранным источникам.

V

На переднем плане своего рисунка Витсен изобразил часть Заволжского посада. Выборочно показаны церкви и два десятка хозяйственных построек и домов (в большинстве двухъярусных) того же типа, что и расположенные в других городских районах. Возможно, что некоторые из них образуют усадебные комплексы. На торцах домов кроме световых и волоковых окошек отчетливо видны входы. К строениям подходит дорога, ведущая от паромной переправы через Волгу. Справа от этой дороги показана деревянная клетская церковь Воскресения (рис. 48). Она упомянута в Писцовой книге Твери 1626 г.⁶⁶. Примерно такой же ее увидел и зарисовал Витсен.

В левой нижней части рисунка Твери показаны устье реки Тверцы и находившиеся поблизости от этого устья две церкви: восьмигранная каменная и клетская деревянная. Судя по тому, что в том месте располагался старейший в Твери, основанный в XIII в., Отрочь монастырь, речь идет о его культовых постройках. Их, действительно, было две. По данным Писцовой книги 1626 г., в монастыре существовали каменная церковь Успения и деревянный теплый храм Петра Митрополита. Их дополняли деревянные колокольня и кельи, а также, к тому времени завалившаяся, каменная палата с погребями, все было ограждено деревянной стеной с двумя воротами⁶⁷. У Витсена мы видим только несколько домов, теснящихся к упомянутым церквям. Или художник второпях не показал всего монастырского комплекса, или к

⁶⁴ Владиславлев В. Краткие исторические сведения, с. 102

⁶⁵ Выпись из тверских писцовых книг, с. 57

⁶⁶ Выпись из тверских писцовых книг., с. 134. В 1731 г. ц. Воскресения переделана в каменную (Карманов Д. И. Собрание сочинений, с. 127)

⁶⁷ Выпись из тверских писцовых книг, с. 121, сл.

моменту приезда голландцев часть построек и ограда во время одного из пожаров сгорели и еще не были восстановлены. С долей схематичности представлен и главный Успенский храм монастыря. О времени его строительства источники умалчивают. Известно лишь, что в 1722 г. храм подвергся капитальной перестройке. Архитектурные формы храма, представленные на рисунке Витсена, на первый взгляд, загадочны для XVII в. Их распознавание все же возможно. Во время раскопок, проведенных В. А. Булкиным и О. М. Иоаннесяном в 1986–1987 гг., внутри Успенской церкви 1722 г. были обнаружены нижние части ее предшественницы, вероятно, XIV–XV вв. (если не более раннего времени). Речь идет об одноапсидном, четырехстолпном белокаменном сооружении⁶⁸. Как долго простоял этот храм неизвестно, но можно предположить, что еще до 1665 г. на его месте была сооружена своеобразная церковь с несколькими, скорее всего, четырьмя конхами. Ее существование подтверждает детальный план Успенской церкви Отрочь монастыря, приведенный Э. Пальмквистом⁶⁹, на котором мы видим сложное по начертанию здание. Его восточная трехконховая часть дополнена многоколонным трапеznым злом. Допустимо, что трапеznая была пристроена к уже существовавшему ранее храму. Приводя чертеж собора, шведский путешественник указывает в экспликации, что незадолго до его приезда он был полностью закончен. Сопоставляя здание на плане около 1674 г. с рисунком Витсена, можно убедиться, что голландец застал в 1665 г. церковь с конхами еще в неперестроенном виде. Выступающие части постройки голландский художник схематично изобразил в виде граней. В действительности, по всем четырем сторонам (мы видим три) располагались, скорее всего, полукруглые выступы. Таким образом, речь идет, по-видимому, об особом типе храма — квадрифолии. Если предложенная трактовка облика Успенской церкви, какой она была до работ 1670 гг., приемлема, то мы имеем дело с необычайно редким случаем использования в русской архитектуре форм церкви с конхами в период не позже 60-х гг. XVII в. Возвести подобное сооружение могли и до XVII в. Ведь спорадически церкви-квадрифолии

■ Овсянников Н. Н. Тверь в XVII в., с. 83–85
 Приведенная дата строительства сохранившегося ныне храма нуждается в проверке. Благодаря авторам раскопок за ценную информацию об их результатах.
 ■ План Успенской церкви приведен Э. Пальмквистом в перевернутом справа налево виде (наблюдение О. М. Иоаннесяна и В. А. Булкина). Этот план столь подробен, что никак не мог быть зачерчен членом шведского посольства. Скорее всего, чертеж был получен Пальмквистом в готовом виде. Не идет ли речь о проектом авторском графическом листе в подлиннике или копии, попавшем в шведские руки.

строили на Руси начиная с домонгольского периода⁷⁰. Подтвердить высказанное мнение о необычных формах Успенской церкви помогут дальнейшие архитектурно-археологические исследования на месте Отрочь монастыря.

В целом, панорама Твери, созданная Витсеном, несмотря на определенную условность с редкими подробностями отображает архитектурный облик города 60-х гг. XVII в. Будучи восстановлена после погромов и моров, имевших место в первой половине XVII столетия, Тверь вступила тогда в период медленного экономического подъема. На исходе средневековья для нее начался новый этап строительного развития.

⁷⁰ Отметим, например, церковь Петра Митрополита конца XV — начала XVI в., находящуюся в Высоко-Петровском монастыре в Москве (сообщение О. М. Иоаннесяна). Оно относится к данному типу.

La ville de
MOSCOU
 Capitale de la Moscovie

1. De la ville de Moscou dans l'enceinte de la muraille de la ville de Moscou
 2. De la ville de Moscou dans l'enceinte de la muraille de la ville de Moscou
 3. De la ville de Moscou dans l'enceinte de la muraille de la ville de Moscou
 4. De la ville de Moscou dans l'enceinte de la muraille de la ville de Moscou
 5. De la ville de Moscou dans l'enceinte de la muraille de la ville de Moscou
 6. De la ville de Moscou dans l'enceinte de la muraille de la ville de Moscou
 7. De la ville de Moscou dans l'enceinte de la muraille de la ville de Moscou
 8. De la ville de Moscou dans l'enceinte de la muraille de la ville de Moscou

МОСКВА

I

Голландское посольство 20 января 1665 г. прибыло в Москву, где пробыло почти четыре месяца. Описание московских впечатлений занимает большую половину дневника Витсена. Подробная информация об этой части путешествия не входит в нашу задачу. Впрочем, некоторые записи голландского путешественника воспроизвести небезынтересно.

Пребывание гостей в Москве затягивалось, много дней, к примеру, было потрачено на согласование титулатуры нидерландского правительства в посольских грамотах. Тем временем Витсен получил невольную возможность лучше познакомиться с жизнью столицы. Именно в Москве с наибольшей силой проявилась его жажда узнать чужую страну. Что только не интересовало Витсена. Он описал город, улицы, здания, церкви, укрепления, посольский двор, постройки Кремля, уделил особое внимание приемам в царском дворце, посольским церемониям, церковным обрядам, одежде, пище, нравам знати и простого народа. Голландец проявил завидную наблюдательность. Он, например, воспроизвел в дневнике сказанное русскими послу Якову Борелю о том, что царь сделает Москву лучшим городом мира. В другом месте Витсен пишет о торжественной процессии по случаю Вербного Воскресения, направлявшейся от храма Василия Блаженного в Кремль. Впереди «двигалась широкая низкая телега, на которой стояло дерево, а около него и на нем сидели дети, распевавшие «осанну» («спаси и сохрани»). Срывая с дерева веточки и яблоки, они разбрасывали их. Эту повозку везли четыре лошади в красных пополах»¹.

¹ Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник. Перевод со староголландского В. Г. Трисман. Л., 1981. ИНИОН, деп. 9338, л. 195. Ср. Ловягин А. М. Альбом Мейерберга, с. 119

Таков обряд, редкий по своим описанным подробностям, посвященный оживающей природе.

Официальные приемы ослепляли своим богатством и блеском, но, как сообщает Витсен, «о чем бы мы ни спрашивали, они (русские) отвечали, что все то у них есть, но нам того видеть нельзя; так они ответили, когда я спросил о библиотеке царя и картах; говорят определенно, что здесь находятся древние книги Александра Великого, а также летописи страны и карты; «Только одни наши братья, — сказали они, — имеют туда доступ». Они так ревнивы, что то немногое, что они знают, они не смеют или не хотят сказать, всегда думают, что у них ищут какую-нибудь выгоду»². Приведенный эпизод — одно из древнейших свидетельств о существовании в Кремле библиотеки русских царей. Что касается летописей и карт, то они, действительно, составляли часть государственного архива, оберегаемого от постороннего взгляда. Информатором Витсена мог быть ученый грек, его московский знакомый, митрополит из Газы Паисий Лигарид³.

Витсен нанял учителя русского языка, но тому запретили приходиться во двор к голландцам. «Сами невежественны и другим не позволяют чем-то заняться для развития ума», — гневно заключил Витсен⁴.

В Москве, пожалуй больше, чем в других русских городах, каждый шаг членов посольства окружала завеса подозрительности. Однажды Витсен не выдержал и поспорил с приставом, возмущаясь, почему он, свободный человек, прибывший из столь далекой страны, чтобы увидеть ясные очи царя и все великолепие, о котором говорят в мире, должен лишиться всего того потому, что нас (членов посольства — А. К.) отовсюду отстраняют, не разрешают осмотреть ни Кремль, ни здания внутри его; мы лишены возможности выходить из города и осмотреть пригородные места, дома и так далее. Он (пристав) извинился, не зная, что ответить, кроме «таков наш обычай»⁵.

Витсен пытался найти выход из своего стесненного положения, проявив присущую ему ловкость и находчивость: в одежде простого человека он проник в запретные места Москвы. Пройдя неузнанным в Кремль, он «увидел, как самые лучшие царские мастера, каждый

² Витсен Н.

Путешествие

в Московию, л. 148

³ Библиотека Ивана

Грозного. Л., 1982, с. 10

⁴ Витсен Н.

Путешествие

в Московию, л. 158

⁵ Там же, л. 162

с лучшей своей работой, явились перед царем; преимущество имели иконы, затем серебрянные изделия, изготовленные по древнегреческому обычаю, потом оружие: великолепные мушкетеры, ружья, пистолеты, стволы, стрелы и луки, доспехи, головные уборы, самострелы (все для полковых офицеров, далее ларцы и т. п.)⁶.

«В другой раз, — как пишется в дневнике, — уловкой оставив стрельцов и просто одетый, я направился ко дворцу (в Кремле), чтобы его хорошо осмотреть; пробрался почти ко все их приказы. В Дворцовом приказе было около 300 писцов, они сидят в маленьких комнатах по 4–6 человек в каждой и пишут на свитках, лежащих на коленях. Я осмотрел и кухню и весь двор, и помещение царя и царицы»⁷.

Общительный и любопытный, Витсен охотно завязывал знакомства: виделся с персидскими купцами, обедал с англичанами, наблюдал оказавшихся в Москве самоедов, калмыков, татар, часами мог слушать церковных служителей, выпрашивал знатока Сибири об этой области, познакомился с влиятельными русскими купцами и чиновниками, такими как Аверкий Кириллов, Андрей Виниус, Алмаз Иванов. Доверяясь дневнику, его автор, тем не менее, предпочитает в целях осторожности, не раскрывать всех своих походов и встретившихся ему анонимных «добрых друзей». Однако, некоторые из них в дальнейшем станут его корреспондентами.

Вершиной нелегальных походов Витсена явилась его трехдневная поездка с одним нидерландским купцом в Новый Иерусалим, где с 1658 г. в добровольной ссылке пребывал патриарх Никон. Витсена поразил властолюбивый старец. «Он, — записано в дневнике, — прост в обращении и любознателен. Спрашивал нас и особенно меня о многом, в том числе: так ли красиво в нашей стране, как здесь? Велел для нас звонить в большой колокол и шутя спросил, такие ли в Амстердаме колокола? Привел нас на свою пасеку. "Вы немцы, — сказал он, — хорошо умеете считать, высчитайте-ка, сколько пчел в моих ульях."»⁸. Витсен внимательно осмотрел строящийся Ново-Иерусалимский монастырь. Эта тайная поездка сохранила истории достоверные подробности об этом необычном сооружении⁹.

⁶ Витсен Н. Путешествие в Московию, л. 207

⁷ Там же, л. 165

⁸ Там же, л. 239

⁹ Ср. Ловягин А. М. Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона // Исторический вестник. Т. 77, сент. 1899, СПб, с. 874–879

Какая идея подталкивала голландца к вовсе небезопасным и даже рискованным действиям? Ведь будучи выслежен и опознан, он мог быть заподозрен в шпионских действиях. Одновременно, знакомство с документами не дает основания считать, что Витсен выполнял в России специальные агентурные задания.

Напротив, именно в Москве у Витсена созрели собственные, евразийские по размаху, планы познать Россию, ее города, население, просторы, пути на Восток, получить материалы для составления карт малоизвестных тогда в Европе земель. В столице у молодого голландца окончательно сформировался его пожизненный интерес к России, вдохновлявший его долгие годы собирать о ней разнообразные сведения, вести переписку, коллекционировать редкости и подношения из далекой Московии.

II

Впечатления Витсена о столице России дополняет его рисунок, а точнее, гравюра «Город Москва — столица Московии»¹⁰. В дневнике об этом произведении умалчивается, однако, авторство Витсена несомненно. Гравюра, впервые опубликованная в 1719 г. во французском издании книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию», имеет подпись «*N. Witsen delineavit*». Кроме того, в своей краткой автобиографии Витсен пишет, что среди прочих городов рисовал и Москву. Из того следует, что предшествующий гравюре рисунок не только существовал, но и исполнялся с натуры. Ныне он или утрачен, или еще не найден. В коллекции венских рисунков его, к сожалению, не оказалось.

Гравюра с видом Москвы почти не привлекала внимание специалистов¹¹. Между тем, и сам тот лист, и имеющаяся на нем экспликация на голландском и французском языках подтверждают, насколько внимательным было знакомство Витсена с Москвой.

Заметно, что при составлении экспликации (на русский она переведена впервые) Витсен испытывал затруднения в передаче некоторых наименований, при написании, например, названий храмов Кремля. Витсен, возможно, воспользовался планами Москвы, опублико-

¹⁰ *Olearius Adam. Voyages, tab. p. 147*

¹¹ Памятники архитектуры Москвы. Кремль, рис. 286

ванными в Голландии. Цифрой 7 на гравюре помечены Пречистенские ворота, при этом последнее слово дано без перевода, что обнаруживает подтекст русского источника. Большинство объектов поименованы верно и поддаются точной атрибуции.

Панорама столицы раскрывается с высокого правобережья реки Москвы. Мы видим город с одной из самых лучших наблюдательных позиций — Воробьевых гор, по-видимому, с восточного предгорья, над Андреевским монастырем. Панораму открывает слева, на юго-западе от города — в Лужниковской излучине реки Москвы — подгородный Новодевичий монастырь и завершает справа Крутицкое подворье, находившееся в юго-восточном предместье (рис. 58). Древняя столица, таким образом, представлена при взгляде с юго-запада вдоль всего течения реки Москвы внутри города. В поле зрения его протяженность по горизонтали составляла 5,5–6 км попали основные городские районы: Кремль, Китай-город, Белый и Земляные города и несколько окрестных монастырей (рис. 59). Художник включил в панораму главные высотные ориентиры и обозначил при этом поясняющими надписями местоположение ряда важных достопримечательностей.

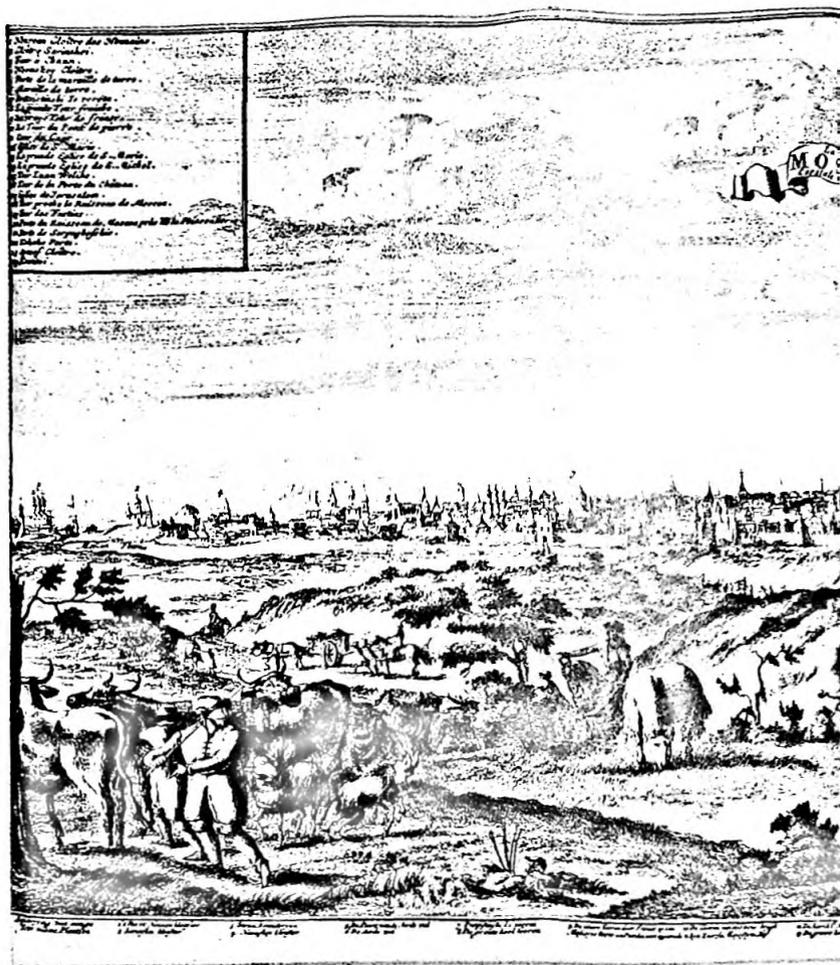
Рассматриваемая гравюра предназначалась для занимательной книги о Московии. Для этого на переднем плане изображения фигурируют явно привнесенные «для живости» люди, повозки, животные, растения.

Обращает внимание обилие построек и проработка на рисунке даже таких мелких деталей, как окна, бойницы, фигурные кровли. Зритель различает множество домов, многоярусные дворцы, церкви, монастыри, колокольни. В составе хором высятся башнеобразные повалуши. У отдельных зданий плоские кровли, что для своего времени вполне достоверно. По мнению А. А. Шенникова, у некоторых построек имелись балконы или галереи. Художник с редкими подробностями представил башни, стены, земляные валы города, воспроизвел основные храмы Кремля. Создается впечатление большого, тесно застроенного города, манящего путешественника диковинными постройками. Они показаны и близко, и на некотором отдалении, часть скрывается за

Рис. 58. «Город Москва — столица Московии».

Гравюра по рисунку Н. Витсена.

- 1 — Новодевичий монастырь;
- 2 — Савинский монастырь;
- 3 — печи для обжига кирпича (кирпичные дворы Новинского монастыря);
- 4 — Новинский монастырь;
- 5 — ворота Земляного города (Пречистенские или Чертольские);
- 6 — Земляной город;
- 7 — Пречистинские ворота (Белого города);
- 8 — большая башня (Трехсвятские или Всесвятские ворота Белого города);
- 9 — та самая башня, через которую проезжают из московской поездки на лошадях на царский двор (Водовзводная или Свиблова башня Кремля);
- 10 — Башня (Троицкая) и Каменный мост (Кремль);
- 11 — Царский двор (Теремный дворец);
- 12 — церковь св. Марии (Благовещенский собор);

холмами и возвышенностями, при этом каждую художник стремился воспроизвести с какой-то необычной дальнорзоркостью.

В целом, несмотря на условность ряда изображенных объектов и некоторую одноплановость, перспективно разных частей города (неизбежное следствие работы мастера-резчика), гравюра Витсена, наряду с панорамой Москвы, выполненной в 1662 г. И. Сторном (в альбоме А. Мейерберга), — весьма ранний и ценный изо-

- 13 — собор св. Марии (Успенский собор);
 14 — собор св. Михаила (Архангельский собор);
 15 — Колокольня Иван Великий;
 16 — воротная башня Кремля (Спасские ворота);
 17 — Иерусалимская церковь (Покровский собор);
 18 — башня у Москва-реки (Беклемишевская башня Кремля);
 19 — башня у Гостинного двора (Китай-города);
 20 — ворота у Москва-реки, у рыбного торго (Москворецкие ворота Китай-города);
 21 — Серпуховские ворота (Калужские ворота Земляного города);
 22 — Калужские ворота (Серпуховские ворота Земляного города);
 23 — Спасский монастырь (Новоспасский монастырь);
 24 — Крутицы (Крутицкое подворье).
- Аннотация дана в переводе со староголландского, в скобках уточнения автора

бразительный источник для изучения позднесредневековой застройки столицы Руси¹². Полезно отметить здесь те сооружения, которые помечены цифрами на гравюре Витсена и, следовательно, привлекли его особое внимание.

В левой части панорамы высится Новодевичий женский монастырь (1 — здесь и далее номера экспликации гравюры). Виден многоглавый Смоленский собор, сооруженный в 1524—1525 гг. Справа от него различима

¹² Дружескую помощь в написании текста о рассматриваемой гравюре с видом Москвы автору оказали Г. И. Мехова, А. Г. Векслер, М. П. Кудрявцев и Г. Я. Мокеев, который по просьбе автора на основании гравюры Витсена любезно выполнил публикуемую схему обзора Москвы с Воробьевых гор.

¹³ Ильин М., Моисеева Т. Москва и Подмосковье. М., 1979, с. 515

¹⁴ Памятники архитектуры Москвы, рис. на с. 58–59 и 98

¹⁵ Александровский М. Указатель московских церквей. М., 1915, с. 8, № 30

¹⁶ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. М., 1950, рис. 16 на с. 157

¹⁷ Там же, с. 107

¹⁸ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях. М., 1852, с. 275–276;

Зверинский В. В. Материалы. Т. II, СПб, 1897, с. 243, № 1015

¹⁹ Мартынов А. А., Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Тетрадь 7, б. г. с. 64–67 и неномерованная табл.

двухъярусная колокольня (в 1690 г. она будет перестроена в пяти-, а в 1704 г. в шестиярусную). Слева от Смоленского собора проступают какие-то сооружения, возможно, трапезная с Амвросиевской церковью и палаты Ирины Юдуновой¹³.

Следующим на гравюре показан Савинский мужской монастырь (2). Его старинные изображения редки¹⁴. Известно, что этот монастырь был основан в XV в., а упразднен в 1689 г. Виден одноглавый храм Саввы Освященного и, по-видимому, его два придела, представленных в виде двух шатровых вышек. Храм сооружен, вероятно, на месте прежнего в 1592 г., а в 1667, 1733, 1828 и 1869 гг. обновлялся¹⁵. Таким образом, Витсен воспроизвел его до этих переделок.

Правее упомянутого монастыря, почти у самого берега Москвы-реки, обозначены печи, а точнее, сараи для обжига кирпича (3). Их изображения уникальны. Ясно различимы два сарая с высокими дымоходными фонарями; производственным постройкам удалось найти точный адрес. Это те самые постройки, что обозначены на московском чертеже 1680 г. как кирпичные дворы Новинского монастыря¹⁶. Русские и голландские рисунки этих сооружений совпали. Перед нами две крытые постройки, располагавшиеся друг напротив друга, почти у самого берега реки. В 1650–1660 гг. в Москве, в том числе ближайшей к Новинскому монастырю Хамовной слободе, соорудили кирпичные заводы, так как предстоял значительный ремонт городских стен¹⁷.

Расширение производства строительных материалов не миновали, очевидно, и Новинского монастыря. В момент создания Витсеном рисунка печи работали и кирпич обжигали: над одним из сараев показано даже облако дыма.

На удалении от кирпичных сараев за гребнем косогора, показан и сам Новинский мужской монастырь (4). Виден его главный храм Введения Пресвятой Богородицы. Сведения об этой церкви восходят к XVI в.¹⁸. Ее лучшее изображение фиксирует постройку с пятью главами¹⁹. У Витсена храм еще одноглавый. Возможно, что именно таким он и был в 60-х гг. XVII в. Новинский монастырь был основан в XV в., а упразднен в 1764 г.

В XVII в. вокруг него существовала патриаршая слобода. Ее деревянные домики также виднеются на гравюре.

Далее на панораме отмечены юго-западные укрепления Земляного города (Скородома) — Пречистенские или Чертольские ворота (5) и вал с разрушенной стеной (6). Земляной город, как известно, построен в 1591–1592 гг. как дерево-земляное сооружение. Его деревянные стены и башни неоднократно чинились а в 1630 г. замоскворецкая часть этих укреплений была дополнена девятью бастионами²⁰.

Перед приходом Витсена, в 1659 г. Земляной город, в связи с ожидавшимся набегом крымцев, спешно привели в оборонительное состояние²¹. Витсен, однако, застал эти укрепления в запущенном виде. В своем дневнике он упоминает упавшие стены, их плохой бруствер, неупорядоченные башни, расположенные по периметру стен. На своем рисунке Витсен воспроизвел несколько башен Земляного города, участок вала без стены, а рядом целые бревенчатые стены с многочисленными бойницами по верху. В правой части панорамы представлена юго-восточная часть Скородома с частично разрушенными стенами и Калужскими и Серпуховскими воротами (21 и 22). То были едва ли не единственные ворота внешнего пояса укреплений Москвы, которые в 1630 г. отстроили каменными на месте предшествующих деревянных²².

Следующими на гравюре отмечены, в глубине застройки, Пречистенские (Чертольские) ворота Белого города (7), построенного Федором Конем в 1586–1591 гг. Эти же ворота в более детальном виде видны на плане Москвы 1662 г. И. Сторна, помещенном в книге А. Мейерберга «Путешествие в Московию»²³. Они представляли четырехугольную, трехъярусную, крытую шатром башню. От этих ворот в сторону Кремля вела улица, подводившая к царскому конюшному двору²⁴. Для нужд этого двора использовали также Трехсвятские (Все-святские) ворота (8). На «Петровском чертеже» Москвы около 1597–1599 гг. они значатся как «ведущие к воде для обслуживания конюшен»²⁵. У Витсена Трехсвятские ворота неточно названы «Большой башней». Подпись следующей башни (9) «через которую проезжают... на

²⁰ Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. 1978, 1979, с. 487–488

²¹ Сытин П. В.

История планировки и застройки Москвы, с. 107

²² Памятники архитектуры Москвы. Кремль, с. 64

²³ Памятники архитектуры Москвы. Кремль, рис. 27в

²⁴ Ламанский В.

Сборник чертежей Москвы, табл. VII

²⁵ Памятники архитектуры Москвы, с. 53, № 2

лошадях на царский двор» явно относится к предшествующей башне (8). Таким образом, обозначения башен (8) и (9) следует поменять местами. Назначение Трехсвятских ворот не обусловлено близостью к конюшням. Они были двухарочными, что объяснялось необходимостью двустороннего движения²⁶. К воротам подходил наплавной мост через реку Москву, в 1687–1693 гг. переделанный в каменный²⁷. У Витсена Трехсвятские ворота видны с боковой стороны, заметно, что они увенчаны зубчатым парапетом. Кровля отсутствовала. В более раннее время башня завершалась сложнофигурной кровлей, включавшей не менее чем три шатра²⁸. Следующая башня (9) — одна из угловых башен Кремля — Водовозная или Свиблова, построенная в 1488 г. Антоном Фрязиным. Она была круглой, видимо, это объяснялось тем, что в верхнем ярусе башни помещалась подъемная машина, качавшая воду из колодца в нижнем ярусе для подачи ее по трубам в сады и дворцы нагорной части Кремля²⁹.

Доминирующее положение на гравюре отведено постройкам Кремля. В его живописном ансамбле, кроме упоминавшейся Водовозной башни, представлена Троицкая башня (10). Видна ее верхняя часть. Упомянутый в экспликации Троицкий мост, устроенный в 1516 г. через реку Неглинную, скрыт от зрителя, но различим шатер предмостной Кутафьей башни.

На месте царского двора (11) показан только верх пятиэтажных (надстроенных в 1635–1636 гг. над старым зданием) жилых палат для царя и его семейства. Этот верх, а точнее терем, предназначался для малолетних цариц³⁰. Далее в Кремле видны купола главных святых: Благовещенского (12), Успенского (13) и Архангельского (14) соборов. Успенский собор закрывает здание приказов, возведенное в 1591 г.³¹ По мнению консультировавших меня специалистов — это наиболее раннее изображение этих приказов.

Выразителен столп Ивана Великого (15). После достройки в 1600 г. его высота составила 81 м. К зрителю обращены два верхних восьмигранных яруса. Рядом со столпом виднеются главка церкви Рождества Христова и так называемой Филаретовой пристройки с шатровым звоном³².

²⁶ Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964, с. 64–65.

²⁷ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы, с. 165.

²⁸ Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989, рис. 7

²⁹ Памятники архитектуры Москвы. Кремль, с. 308

³⁰ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы, с. 92

³¹ Памятники архитектуры Москвы, с. 272, 280–281

³² Там же, с. 323

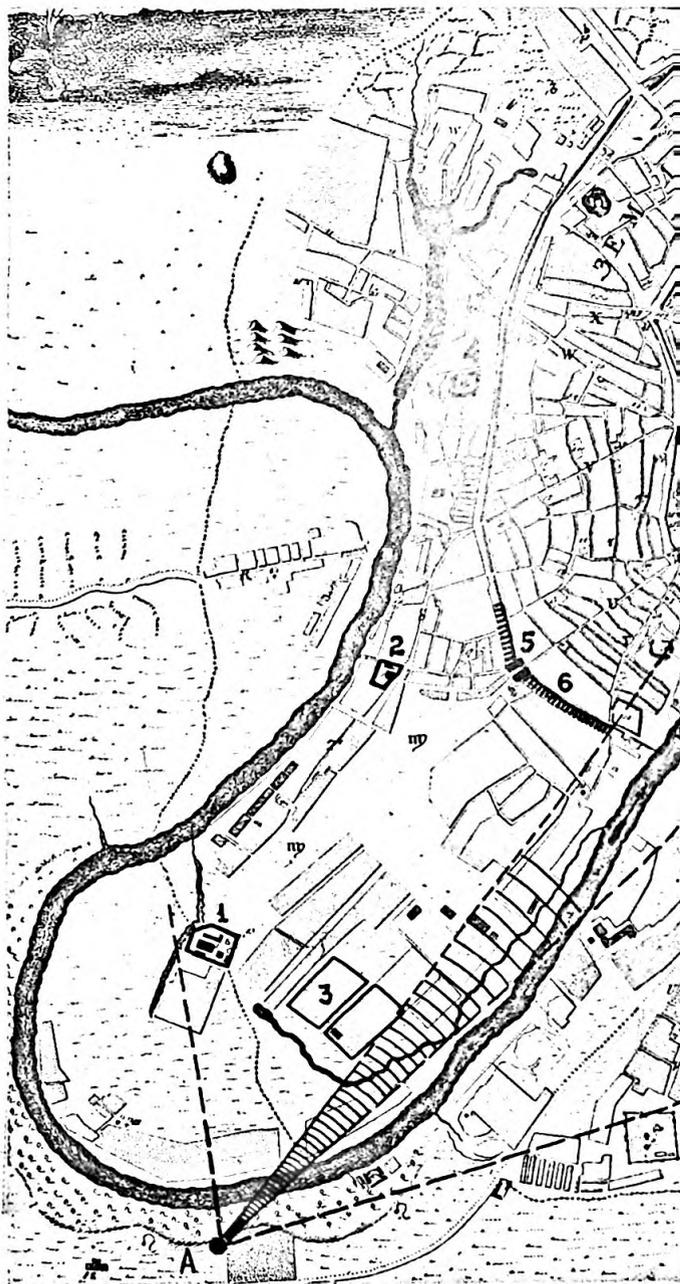
Достаточно подробно обрисованы Витсеном Спасские ворота (16). Они показаны в том виде, в каком стали выглядеть после своей реконструкции в 1624–1625 гг. Эти ворота увенчаны сложной надстройкой в виде высокого восьмерика на четверике и шатра с двуглавым орлом. Будучи главным въездом в Кремль, Спасские ворота торжественно оформляли его фасад, обращенный к Покровскому собору (17) и Красной площади. Несколько ниже обозначена, круглая в плане, Беклемишевская башня (18), запечатленная в своих первоначальных формах, до переделки в 1670–1680 гг. изменившей ее силуэт.

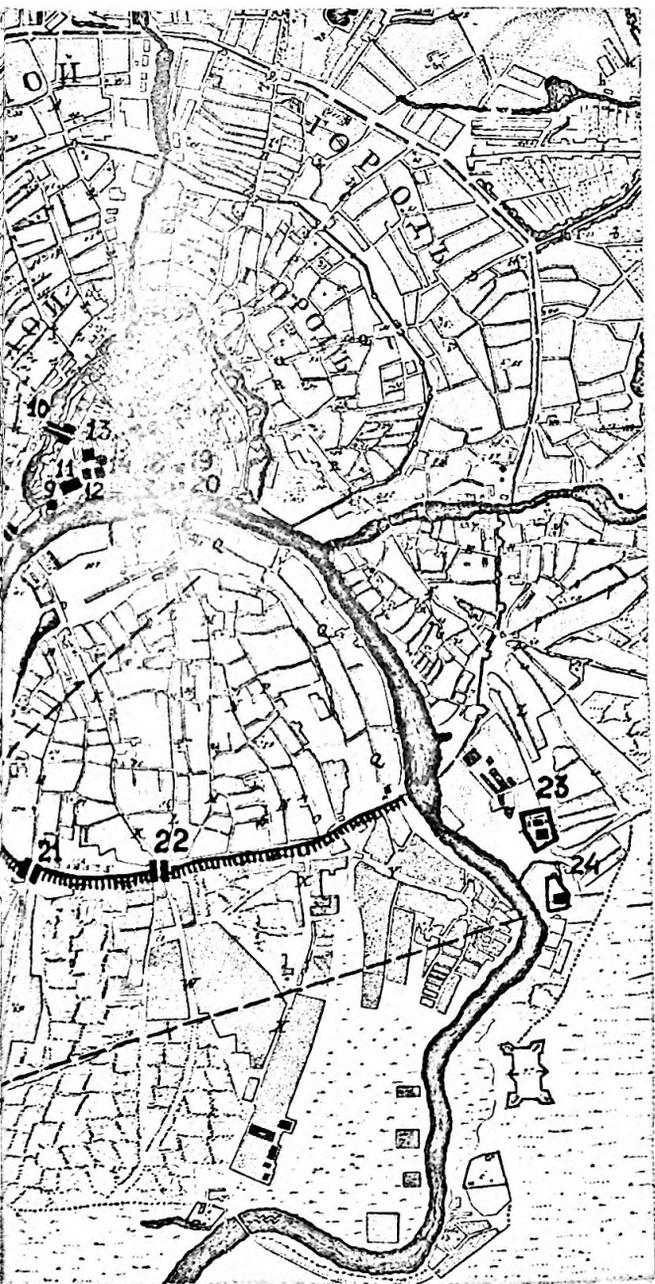
Правее Беклемишевской башни показаны двухпролетные Москворецкие ворота Китай-города (20). В XVII в. они являлись главным въездом в эту торговую часть Москвы. К ним был подведен «живой мост», соединявший Китай-город с Замоскворечьем. У этих ворот садились на речные суда и плыли вниз по реке Москве³³. На случай вторжения непрошенных гостей, против ворот, по рассказу одного очевидца, стояло многоступенчатое орудие, которое заряжали сразу сотней ядер с гусиное яйцо³⁴. У Витсена Москворецкие ворота состоят как бы из двух смежных башен под самостоятельными шатрами. На других изображениях XVII в. объем этих ворот предстает единым под общей кровлей. По-видимому, в какой-то период своей истории ворота были снабжены двумя шатровыми кровлями по числу арочных проездов, в том виде они и были зафиксированы на гравюре.

В Китай-городе кроме Москворецких ворот Витсеном выделена шатровая «башня у Гостиного двора» (19). Каменный «двор Юстиной сотни» упоминается в этой части города с XVI в. Столетием позже здесь сконцентрировалась общерусская и иноземная торговля. В 1638–1641 гг. двор был переделан, а в 1661–1665 г. к нему пристраивают новый гостиный двор. Не позже этого времени «над трехэтажными корпусами поднялась высокая башня с богато декорированным двухпролетным проездом на огромный внутренний двор ... Возвышаясь над торговыми рядами, гостинодворская башня замыкала проулок между ними, выходивший на Красную площадь,

³³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии, с. 93
³⁴ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы, с. 81

Рис. 59. Объекты, отмеченные номером на панораме Москвы Н. Витсена, перенесенные на план города 1739 г. А — точка обзора художника с Воробьевых гор. Заштрихован угол обзора вдоль широкой низкой поймы реки Москвы поверх пересекающих пойму укреплений Земляного города. Схема Г. Я. Мокеева

³⁵ Памятники архитектуры Москвы, с. 368

³⁶ Памятники архитектуры Москвы, рис. 27в и 28

³⁷ Александровский М.

Указатель московских церквей, с. 13, № 65

³⁸ Снегирев И. М.

Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. М., 1866, с. 53 и 55

прямо против Спасской башни, с которой она соперничала высотой и нарядом³⁵. Рисунок Витсена это подтверждает.

Фактически голландский путешественник был единственным, кто в то время зафиксировал это сооружение. На плане Москвы из книги А. Мейерберга «Путешествие в Московию» на территории Китай-города под цифрой 13 обозначены Юстиный двор, и, в одном из его углов, некая вышка. Однако, это еще не та башня, на которую обратил внимание Витсен. К тому же, на панораме Москвы из упомянутой книги Мейерберга сколько-нибудь заметная вертикальная доминанта в зоне Китайгородского Юстиного двора отсутствует³⁶. Приведенное сопоставление может быть использовано для определения времени строительства интересующей башни, которое могло произойти между 1662 и 1665 гг.

На правой части гравюры виден вал с разрушенными стенами Земляного города. Однако, Серпуховские и Калужские ворота (20–21) полностью целы. Панораму замыкают предградные ворота, Новоспасский мужской монастырь (23) и Крутицкое подворье (24). На гравюре Витсена Новоспасский монастырь состоит из трех башнеобразных церковных построек, двух шатровых башенок по сторонам и теснящихся рядом деревянных домиков монастырской слободы. Эта картина недалеко от действительности. Новоспасский монастырь был перенесен из Кремля на новое место в 1490 г. и к концу XVII в. в нем насчитывалось 5 церквей. С обозначенными у Витсена можно с большой долей вероятности сопоставить следующие, существовавшие в 60-е гг. XVII в.: главный монастырский храм Спаса Преображения, заново построенный в 1645–1647 гг.³⁷, церковь Саввы «Освященного под колоколы», воздвигнутую в 1622 г., наконец, больничную церковь святого Николая, сооруженную в 1652 г.³⁸. В 40-х гг. XVII в. монастырь был обведен каменной стеной, которая в виде шатровых башенок также представлена на гравюре. Таким образом, Витсен очень тщательно воспроизвел основные постройки монастыря, существовавшие во время его приезда в Москву.

Ближайшее к Новоспасскому монастырю Крутицкое подворье (24) располагалось на взгорье над рекой

Москвой. Первоначально Крутицкий архиерейский дом служил резиденцией владык Сарайских и Подонских, а после свержения Золотой Орды, при Иване III или несколько позже, здесь обосновался епископ Крутицкой епархии, включившей города ряда среднерусских губерний. В 1660–1690 гг. оформился весь ансамбль построек Крутицкого подворья. Во время приезда в Москву Витсен еще не застал разворота этих работ. На его гравюре различим единственный каменный храм, который сопоставим с собором Успения Богородицы, сооруженным в 1514 г., но после 1665 г. основательно перестроенным³⁹.

В заключение нельзя не сказать о группе из трех высоких построек в окружении одноэтажных домов, расположенных на переднем плане гравюры, напротив Москворецких ворот. В них опознается Андреевский мужской монастырь, который находился между Калужской заставой и Воробьевыми горами, на возвышенном берегу реки Москвы. В нем до его упразднения в 1764 г. насчитывалось три храма. По крайней мере один из них существовал в 1648 г., в момент основания монастыря боярином Ф. М. Ртищевым⁴⁰. В сказании об этом событии говорится, что Ртищев «поискав обрете место близ царственного града Москвы, отстоящее двема поприщема, на бреже р. Москвы в горах, идеже бе церковь святого великомученика Андрея Стратилата, к жительству иноческого собрания потребно»⁴¹. Вскоре монастырь стал отстраиваться. Его вид в подробностях запечатлен на панораме Москвы 1702 г. в книге голландца Корнелия де Брюина «Путешествие через Московию в Персию и Индию»⁴². При сравнении построек, запечатленных на гравюре Витсена и на панораме из книги Брюина, совпадают их расположение и архитектурный облик. Правда, у Витсена храмы монастыря, возможно по небрежности гравера, не имеют крестов. Тем не менее можно утверждать — гравюра 1702 г. подтверждает истолкование начертанных Витсеном сооружений в качестве Андреевского монастыря.

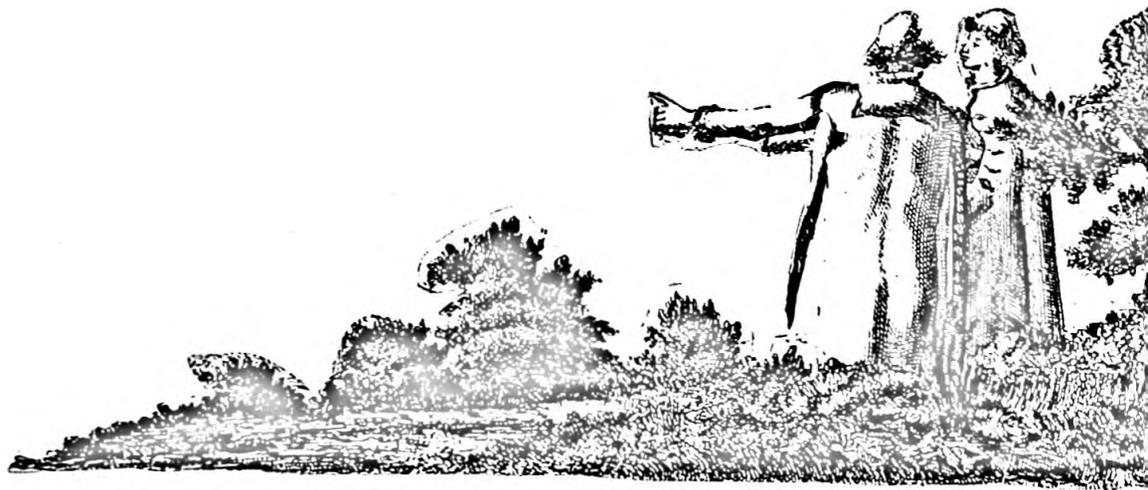
18 мая 1665 г. голландское посольство покинуло Москву. Обратный путь был знаком: Тверь, Торжок, Новгород, Псков, Печоры, лифляндская граница, Рига, далее

³⁹ Корюкина Т. А., Виноградов В. А. Новые данные по истории Крутицкого подворья в Москве // Архитектурное искусство. 35. 1988, с. 21–22
⁴⁰ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений, с. 277
⁴¹ Заеринский В. В. Материалы., Т. II, 1896, с. 14, № 1371
⁴² Памятники архитектуры Москвы, с. 102–103, № 27

на корабле по Балтийскому морю и, через германские города до родной Голландии. 8 августа 1665 г. Витсен, как он сам пишет, «невредимым приехал домой, за что должны благодарить Бога». Таковы последние слова дневника, который наш главный герой вел в течение всего, почти двухлетнего, путешествия. Впереди была полная трудов, открытий, научных изысканий жизнь. Позже о Витсене скажут как о знаменитом человеке, который «по доброму употреблению своих бесчисленных сокровищ, расточал их как прямой гражданин всего мира, посылая сведущих людей собирать все, что ни есть редкого во все концы света, чего бы то стоило»⁴³.

⁴³ Вольтер Г.
История царствования
императора Петра Великого.
М., 1810. Ч. 1, кн. 2, с. 51

Московское путешествие произвело на Витсена неизгладимое впечатление. В своих делах и помыслах он всю жизнь думал и вспоминал о России, но попасть туда вновь ему было не суждено. Дневник и рисунки Витсена приходят к нам с опозданием более чем на 300 лет. Таким оказалось возвращение наследия знаменитого голландца в страну его пожизненной причудливо сбывающейся мечты.

Список сокращений

- АН — Академия Наук
 БАН — Библиотека Академии Наук
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ДАИ — Дополнения к актам историческим
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН
 ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам
 ИРЛИ — Институт русской литературы
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 (ныне ИИМК РАН)
 МАМЮ — Московский архив Министерства Юстиции
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НИИ МАЭ — Научно-исследовательский институт Музея антропологии
 РАН и этнографии РАН
 НИС — Новгородский исторический сборник
 ПАО — Псковское археологическое общество
 ПИХАМЗ — Псковский историко-художественный и архитектурный
 музей-заповедник
 ПСРА — Полное собрание русских летописей
 РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
 РАН — Российская Академия наук
 РГА ВМФ — Российский архив военно-морского флота СССР
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РОБАН — Рукописный отдел БАН
 СА — Советская археология
 ТОДРА — Труды отдела древнерусской литературы Института русской
 литературы
 ЧОИДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей
 российских

Литература

- Александровский М.* Указатель московских церквей. М., 1915
- Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1936
- Алепский Павел.* Путешествие антихойского патриарха Макария в Россию в половине XVII века // ЧОИДР. 4, 1898
- Амеросий.* История российской церковной иерархии. Ч. III. М., 1813
- Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М.–Л., 1960
- Андреев Л. В.* Историческое ядро Торжка и его главные архитектурные ансамбли // Архитектурное наследство, 29, 1981
- Андрелиев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914
- Архив Новоторжского Воскресенского женского монастыря. Старица, 1910
- Болховитинов Е.* История княжества Псковского. Киев, 1831
- Болховитинов Е.* Описание монастырей Иоанно-Богословского Крыпецкого и Рождество-Богородицкого Снетогорского. Дерпт, 1821
- Болховитинов Е.* Описание Псково-Печерского монастыря. Дерпт, 1821
- Бондаренко И.* Первоначальный облик Ивана Великого // Строительство и архитектура Москвы, 1980, 8
- Бочаров Г. Н., Выголов В. П.* Александровская слобода. М., 1970
- Будовниц И. У.* Повесть о разорении Торжка в 1315 г. // ТОДРА, 16, 1960
- Булкин В. А.* Новые данные о каменных постройках Хутынского монастыря и Юстинного двора в Новгороде // Археологические открытия 1981 года. М., 1983
- Булкин В. А., Овсянников О. В.* Каменные шатровые храмы Сийского монастыря // КСИА, 160, 1980
- Булкин В. А., Овсянников О. В.* Ученый, зодчий, каменщик. М., 1983
- Булкин В. А., Штендер Г. М.* Храм-колокольня Антониева монастыря в Новгороде // Археологические открытия 1985 года. М., 1987
- Василев И. И.* Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб, 1896
- Василев И. И.* Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб, 1898
- Веригин Е. А.* Новоторжский Воскресенский женский монастырь. Тверь, 1910
- Виноградов А. Н.* Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII вв. // Записки Русского археологического общества, VI, 1893
- Витсен Н.* Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник. Перевод со староголландского В. Г. Трисман. Л. 1981. ИНИОН, деп. 9338
- Владиславлев В.* Краткие исторические сведения о монастырях и более замечательных церквях г. Твери. Памятная книжка Тверской губернии на 1863 г. Тверь, 1863
- Вольтер Г.* История царствования императора Петра Великого. М., 1810
- Воробьев А. В.* К датировке часозвони Новгородского кремля // Культура средневековой Руси. Л., 1974
- Воронин Н. Н.* Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1967
- Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV вв. Т. II. М., 1962
- Воронин Н. Н.* Тверской кремль в XV веке // КСИА, 24, 1949

- Воронин Н. Н.* Хутынский столп 1535 г. // СА, VIII, 1946
- Выписка из Повести о Псково-Печерском монастыре // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883
- Выпись из тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь, 1901
- Выпись из тверских писцовых книг. 1627–1628 гг. Вып. I. Тверь, 1916
- Галашевич А. А.* Памятники деревянного зодчества Калининской области (ярусный тип храма) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982
- Галерея видов города Пскова и его окрестностей, издаваемая Псковским губерньским землемером Ивановым. Псков, 1838
- Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб, 1908
- Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964
- Годовиков И.* Краткое историческое обозрение г. Пскова и его древних достопамятностей с атласом рисунков. Псков, 1866
- Рукопись. Древнехранилище ПИХАМЗ.
- Годовиков И. Ф.* Описание и изображение древностей Псковской губернии. Вып. I. Псков, 1880
- Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV–XVII веках. Л., 1980
- Дмитрий, архимандрит.* Монастыри и приходские церкви г. Торжка и их достопримечательности. Тверь, 1903
- Доброклонский М. В.* «Книга Виниуса». Памятник русского собирательства XVII–XVIII вв. // Известия АН СССР, 1929
- Зверинский В. В.* Материалы для историко-статистического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. III. СПб, 1897
- Илиогор, иеромонах.* Историко-статистическое описание города Торжка. Тверь, 1860
- Илиогор, иеромонах.* Историко-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861
- Ильин М. А.* Каменная летопись Московской Руси. М., 1966
- Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в. М., 1980
- Ильин М., Моисеева Т.* Москва и Подмосковье. М., 1979
- Иосиф, иеромонах.* О крестных ходах в г. Пскове и его окрестностях. СПб, 1858
- История русского искусства. Т. IV. М., 1959
- Каргер М. К.* Новгород. М.–Л., 1970
- Карманов Д. И.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893
- Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984
- Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. 1978. Л., 1979
- Комаров Б.* Чертеж города Твери до перепланировки XVIII в. // Архитектурное наследство, 6, 1956
- Кордт В.* Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 год // Сборник русского исторического общества. Т. 116, 1902
- Корюкина Т. А., Виноградов В. А.* Новые данные по истории Крутицкого подворья в Москве // Архитектурное наследство, 35, 1988

- Косточкин В. В.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964
- Красовский М.* Материалы по истории русской архитектуры. Псковские звонницы // Зодчий, 1906, 28
- Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Новые данные об оборонительных укреплениях Новгорода // НИС, 3/13, 1989
- Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985
- Ламанский В.* Сборник чертежей Москвы и ее окрестностей и города Пскова XVII столетия. Юю Приложение ко II-му тому «Записок славяно-русского отделения археологического общества». СПб, 1861
- Левинсон-Лессинг В. Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977
- Линдеманн Н. К.* Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. Тверь, 1906
- Лихачев Н. П.* Икона Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб, 1908
- Лихачева Л. Д.* Миниатюристи — читатели новгородских литературных произведений // ТОДРА, XXII, 1966
- Ловягин А. М.* Альбом Мейерберга. СПб, 1903
- Ловягин А. М.* Николай Витсен из Амстердама у патриарха Никона // Исторический вестник. Т. 77. 1899, 9
- Макарий, архимандрит.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860
- Макарий, архимандрит.* Опись Новгородского Спасо-Хутынского монастыря 1642 года // Записки Императорского археологического общества. Т. IX, 1857
- Малков Ю. Г.* Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 год) // Древний Новгород. История, искусство, археология. Новые исследования. М., 1983
- Малков Ю. Г.* Новые материалы к истории архитектурного ансамбля Псково-Печерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1981
- Мальгин П. Д.* К изучению оборонительных укреплений средневекового Торжка // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983
- Мальгин П. Д.* К топографии Торжка XII–XIII вв. // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987
- Мальгин П. Д.* Культурный слой средневекового Торжка // КСИА, 195, 1989
- Мейерберг А.* Виды и бытовые картины России XVII века. СПб, 1903
- Мильчик М. И.* Древнерусский архитектурный ансамбль на чертежах и иконе XVII в. // История СССР, 1974, 2
- Мильчик М. И., Ушаков Ю. С.* Деревянная архитектура русского Севера. Л., 1981
- Миротворцев М.* Псково-Печерский монастырь. Памятная книжка для Псковской губернии на 1860 год. Псков, 1860
- Михайлов А. И.* Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле. М., 1963
- Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого // МИА, 31, 1952.
- Морозкина Е. Н.* Новое в зодчестве Пскова XVI века по памятникам Спасо-Елизарова и Снетогорского монастырей // Сборник исследований по истории архитектуры и градостроительства. Вып. I. М., 1964

- Морозкина Е. Н.* Псковская земля. М., 1978
- Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949
- Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб, 1853
- Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. I. Вып. 2. СПб, 1896
- Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. Ч. II. М., 1986
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950
- Новгородские писцовые книги. Т. V. СПб, 1905
- Овсянников Н. Н.* Тверь в XVII в. Тверь, 1889
- Окулич-Казарин Н. Ф.* Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды ПАО. Вып. 11, 1915
- Окулич-Казарин Н. Ф.* Спутник по древнему Пскову. Псков, 1911
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. СПб, 1906
- Ополовников А., Островский Г.* Русь деревянная. М., 1981
- Остроумов В. П., Чумаков В. В.* Свяжск. Казань, 1971
- Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955
- Пальмквист Э.* Краткое описание города Новгорода и его местоположения // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 33, М., 1952, с. 132
- Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989
- Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982
- Памятники отечественной истории. Вып. 3. Ч. 1-2. М., 1984
- Писцовая книга г. Торжка и посада. Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865
- Плешанова И. И.* Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и этнографика. Т. XII, 1978
- Плешанова И. И.* Керамическое надгробие из Псково-Печерского монастыря. // КСИА. Вып. 96, 1963
- Плешанова И. И.* Псковские архитектурные керамические пояса // СА, 1963, 2
- Подъяпольский С. С.* Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV–XVI века) // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970
- Подъяпольский С. С.* К характеристике кирилловского зодчества XV–XVI вв. // СА, 1966
- Покрышкин П.* Церкви псковского типа XV–XVI столетий по восточному побережью Чудского озера и р. Нарове // ИАК. Вып. 22, 1907
- Полевой Б. П.* О картах северной Азии Н. К. Витсена // Известия АН СССР. Серия географическая, 1973, 2
- Попова Т. Д.* Памятники Московского Кремля в Лицевом своде XVI в. // СА, 1983, 4
- Порфиридов Н. Г.* Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе. // ТОДРА, XXII, 1966
- Прохоров В.* Русские древности. Кн. 1-я. СПб, 1872
- Псковские летописи. Вып. I. М.–Л., 1941
- Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII–XVII вв // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975

- Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X–XV вв. М.–Л., 1961
- Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях. М., 1852
- Р-в Н.* Очерк Торжка. Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865
- Рикман Э. А.* Новые материалы по топографии древней Твери // КСИА. 49, 1953
- Родичкова И.* Псковский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. М., 1981
- Рожалов К. К.* Псков, Новгород и Москва в их архитектурно-художественных взаимоотношениях // Известия РАИМК, IV, 1925
- Рубцов М. В.* Тверь в 1674 г. // Сборник трудов членов Псковского археологического общества. Псков, 1897
- Рыбача Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде. XII–XVII вв. М., 1986
- Севрюк В. В., Петров Д. А.* Каменные храмы в городах, монастырях и погостах Новгородской земли. Псков, 1987
- Скобелев Б. С.* Памятники древнерусского зодчества. Земля Псковская. Л., 1972
- Снегирев И. М.* Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. М., 1866
- Соколов А.* Святой благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской. Тверь, 1864
- Соколов И. И.* План г. Твери 1-й четверти XVIII в. // Из истории Калининской области. Калинин, 1964
- Спегальский Ю. П.* Каменное зодчество Пскова. Л., 1976
- Спегальский Ю. П.* Псков. Л.–М., 1945
- Спегальский Ю. П.* Псков. Л., 1978
- Спегальский Ю. П.* Церковь Богоявления с Запсковья // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967
- Стасов В. В.* Собр. соч. Т. I. СПб, 1896
- Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий. Л., 1939
- Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. М., 1950
- Тарасюк Л. И.* Из истории русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // СА, 1965, 2
- Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 г. М.–Л., 1935
- Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962
- Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание села Выдропужска Тверской губернии. М., 1902
- Токмаков И. Ф.* Снеготорский монастырь. Псков, 1887
- Толстой М.* Святыни и древности Новгорода. М., 1862
- Тыжнов И.* Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVII века // Сибирский сборник. СПб, 1887
- Тюменев И. Ф.* От Ржева до Углича // Исторический вестник, 2, 1896
- Уваров А. С.* Икона преподобных Ефрема и Аркадия, Новоторжских чудотворцев, Тверского музея // Сборник мелких трудов. Т. I. М., 1910
- Федоров В. А.* Роль церквей и монастырей в жизни средневекового Пскова. Экскурсионное дело, 1922. v 4, 5, 6. Пг., 1923
- Харузин Н.* Псков и его пригороды перед 2-й польской войной при царе Михаиле // Древности. Т. I. М., 1899

- Церкви и монастыри в г. Твери в 1677 году. Тверь, 1889
- Чередеев К.* Биографии тверских иерархов. Тверь, 1859
- Шалина И. А.* Псковское монастырское каменное зодчество XIV–XVII вв. Рукопись 1982 г.
- Шенников А. А.* Русское деревянное зодчество начала XVII века по книге А. Хутеериса // Современный художественный музей. Л., 1980
- Шенников А. А.* Устройство и назначение поварни // Доклады отделений и комиссий Географического общества. Вып. 15. Этнография. Л., 1970
- Шунков В. И.* Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639–1640 гг. М., 1939
- Щенков А. С.* Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследство, 28, 1980
- Щербачев Ю. Н.* Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезинг-Гюлштинского в Россию 1602 г. М., 1911
- Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М., 1981
- Ямщиков С.* Живопись древнего Пскова. Новые открытия. М., 1972
- Янин В. Л.* Чертеж Пальмквиста и его место в истории новгородских фортификаций // Русский город. Вып. 3. М., 1980
- Atlas Blaeu-Van der Hem.* Bd. 24. («Russia quae est Europae lib. IV»), Taf. 8, 18–21, 25–30
- La Galerie agreable du Monde* [vol. 44], Leide [1724], № 27, 28, 42
- Gebhard J. F. *Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz Witsen.* 1641–1717. Utrecht, 1881–1882. T. 1–2
- Justinus M. J. *Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi.* Lib. 2. Lipsiae, 1935
- Keuning J. *Nicolaas Witsen as a Cartographer* // *Image Mundi.* XI. Stockholm, 1954
- Maly slownik terminologiczny dawnej architektury obronnej w Polsce.* Kraków, 1974–1977
- Mende U. *Westeuropäische Bildreugnisse zu Rußland und Polen bis 1700.* Bamberg, 1968
- Nicolaas Witsen. *Moscoviche Reyse. 1664–1665.* // *Journal en Aentekeningen.* Utgegeven door Th. J. G. Locher en P. de Buck. Deel. I–III. S-Gravenhage, 1966–1967
- Nowgoroder Ikonen. Des 12. bis 17. Jahrhudert.* Leningrad, 1981
- Olearius Adam. *Voyages tres curieux ex tres renommez, faits en Moscovie, Tartarie et Perse.* A Leide, chez Pierre Vander Aa. 1719. T. 1–2
- Oosthoek's geillustreerde Encyclopaedie Derde druk.* Deel XII, Utrecht, 1939
- Palmquist E. *Närke widh Sidste Kongl: Ambassaden till Tzaren i Moskou giorde Obsrvationer öfwer Ryßland, der Wägar, Paß medh Fästningar och Gröntser. Anno 1674.* Stockholm, 1898
- Wieder F. C. *Monumenta Cartographica.* Vol. 5. S-Gravenhage, 1933
- Witsen N. *Aeloude en hedendaegsche scheepsbouw en bestier.* Amsterdam, 1671
- Witsen N. *Noord en Oost Tartarye.* Amsterdam, 1705

**SEVENTEENTH-CENTURY RUSSIA
IN DRAWINGS AND DESCRIPTIONS
OF THE DUTCH TRAVELLER
NICOLAAS WITSEN**

SUMMARY

In 1664 the 23-years-old Nicolaas Witsen, son of a rich Dutch merchant, came to Russia as a member of the Netherlandish embassy. After visiting Riga, Dorpat (Tartu), Pskov, Novgorod, Torzhok and Moscow the embassy, a year later returned to the Netherlands. Witsen was among the ambassador's suite as a "nobleman by position."

The journey to this distant country produced an undeliable impression on the young Dutchman who had just graduated from the Leiden University. Since that time on Witsen who was later destined to become the Amsterdam's burgomaster, diplomat, engineer, scholar, connoisseur of the world geography and one of the managers of the East-Indian Company, the biggest in Europe, started collecting materials on Russia and the life of the peoples inhabiting it. He was the first to compile and publish the detailed map of North Asia on scientific grounds. He also wrote a comprehensive book on Asiatic part of Russia and its neighbours, titled *North and East Tataria* which was twice reissued in his lifetime, in 1692 and 1705.

While travelling through Russia Witsen kept a diary which he regrettably failed to publish himself. Found many years later in the Paris National Library it was at last published in the Hague in 1966–67. His travel notes containing information on Russia's everyday life, customs, layout of its cities, its roads etc. are of great historic value.

Witsen made some drawings of the cities, towns, villages, monasteries and separate structures he met on his way which were buried in oblivion for a long time, though almost all of them (eleven drawings) have been kept in the Department of Maps in the Austrian National Library in Vienna. They were brought there in 1737 to be included into one of the volumes of the manuscript World Geographical Atlas compiled by the Dutch collector Laurentius van Hem.

Judging from the materials included in it the volume devoted to Russia can be dated to 1665–78. The Austrian National Library has given its kind permission for the publication of these drawings.

These black-and-white drawings are done either in water-colour or in Indian ink with brush washing. They are likely to have been roughly made from nature and further finished on Witsen's return home. Local artists, among whom Witsen might be himself, did no more than decorated them with vegetation of various kinds leaving the rest as it was.

Only some of the drawings were annotated, none of them signed. Today all of them are authenticated, and their authorship is proved by the following facts.

In his diary and autobiography Witsen mentioned that he had made sketches of Moscow, Novgorod, Pskov and other places. In 1719 and 1727 the Dutch editor Pieter van der Aä included engravings made after some of Witsen's drawings into A. Olearius' *Description of the Journey to the Moscovy*; every engraving bears the Latin inscription *N. Witsen delineavit*. Except for their rather exotic ornamentation the engravings closely follow the originals.

The drawings from the Austrian library differ in their quality. Undoubtedly, the artist strived to be as faithful to the reality as possible. This has been confirmed by the analysis of his drawings consisting in some topographical investigation and more precise definition of the sites depicted. Some structures are depicted rather conventionally as the drawings had to be made quickly. Sometimes Witsen was short of time or it was too cold to stay outside for a long time or he was afraid of being seen sketching something from nature and taking for a spy. Comparing Witsen's drawings with sources, pictures, maps, descriptions, I have found out that Witsen depicted all the sites very accurately. Moreover, I visited all the places shown in his drawings and was able to define the points from which he made them (though some of the sites seriously differ from what they looked like in his time). But even what has remained proves the authenticity of his town-scapes and landscapes.

Witsen's drawings are like a window widely opened into the world of medieval Russian towns and villages, the world which far in the past now. Here I would like to dwell a bit upon the results of my searchings. Information on the drawings is given according to the time of their creation. The book contains other depictions of the places shown in Witsen's drawings to prove the latter's historic accuracy. The first to be drawn by Witsen after he arrived in Russia was the Pskov Caves Monastery (dr. 6). The drawing has no inscription but the site is easily identified. It shows a stone V-shaped fortification built in 1662–64 to protect the main entrance to the monastery. This is the earliest extant depiction of the fortification allowing to date it to the period before 1664.

On his approaching to Pskov Witsen took notice of the Snetogorsky Monastery located to the north of the city. Though the monastery structures reproduced in his

drawings have no inscriptions, they can be easily identified (dr. 8). While drawing Witsen most attention was paid to the main monastery building, the Ascension Church put up, as it turned out, in 1527–28. This church, unfortunately almost completely destroyed in the 1930s belonged to a rather rare type of churches combining a church and a bell-tower in one building. Its central tent-roofed tower was put on a wide base. It is generally accepted that tent-roofed churches appeared in Russia not earlier than 1532, but the church in the Snetogorsky Monastery proved to be built 4 or 5 years before the famous Ascension Church in the village of Kolomenskoye near Moscow regarded as the first tent-roofed structure of the medieval Moscow – the fact quite unexpected for the history of architecture. It is symptomatic that Witsen depicted in his drawings the most conspicuous and highest buildings in the vicinity of Pskov that considered to be innovations of late medieval Russian architecture, what is proved with his next drawing. This drawing has an inscription which reads: «a stone tower in Pskov» (dr. 22). Comparing the structure that attracted Witsen's attention with the townscapes seen in Pskov's icons we identified it as the St Euphymius the Great Church that used to belong to the Snetogorsky Monastery and was located in the side of the town. It is likely to be constructed around 1510–20. Like the Ascension Church the St Euphymius Church has a tent-shaped roof, with all the architectural details of it being conveyed very carefully. It is another early tent-shaped structure, unfortunately completely lost now.

Another sight attracted Witsen was that of the Trinity Monastery of Klopsk (situated about 12.5 miles to the south-east of Novgorod) founded in the early 15th century. The drawing shows two dilapidated churches and a bell-tower between them (dr. 28). The monastery's location and its details are reproduced quite accurately. The artist thoroughly drew the western tripartite façade of the Trinity Cathedral. Many of the monastery buildings, though seriously altered, have retained their original position, which makes it possible to identify the depicted sight, though there is no inscription on the drawing. On December 24, 1664 the Netherlandish embassy was detained at its approach to Novgorod for two days as the local authorities were unprepared for its meeting. Half a year later on his way back home Witsen again visited these parts. On June 4–5, 1665, while waiting to be admitted to Novgorod the embassy stopped at Gorodischche settlement, an ancient predecessor of Novgorod, founded in the mid-9th century. During one of these staying Witsen sketched the panorama of Novgorod as seen from the south (dr. 32–33). The panorama stretched for about 2.5 mile and accordingly the drawing unfolded is 200 cm long.

It is an astonishing with its fullness a detailed depiction of one of the biggest European cities of the period, covering St Sophia's and Trade Sides and the Kremlin. The composition shows a great number of structures, fortifications, churches, monasteries and other buildings, some of them being identifiable even now. Moreover, it allows to

discover some still unknown details. Thus it features a bridge across the Volkhov, the so-called 'Secret Town' (a wooden fortification with towers for delivering water) added to the Kremlin at the side of the Volkhov and, in the Trade Side, a stone quadrangular gate-tower with battlements. This is the only extant representation of what is now known as the Slavenskaya Tower. Comparing Witsen's panorama with other written sources and the present-day views we can conclude that all the structures, both preserved and altered, are presented here as they looked in the 1650s–1660s.

During his forced stay in the vicinity of Novgorod the Dutch traveller also sketched what he described as a "court of a nobleman and a village near Novgorod" (dr. 35). The drawing shows what appears to be the village of Troitskoye, 'capital' of the Paozerye area which used to belong to the tsars in the 15th–17th centuries. The drawing is so accurate that we can guess what purposes every structure served for. To be seen here are a nobleman's house with its dwelling-rooms and a tower-shaped bedchamber as well as the village itself with peasant houses and a church. The artist reproduced the minutest details such as ornamented window-surrounds, carved cornices and various roof decorations. It is one of the best from known representations of ancient Russian wooden houses belonged to a rich man, or even a tsar. It is distinguished from all other pictures of the period showing late medieval Russian wooden structures by its absolute realism.

The town of Torzhok also made a great impact on Witsen who sketched its structures thrice. One drawing shows an old fortress (dr. 38) walls, 14 logs high, and towers. Having compared it with other written sources we found out that the fortress's plan is scrupulously conveyed.

In another drawing inscribed as a "tower in Torzhok" Witsen shows a tall as if pointing to the sky church which, though seriously altered, is still extant. It is the Ascension Church (dr. 43). We didn't know until recently how it had looked like before 17th century. In Witsen's drawing we can see that it was of quite a rare for Torzhok type, to wit a many-tiered structure consisting of several cubes placed on one another and decreasing in size from bottom to top.

The stone Sts Boris and Gleb Monastery founded not later than the 12th century and still preserved in Torzhok is to be seen on the third sheet of the Dutch traveller which has an inscription, a "wooden monastery in Torzhok" (dr. 36). During his visit to Torzhok the monastery was completely wooden except for its main Sts Boris and Gleb Cathedral, hence we can conclude that Witsen was there in early 1665, as in the 1670s the monastery was thoroughly rebuilt in stone. Witsen shows not only its churches, either destroyed or rebuilt later, but also the Father Superior's house, monks' cells and various administrative and auxiliary structures. The latter served secular purposes and could appear in towns as well. Thus the monastery is presented as if consisting of two different parts, one includes churches and the other, secular structures; this helps us to

see another aspect of life of late medieval Russian monasteries. The drawing contains a lot of realistic details — figures of doves decorating crosses, domes covered with fancyshaped wooden planks and richly ornamented window-surrounds of parade windows.

The panorama of Tver (dr. 48), that also attracted Witsen's attention, is important from iconographic and topographic points of view. It shows only some parts of this ancient town located on the Volga banks. Here we can see the Kremlin with the Saviour Cathedral put up in 1285, next to it, in an island, there is the Monastery of St Theodore, Patriarch Nikon's residence. Further on, on both sides of the Volga, Zagorodsky and Zavolzhsky settlements are to be seen. It was a typical Russian town which mostly had two- or three-storey houses concentrated round churches and along main streets. Witsen's drawing is one of the best and most realistic representations of ancient Tver.

His "travelling" series of drawings is closed by the engraving of the view of Moscow (dr. 58). Unfortunately the drawing itself is either lost forever or is to be found later. The capital is viewed from the Vorobyev Hills. The engraving depicted several distinct areas, the Earthen Town, the White Town and the Kremlin. The panorama contains all sorts of structures — dwelling houses, towers, gates, churches, palaces and monasteries. All of them are drawn accurately and those that have been preserved are easily recognized.

Witsen's drawings may serve a good illustration of medieval Russian architecture and town-planning. They show us many sights lost forever. While sketching what impressed him most on his way across Russia Witsen was unaware of his drawings' importance for future generations. Today, 300 years later, they can be justly valued as another significant source of information on Russian history.

Anatoly Kirpichnikov

Содержание

Николаас Витсен. Биографический очерк	7
Выдержки из дневника Николааса Витсена «Путешествие в Московию»	21
Въезд в Россию. Псково-Печерский монастырь. Псков	45
Архитектурные неожиданности во Пскове	63
Новгород и его округа	93
Торжок	121
Тверь	149
Москва	177
Список сокращений	194
Литература	195
Seventeenth-century Russia in drawings and descriptions of the Dutch traveller Nicolaas Witsen. Summary	202

Сделанные Николаасом Витсеном рисунки русских городов никогда не публиковались и были обнаружены в отделе картографии Австрийской Национальной библиотеки в Вене, которая и предоставила автору право публикации.

Опубликование рисунков Витсена равноценно открытию и возвращению, казалось, навсегда исчезнувшего пласта отечественного культурного наследия. Написанное ярким образным языком, произведение А. Н. Кирпичникова является ценным вкладом в изучение культурных контактов России и Западной Европы XVII века, в изучение русской национальной культуры и, несомненно, привлечет внимание как специалистов, так и других читателей, интересующихся отечественной историей.

